

А. Е. НЕГИН

РИМСКОЕ
ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ
И ТУРНИРНОЕ
ВООРУЖЕНИЕ

А. Е. Негин

**РИМСКОЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ
И ТУРНИРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ**

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

Негин, А. Е.

Н41 Римское церемониальное и турнирное вооружение. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. — 232 с., ил.

ISBN 978-5-8465-0788-3 (Факультет филологии и искусств СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-455-0 (Нестор-История)

Настоящее издание рассматривает эволюцию римского церемониально-парадного и турнирного вооружения и, главным образом, наиболее его репрезентативной составляющей — богато украшенных элементов доспеха и шлемов с антропоморфными масками.

Предлагаемая читателю книга впервые на русском языке детально описывает римские богато украшенные доспехи и дает их интерпретацию, основываясь на обширном материале западноевропейских исследований в данной области, пополняя уже известные своды артефактов новыми малоизвестными и неопубликованными находками. Этот рассказ дополняет краткий экскурс с описанием тех церемоний, в которых применялся тот или иной вид богато украшенного доспеха.

Для научных работников, аспирантов и студентов, всех интересующихся военной историей античности.

ББК 63.3(0)32

Negin, Andrei Ye.

Roman ceremonial and tournament armament. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts; Nestor-Historia, 2010. — 235 p., ill.

ISBN 978-5-8465-0788-3

ISBN 978-5-98187-455-0

The book deals with the evolution of Roman ceremonial-parade and tournament armament, mainly with its most representative constituents — the richly decorated body-armour and helmets with anthropomorphous masks. For the first time in Russian-language literature at all, on the basis of attracting voluminous data of Western European studies in this field and as well through supplementing the corpus of artifacts well-known by now with little known and unpublished finds, the author gives both the detailed description of Roman luxurious protective arms and their interpretation. This account is added with a brief excursus telling of the ceremonies where one or another kind of richly decorated armour was in use.

The publication is intended for scholars, post-graduates and students, as well as for all those who are interested in the military history of Classical Antiquity.

Редактор *Л. А. Соловьева*

Корректор *Л. А. Макеева*

Технический редактор *О. В. Колесниченко*

Верстка *С. В. Кузнецова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

ISBN 978-5-8465-0788-3

ISBN 978-5-98187-455-0

© А. Е. Негин, 2010

© С. В. Лебединский, оформление, 2010

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 20.12.2009.

Формат 70 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ № 389.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многих лагерь манит, —
 зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная
Матерям всем война.

(*Horat. Carm. I. 1. 23–25*)

Цель данного предисловия заключается не только в том, чтобы представить новую работу, посвященную военному делу римлян, — о ее достоинствах и недостатках судить, конечно, в первую очередь будут сами читатели. Думается, есть необходимость кратко пояснить тот общеисторический и историографический контекст, в котором изложенный в книге материал и предлагаемый подход к истории римского оружия приобретают особое значение и актуальность. Дело в том, что сама по себе оружиеведческая проблематика уже давно привлекает внимание исследователей римской военной истории, и внимание это только возрастает благодаря новым открытиям археологов. Вместе с тем антиковеды в последнее время начинают обращаться и к новым вопросам, новым ракурсам изучения истории войн и оружия, делая предметом своих исследований экономические, социальные, ментальные и идеологические аспекты военной организации древних государств.

Реконструкция вооружения древних римлян, тактики и некоторых повседневных реалий службы в римской армии вызывает также горячий интерес большого числа любителей военной истории. Ин-

терес этот, без сомнения, подогревается и современным кинематографом, который в последнее время довольно часто обращается к сюжетам из истории Древнего Рима и перед которым поэтому также встает проблема исторически достоверного воспроизведения боевой и парадной экипировки римских воинов, способов ведения боя индивидуальными бойцами и целыми подразделениями, военных церемоний и т. д. К сожалению, постановщики костюмированных исторических фильмов далеко не всегда в должной мере учитывают весь тот богатый материал, которым располагает современная наука, и предлагаемые специалистами решения тех или иных спорных проблем. То же самое можно сказать и о некоторых появившихся недавно на русском языке популярных изданиях, посвященных римской армии.

Говоря о том общеисторическом контексте, который нельзя не учитывать при обращении к такой, казалось бы, узкоспециальной теме, как история римского вооружения, нужно обратить внимание на следующие моменты. В разные исторические времена у разных народов привлекательность военной службы не была одинаковой. Она, безусловно, зависела от многих факторов, таких как характер и интенсивность войн, которые вело государство в тот или иной период своей истории, общие культурно-исторические и собственно военные традиции народа, материально-бытовые условия службы, ее государственная значимость и престижность в обществе. Древний Рим не был в этом отношении исключением, и в его истории отношение граждан к испол-

нению своего воинского долга было различным. Если на ранних этапах развития римского государства для большинства римлян ежегодные военные походы были столь же неотъемлемой частью их жизни, как и повседневные хозяйственные заботы и государственные дела, то начиная примерно с последней трети II в. до н. э. неоднократно возникали ситуации, когда с великим трудом, прибегая к весьма крупным мерам, удавалось комплектовать легионы, а в период гражданских войн от призыва в армию некоторые предпочитали скрываться даже в эргастулах — специальных тюрьмах для рабов (Suet. Tib. 8). Однако в истории Рима было и такое время, когда ряды легионеров стали пополняться преимущественно добровольцами, которых не смущали неизбежные лишения, тяготы и риски военной жизни. Это время началось с военной реформой Гая Мария, осуществленной в самом конце II в. до н. э. и, в частности, открывшей дорогу в легионы неимущим римским гражданам. Но в наибольшей степени принцип добровольного комплектования реализуется в эпоху Принципата, после преобразований, проведенных в римской военной организации Октавианом Августом и сделавших армию действительно профессиональной.

Понятно, что в первую очередь по собственной воле поступали в войско те, кто рассчитывал улучшить свое материальное положение за счет регулярного и достаточно высокого жалования, разного рода социальных и юридических льгот, доли в добыче и императорских подарков, наградных, получаемых по выходе в отставку; привлекали этих людей

также возможности карьерного роста и социального возвышения. Не следует, впрочем, недооценивать и мотивы психологические, можно даже сказать, романтические, которые могли быть далеко не последним доводом в выборе профессии воина как для простых плебеев и провинциалов, так и для представителей знати. Это, конечно, старое как мир желание отличиться на военном поприще, проверить себя в нелегких испытаниях, прославиться, увидеть мир и т. д. О таких людях во времена Августа говорили как о родившихся под знаком Скорпиона: по словам автора астрологической поэмы Марка Манилия, они жаждут битв и лагерей Марса и даже мирное время проводят с оружием в руках, любят военные игры и потехи, посвящают свой досуг изучению связанных с оружием искусств (Astronomica. IV. 217—229).

Такого рода мотивы, очевидно, были самым непосредственным образом связаны и со своеобразной *эстетикой* — и сознательной *эстетизацией* — военного дела. Она находит свое проявление и в батальных сценах на изобразительных памятниках (как на монументах, воздвигаемых в честь одержанных Римом побед, так и на небольших рельефах, украшавших надгробия отдельных солдат и офицеров), и в воинских церемониях и ритуалах — от рутинного строевого смотра в каком-нибудь отдаленном гарнизоне до пышных императорских триумфов, справлявшихся в Риме, и в архитектуре военных сооружений, и в декоре, украшавшем вооружение и экипировку римских воинов.

К этой стороне римской военной истории современные исследователи стали обращаться лишь в самое последнее время, уделяя преимущественное внимание образам войны в изобразительном искусстве¹. Вместе с тем именно в римской цивилизации обнаруживается ряд специфических феноменов, с которыми, на наш взгляд, связано особое значение названных аспектов военного дела. Здесь можно указать, по меньшей мере, на две взаимосвязанные характерные особенности созданной римлянами цивилизации.

Прежде всего это милитаризация римского общества и государства, тот специфический римский милитаризм, который был неизбежным следствием исторических условий формирования и развития римской общины. Среди античных государств республиканский Рим по степени

вовлеченности граждан в сферу военного дела можно сравнить, наверное, только со Спартой. И на самых ранних этапах истории Рима, и в эпоху великих завоеваний быть достойным римским гражданином значило быть хорошим воином. Война всегда считалась одним из наиболее почетных занятий для всякого настоящего римлянина и, в первую очередь, для представителей знати. Соответственно воинские ценности и представления пронизывали всю идеологию и культуру классического Рима.

Вторая черта, отличающая римскую цивилизацию, — это особое пристрастие римлян к массовым публичным зрелищам, среди которых с точки зрения их общественной и государственной значимости первенство, бесспорно, принадлежит триумфам и гладиаторским боям. Первые были для римской элиты более вождеденным отличием, нежели олимпийские победы для греческой аристократии², а кровавые зрелища, несомненно, пользовались у римлян большей популярностью, чем театр и атлетические состязания у древних греков. Кроме того, римляне всегда, даже во времена «Римского мира» I—II вв. рассматривали умение обращаться с оружием как обязательный компонент воспитания настоящего римского гражданина и отдавали предпочтение военным упражнениям, не разделяя пристрастие эллинов к палестрам и гимнасиям. Таким образом, в Риме, даже после того как служба в легионах

¹ См., например: *Hannestad N.* Rome and her enemies: Warfare in Imperial art // *War as a cultural and social force: Essays on warfare in Antiquity* / Ed. T. Bekker-Nielsen and L. Hannestad. København, 2001. P. 146–154; *Hölscher T.* Images of War in Greece and Rome: Between Military Practice, Public Memory, and Cultural Symbolism // *Journal of Roman Studies*. 2003. Vol. 93. P. 1–17; *Representations of War in Ancient Rome* / Ed. Sh. Dillon and K. Welch. N. Y., 2006 (см., в частности, следующие разделы в этом труде: *Klar L.* The origins of the Roman Scaenae Frons and the architecture of triumphal games in the second century BC. P. 162–183; *Koortbojian M.* The bringer of victory: imagery and institutions at the advent of Empire. P. 184–217; *Kousser R.* Conquest and desire: Roman Victoria in public and provincial sculpture. P. 218–243; *Dillon Sh.* Women on the columns of Trajan and Marcus and the visual language of Roman victory. P. 244–271; *Lusnia S.* Battle imagery and politics on the Severan arch in the Roman Forum. P. 272–299).

² Цицерон в одной из речей удивляется тому, что греки ценили победу на Олимпийских играх выше, чем римляне триумф (*Pro Flacco*. 13. 31).

стала уделом незначительного меньшинства граждан, формировалась публика, умевшая ценить воинские искусства и военные церемонии, разбиравшаяся в оружии и воинской экипировке. Все это, безусловно, способствовало воспитанию и укоренению среди римлян особого отношения к эстетическим, зрелищным аспектам военной деятельности, включая разного рода воинские парады и ритуалы, которые, очевидно, не могли не привлекать многих молодых людей, поступавших на службу в армию.

Как публичные государственные мероприятия с участием войск, так и традиционные армейские церемонии, проводимые по разным поводам (выплата жалованья и вручение наград, строевые смотры по итогам проведенных учений, религиозные и государственные празднества, показательные кавалерийские турниры и т. д.), предполагали выход за рамки повседневной служебной рутины. И наглядным воплощением, знаком перехода от повседневности к торжественному действию служило облачение в парадную «униформу». Кроме того, и те и другие мероприятия, вовлекая большие массы людей (включая в некоторых случаях и зрителей), требовали не только согласованности и четкости их действий, но также и особой пространственной организации и визуального оформления того места, где разворачивалась соответствующая церемония. Все это было расчитано и на решение чисто прагматических задач, и на то, чтобы произвести определенный эффект, воздействуя как на самих участников действия, так и на тех, кто был просто его зрителем. Если

учесть, что практичные римляне не скупались на проведение дорогостоящих публичных церемоний, можно предполагать, что своей главной цели они достигали — демонстрировали гражданам и подданным несокрушимое могущество и величие Рима. Не исключено, что полученные в детстве и юности впечатления побуждали записываться в армию тех молодых людей, чьи отцы и старшие братья во всем блеске своей экипировки участвовали в парадах и турнирах.

Не будет, наверное, преувеличением сказать, что в античной древности воинская экипировка, «мундир», красота оружия и воинского строя были не менее значимы в семантическом, знаковом смысле, чем военная униформа в государствах Нового и Новейшего времени. Рискнем даже высказать мнение, что эта «внешняя» сторона военной жизни играла в Древнем Риме, пожалуй, более важную роль, чем в настоящее время или в недавнем прошлом, и самым непосредственным образом была связана с практическим применением войск³. Во-первых, при всей унификации вооружения и экипировки в римской армии существовал достаточно большой простор — особенно у командиров разного ранга — для индивидуального выбора и приобретения защитного доспеха и личного оружия, отличающихся качеством изготовления и отдельными деталями, например использованием драгоценных металлов и

³ Подробный специальный анализ этих аспектов см. в статье Кейт Гилливер: *Gilliver K. Display in Roman Warfare: The Appearance of Armies and Individuals on the Battlefield // War in History. 2007. Vol. 14. Issue 1. P. 1–21.*

художественных элементов в их декоре, а соответственно и стоимостью. Во-вторых, следует иметь в виду, что войска маршировали в плотном сомкнутом строю не только на парадах. На поле боя они также выстраивались сплоченными частями и подразделениями, отличавшимися такими деталями вооружения, как, например, цвет и изображения на щитах, украшения шлемов (можно вспомнить созданный Цезарем из галлов легион «Жаворонков» — *legio Aluadae*, получивший такое название по характерным султанам на шлемах). Эти детали, несомненно, служили для того, чтобы различать соответствующие отряды во время сражения, и хорошо «читались» опытным взглядом командующего. В-третьих, качество оружия и доспехов, так же как и некоторые знаки отличия (*dona militaria*), надевавшиеся в бой, было, очевидно, наглядной демонстрацией воинского статуса и заслуг их обладателя. И это имело тем более существенное значение, что в античности решающий этап всякого сражения представлял собой *face-to-face battle* — рукопашную схватку лицом к лицу с неприятелем, серию поединков, в которых важно было зримо показать противникам, с кем они имеют дело, внушить им соответствующие чувства, заранее продемонстрировав свое превосходство. В такой ситуации экипировка и отдельного бойца, и войсковых частей в целом приобретала не только сугубо функциональное, но и знаковое значение, несла определенную информацию, подобно боевой раскраске индейских воинов. Не стоит забывать и о присущем римской армии духе состязательности, стремлении от-

личиться в бою, выделиться среди своих соратников и обратить на себя внимание начальников и командующего.

Эти моменты акцентировали в своих произведениях античные писатели. Так, по свидетельству Арриана (*Tact.* 34. 2), шлемы всадников имели различные украшения в зависимости от ранга воина или его искусства владеть конем. По сообщению одного из продолжателей «Записок» Цезаря, во время Испанской войны, которую вел Цезарь против сыновей Помпея, один цезарианец принял вызов на поединок со стороны противника; и на глазах своих соратников они сошлись в схватке, украсив свои щиты блестящими знаками отличия как свидетельствами своей доблести и славы (*В. Н.* 25. 7). Во время Дакийской войны, которую вел император Домициан, один из его военачальников, приказал солдатам написать на щитах свои имена и имена своих центурионов, чтобы на поле боя можно было хорошо различить, кто отличаетеся храбростью, а кто — трусостью (*Dio Cass.* LXVII. 10. 1). Плутарх сообщает, что всадники Помпея перед битвой при Фарсале очень гордились своим боевым искусством, блеском оружия и красотой коней (*Plut. Caesar.* 42). Тот же автор, рассказывая о событиях накануне сражения республиканцев и триумвиров при Филиппах, свидетельствует: «Числом солдат Брут намного уступал Цезарю [Октавиану], зато войско его отличалось поразительной красотой и великолепием вооружения. Почти у всех оружие было украшено золотом и серебром; на это Брут денег не жалел, хотя во всем остальном старался приучить начальников к

воздержанности и строгой бережливости. Он полагал, что богатство, которое воин держит в руках и носит на собственном теле, честолюбивым прибавляет в бою отваги, а корыстолюбивым — упорства, ибо в оружии своем они видят ценное имущество и зорко его берегут» (Plut. Brut. 38).

Все названные факторы так или иначе присутствуют и в парадной стороне военной жизни. Торжественные церемонии с участием войск, по какому бы поводу они ни проводились, призваны были в первую очередь наглядно — «геометрической» четкостью строя, слаженностью движения во время марша, блеском штандартов, доспехов, оружия и знаков отличия — показывать боеспособность армии, воплощая специфический воинский дух того сплоченного дисциплиной и выучкой сообщества вооруженных граждан, в котором заключаются сила и слава государства.

Сейчас нам, конечно, очень трудно в полной мере, вживе представить и реконструировать зрительно-акустическую картину парадного марша римского войска: звучание труб и рогов, сигналы которых приводили в движение построенные отряды, блеск и звон начищенных доспехов и оружия, сияние легионных орлов, штандартов когорт и других подразделений, знаков отличия, украшавших доспехи воинов, яркую цветовую гамму щитов, султанов на шлемах, плащей командиров, ржание и топот коней, стук подкованных гвоздями солдатских калиг по мощенным улицам и площадям города или утопанному грунту строевого плаца, окруженного алтарями и ста-

туями богов. При этом, как мы отметили, важно выявить ту историческую подоплеку, те социокультурные импликации, которые лежат в основе всего комплекса феноменов, относящихся к римским военным церемониям и ритуалам.

Литературные источники, к сожалению, довольно-таки скупо освещают эти стороны армейской жизнедеятельности. Поэтому, чтобы приблизиться к достижению данной цели, рассчитывать приходится главным образом на изобразительные памятники и археологические находки, которые требуют применения скрупулезного анализа и специальных методов исследования. Достоверная интерпретация артефактов, поставляемых археологией, и изображений, сохранившихся на памятных колоннах, триумфальных арках, солдатских надгробиях, монетах и других предметах, представляет немало специфических трудностей и проблем, следствием которых являются непрекращающиеся споры специалистов-оружиеведов. Эти дискуссии, идущие с переменным успехом, касаются как идентификации и функционального назначения тех или иных предметов вооружения, их эволюции под влиянием ли конкретных исторических условий и собственно военных нужд, или моды, или заимствований у других народов, так и технологии изготовления, организации снабжения армии необходимым снаряжением, семантики имеющихся на них изображений и т. д.

Автор данной книги, в полной мере отдавая себе отчет в сложности всех этих вопросов, стремится к сбалансированному, объективному и всестороннему осве-

щению названных аспектов, основанному на учете всего спектра высказанных в научной литературе мнений и на самостоятельном анализе обширной совокупности разнообразных источников. Он обладает исключительно ценным для решения этой задачи сочетанием исследовательской эрудиции и навыков художника. Такое сочетание позволяет не только представить достаточно полную картину парадно-турнирного вооружения римской армии и раскрыть тот контекст, в котором оно использовалось, но и предложить научно обоснованные *авторские* реконструкции всего комплекса доспеха и экипировки. В работе А. Е. Негина собран весьма репрезентативный иллюстративный материал, включающий фотографии и рисунки редких музейных экспонатов и находок из частных коллекций. Визуальный ряд книги, представляющий, таким образом, наиболее полную на сегодняшний день сводку важнейших памятников римского церемониального вооружения, дополняется различными схемами, картами и рисун-

ками автора, иллюстрирующими отдельные аспекты его иконографии, производства и эксплуатации. В этом, безусловно, заключается главная ценность монографии, которая к тому же написана ясным, доступным для достаточно широкого круга читателей языком. Вместе с тем в книге А. Е. Негина предложены оригинальные трактовки ряда специальных проблем (таких, например, как идентификация шлемов с масками, типология и эволюция боевых наголовий в императорской римской армии, техника производства отдельных элементов вооружения и т. д.), что, без сомнения, сделает данное исследование востребованным и среди специалистов разных областей антиковедения.

Хочется надеяться, что эта работа станет отправным пунктом в развитии нового для отечественной науки направления и будет интересна многочисленным любителям военных древностей.

А. В. Махлаук,
д-р ист. наук, зав. кафедрой
истории Древнего мира и Средних веков
Нижегородского гос. университета

ВВЕДЕНИЕ

Идея создания этой книги появилась в связи с полным отсутствием публикаций на русском языке, посвященных данной проблематике. Отечественные исследователи не раз касались вопросов, связанных с организацией, структурой, социально-политическими и военно-этическими традициями римской армии [см., например: Абрамзон. 1994; Колобов. 1999; Махлаюк. 2000; 2006; Парфенов. 1994; Парфенов. 2001 и др.]. Однако за рамками исследований всегда оставались вопросы о вооружении и снаряжении легионов и вспомогательных частей, а если этой темы и касались, то лишь поверхностно. Еще меньше обсуждалось богато украшенное защитное вооружение, которое вот уже несколько десятилетий ассоциируется главным образом с военными конными ристалищами, ставшими прообразом средневековых рыцарских турниров. Что касается западных исследователей, то обширный, накопленный за последние сто лет археологический материал стал благодатной почвой для многочисленных гипотез относительно происхождения, значения и использования различных элементов воинской экипировки. Первоначально интерпретаторы склонялись к трактовке богато декорированного вооружения как экипировки для военных парадов и торжественных шествий. Но в середине XX в. несколькими историками была выдвинута идея, что все эти предметы использовались в кавалеристских турнирах, на

которых воины имели возможность не только показать свои навыки и боевую выучку, но также и развлечь зрителя ярким зрелищем своего богатого снаряжения [Petrikovits. 1952; Kiechle. 1965]. Такая трактовка была навеяна описанием комплекса вооружения всадников на состязаниях *hippika gymnasia*, которое дал в своей «Тактике» Арриан.

Его «Тактика», датированная двадцатым годом правления императора Адриана (Tact. 44. 3), т. е. 136/137 г., состоит из двух частей. Первая, историческая или систематическая (Tact. 1–32. 2), — трактат по греко-македонскому военному делу эллинистической эпохи, являющийся в значительной степени переработкой материала более ранних трактатов по тактике, из которых нам известны работы Асклепиодота (I в. до н. э.) и Элиана (нач. II в. н. э.). Вторая часть — руководство по кавалерийским турнирам и упражнениям в современной Арриану римской армии, которое является оригинальным произведением (Tact. 32. 3–44. 3). Но и первую, историческую, часть «Тактики», где Арриан выглядит более зависимым от своих источников, он дополняет примерами и рассуждениями из собственного военного опыта и практики военного дела не только римлян, но многих других народов, в том числе парфян, армян, скифов, сарматов, аланов [Stadter. 1978. S. 117–128]. Таким образом, единственное дошедшее до нас описание римских кавалерийских турниров следует признать исключительно информативным источником, автор которого был не сторонним наблюдателем, а человеком, непосредственно знакомым с военным

делом. Именно в этом сочинении мы находим детальное описание богато украшенных доспехов для человека и коня, а также шлемов с антропоморфными масками.

К сожалению, остальные нарративные источники практически не дают описаний такого великолепного вооружения, обходясь лишь общими фразами. Несмотря на это, совокупность имеющихся в нашем распоряжении источников свидетельствует о довольно широком бытовании богато украшенных доспехов, которые использовались не только на кавалерийских турнирах, но и в ходе различных войсковых церемоний, в первую очередь таких, как всевозможные парады или триумфальные шествия.

Учитывая суждения исследователей, так или иначе причастных к изучению церемониальной жизни римской армии и — в более узком ракурсе — парадов и турниров, основную часть книги мы отводим описанию их материальной составляющей — вооружения и экипировки участников этих действий. Многочисленные археологические свидетельства указывают на существование экипировки, которая, видимо, никогда не применялась в боевых условиях и, судя по ее богатому декору, предназначалась для торжественных церемоний или турниров, когда нужно было поразить зрителя пышностью и блеском, призванными подчеркнуть торжественность мероприятия.

Огромный археологический материал, накопленный и проанализированный в современной науке, многие суждения специалистов по отдельным важным вопросам были привлечены и учитывались

при трактовке конкретных аспектов рассматриваемой темы. При этом вне нашего внимания остались вопросы, связанные с восприятием церемониальных действий их участниками и зрителями; менее детально рассмотрены организация и проведение военных парадов, а также тактические приемы кавалерийских команд, участвовавших в турнирах.

В книге по мере возможности обобщены и учтены новейшие находки и их интерпретации, предлагаемые зарубежными исследователями, и на этой основе формулируются нами собственные суждения и выводы. Ввиду огромного объема материала какие-то из вопросов рассмотрены более детально, а какие-то — в самых общих чертах. Это и неудивительно. Исследования, посвященные изучению парадного и турнирного вооружения и экипировки, появляются уже более двух веков, и интерес к данной проблематике не только не утихает, но возрастает с появлением каждой новой находки. Следствием этого стало большое разнообразие теорий по тому или иному аспекту темы и целый ряд классификаций предметов парадно-турнирного вооружения. Чтобы систематизировать их в рамках одной книги, понадобилось несколько лет напряженного труда, посвященного сбору материалов и их критическому осмыслению. При этом мы часто предлагаем собственную трактовку идеи, опираясь на работы зарубежных специалистов. Частные аспекты того или иного вопроса, детальные описания отдельных предметов (их фрагментов) не включены в исследование по причине ограниченного объема издания.

Кратко рассмотрим основные этапы и тенденции развития историографии, посвященной рассматриваемой проблематике.

Первая публикация богато декорированного вооружения, случайно обнаруженного летом 1796 г. сыном сапожника Джозефа Уолтона на пустоши близ Рибчестера [Towneley. 1800], появилась на заре становления археологии как науки. С тех пор введенные в научный оборот новые археологические данные все чаще привлекают внимание исследователей.

Начиная с 70-х гг. XIX в. выходят первые крупные работы, в которых на основе накопленного к тому времени археологического материала освещается генезис парадно-турнирного вооружения. В числе наиболее основательных трудов следует в первую очередь упомянуть сводку богато украшенного римского защитного вооружения, составленную двумя учеными, чей вклад в изучение данного вопроса и вообще римских военных древностей трудно переоценить. В 1878 г. вышла в свет работа О. Бенндорфа [Benndorf. 1878], а спустя три года — каталог Л. Линденшмита [Lindenschmit. 1881]. Обе работы содержали в основном один и тот же материал, но авторы пришли к совершенно противоположным выводам. О. Бенндорф считал шлемы с масками погребальными, отрицая тем самым не только их боевое, но и парадное применение, оставляя за ними лишь узко специализированное религиозно-церемониальное назначение. Л. Линденшмит в категоричной форме возражал против такой трактовки, считая данные шлемы военными. Однако в ходе полемики он в

конце концов отказался от категоричности своего суждения, оставив вопрос открытым. В 1876 г. Б. Старк, описывая несколько медальонов, доказывал возможность их интерпретации как умбонов щитов или конских нагрудников [Stark. 1876].

Заслуживает быть отмеченной появившаяся в 1894 г. объемная публикация, посвященная шлему из Хеддернхайма, автор которой, Доннер фон Рихтер, пытался проследить этапы развития подобных изделий [Donner von Richter. 1894. S. 21–50].

Некоторые тезисы названных работ не утратили своего значения до настоящего времени, несмотря на то, что с момента их публикации материал был значительно пополнен множеством новых находок.

Первую сводку всех находок парадного вооружения попытался дать в 1924 г. Ф. Дрексель [Drexel. 1924. S. 55 ff.]. Его работа называлась «Римское парадное вооружение», благодаря чему в последующих исследованиях укоренилась такая интерпретация не только шлемов с масками, но и других богато украшенных предметов защитного вооружения.

В последующие годы публикуются все новые находки, но только сенсационное открытие клада в Штраубинге в 1950 г. и последовавшая через год публикация о нем [Keim, Klumbach. 1951] возродили интерес ученого сообщества и любителей военных древностей к теме парадного вооружения. Работа Ж. Кайма и Г. Клумбаха мгновенно стала научным бестселлером и позже была дважды переиздана (в 1976 и 1978 гг.). Наличие в составе клада масок двух типов, а также богато

украшенных чеканкой и гравировкой поножей и конских налобников, которые до этого имели весьма редкие и плохо сохранившиеся аналоги, побудило к новым исследованиям, которые были совершены уже с привлечением античных нарративных источников. Так, в исследованиях Х. фон Петриковица [Petrikovits. 1951, 1952] и Ф. Кихле [Kiechle. 1965] был дан анализ сообщений античных писателей, прежде всего трактата Арриана. Находка же головы драконообразного стандарта в римском военном поселении в Нидербибере в 1967 г. дала наглядное подтверждение описанию Арриана.

Однако только в фундаментальном труде Г. Р. Робинсона о римском доспехе императорского времени появилась серьезная и до сих пор многими используемая классификация парадных шлемов, масок и иного защитного вооружения, которое было обозначено автором как «кавалерийское спортивное» (Cavalry Sport) [Robinson. 1975. P. 107–135, 160–161, 190–193]. Автор привлекает довольно объемный материал, однако рассматривает его прежде всего с конструкционной точки зрения, не обращая внимания на искусствоведческий аспект предметов, который подчас позволяет дать более точную датировку предмета и локализовать место его производства. Основные положения книги Г. Р. Робинсона были перенесены в красочные и популярные издания, написанные им самим, а также П. Коннолли [Robinson. 1976; Connolly. 1975, 1981].

В 1975 г. в Баварии (в Айнинге и Тайленхофене) были сделаны две интересные находки большого числа полностью

или частично сохранившихся предметов парадного вооружения [Kellner. 1978; Garbsch. 1978. S. 55–56]. Они позволили еще более дополнить и без того обширный материал и издать подробный каталог, автором которого явились Й. Гарбш при участии М. Колерт, Х. Келлнера и Ф. Кихле [Garbsch. 1978]. Это издание стало важной вехой в изучении парадно-турнирного вооружения и подготовило основу для будущих исследований в этой области.

Предметы парадного и турнирного вооружения частично рассматривались и в обобщающих трудах по римскому вооружению, написанных в начале 1990-х гг. М. Бишопом и Дж. Коулстоном [Bishop, Coulston. 1993], а также М. Фежером [Feugère. 1993].

Значительным вкладом в изучение римского парадного вооружения являются две работы немецкого военного историка М. Юнкельманна [Junkelmann. 1996; Born, Junkelmann. 1997], в которых автор не только дает свою собственную классификацию, но и вводит в научный оборот большое количество новых находок, разбросанных по частным коллекциям.

За десять лет, прошедших с момента выхода в свет этих книг М. Юнкельманна, число новых артефактов значительно возросло благодаря не только новым находкам археологов, но и резко возросшему интересу к ним антикваров, буквально наводнивших аукционный рынок предметами римского парадно-турнирного вооружения. Целью данной книги не является механическое дополнение каталога предметов, относящихся к данной

группе, тем более что следить за всеми новыми открытиями и пополнениями частных коллекций — занятие неблагодарное. Тем не менее читатель найдет в книге информацию о наиболее интересных новых, даже еще неопубликованных находках. Основное место в исследовании, как уже говорилось выше, уделено обобщению имеющихся на настоящий момент данных, а также авторской интерпретации наиболее спорных вопросов. Кроме того, мы обращаемся к обсуждению и других типов богато украшенного вооружения, которое не связывается с кавалерийскими турнирами, но использовалось в ходе военно-религиозных церемоний римской армии — на военных парадах и триумфах. Поэтому в поле нашего внимания попали также такие элементы, имеющие важное сакральное значение для церемониальных действий, как штандарты частей и подразделений и воинские награды (*dona militaria*). Чтобы у читателя сложилась целостная картина о тех аспектах римской военной действительности, где применялось парадное вооружение, отдельные главы, основанные преимущественно на анализе нарративных и иконографических источников, посвящены описанию этих церемоний римской армии, имевших сакральное значение.

Хронологические рамки данной работы охватывают период с начала I до конца III в., ибо основной материал по парадному и турнирному вооружению — как археологический, так и предоставляемый другими источниками — укладывается именно в этот временной отрезок.

В тех же случаях, когда возникала необходимость проследить весь процесс развития того или иного вида вооружения, даны краткие ретроспективные экскурсы, описывающие развитие той или иной традиции в изготовлении оружия.

Следует подчеркнуть, что данная работа не претендует на полный охват и в равной степени детальное рассмотрение всех возможных аспектов заявленной темы. Мы акцентируем свое внимание главным образом на ее *оружиеведческих* составляющих, а для более глубокого ознакомления с другими вопросами и сюжетами, которые затронуты в книге только в общем плане, рекомендуем обратиться к исследованиям, указанным в примечаниях и списке литературы.

Мы приносим искреннюю благодарность за советы и консультации, за предоставление исследовательского материала сотрудникам Йельской галереи искусств и Центрального римско-германского музея в Майнце, а также лично М. В. Горелику (Институт востоковедения РАН), А. В. Колобову (Пермский государственный университет), А. В. Махлаюку (Нижегородский государственный университет), О. Радюшу (Институт археологии РАН), М. Бишопу (Чирнсайт), Г. Борну (Музей древней и древнейшей истории, Берлин), С. Джеймсу (Лестерский университет), С. Димитрову (Велико Тырново), Э. Кюнцлю (Майнц), К. Миксу (Центральный римско-германский музей, Майнц), С. Мэтесон (Йельская галерея искусств), А. Пангерлу (www.gotancoins.info), М. Фежеру (Монпелье) и М. Юнкельманну (Ратценхофен).

Глава I

РИМСКАЯ АРМИЯ НА ТРИУМФАХ, ПАРАДАХ И КАВАЛЕРИЙСКИХ ТУРНИРАХ

Функция парадного доспеха в римской армии императорского времени заключалась прежде всего в репрезентации статуса солдата, когда на различных торжественных церемониях воины облачались в богато украшенные доспехи и надевали боевые награды, не только представляя напоказ свои боевые заслуги, но и пытаясь поразить зрителя великолепием своего вооружения, которое также могло быть для них наградой за ратный труд (при этом в состав парадной экипировки полководца входили также предметы *ornamenta triumphalia*, а воины хвалились своими наградами) [Негин. 2005 б. С. 11–12]. Не менее важно было произвести на зрителя впечатление пышностью снаряжения и на кавалерийских турнирах (*hippika gymnasia*), для которых также изготавливались великолепно декорированные дорогие доспехи и конское снаряжение. Такие состязания, на которых кавалеристы демонстрировали свою выучку, стали организовываться вследствие необходимости упражняться не только индивидуально, но и в строю. Поскольку эта книга посвящена парадному доспеху императорского времени, прежде чем приступить к описанию непосредственно парадного вооружения,

необходимо рассмотреть те торжественные церемонии, для которых воины облачались в богато украшенные доспехи и надевали боевые награды.

ТРИУМФЫ И ПАРАДЫ

Большая часть источников, описывающих римский триумф, относится к позднеереспубликанскому времени. Поэтому как проходили триумфы в последнее время, можно представить лишь в общих чертах, используя при этом не только нарративные, но и иконографические источники.

Церемония триумфа имела этрусские корни [Holliday. 2002. P. 22, 26; Künzl. 1988. S. 7, 85–87], однако как первоначально выглядели эти торжества в честь победы, неизвестно. Несомненно, римляне внесли в организацию триумфальных шествий немало изменений, о чем свидетельствует уже сама эволюция римского триумфа, имеющая некоторые черты, сформировавшиеся под эллинистическим влиянием [Holliday. 2002. P. 22, 26, 28]. Изначально это было пешее шествие. Вот как описал Плутарх самый первый легендарный римский триумф, который состоялся 1 марта 753 г. до н. э.: «Желая обставить возможно большим блеском исполнение обета, данного им Юпитеру, и сделать удовольствие гражданам, Ромул приказал срубить вблизи лагеря огромный дуб, придал ему вид победного трофея и повесил на нем в строгом порядке доспехи Акрона, сам же надел дорогое платье, украсил свои длинные волосы лавровым венком, положил

свой трофей на правое плечо, затем, высоко подняв его, запел победную песню и пошел вперед в сопровождении вооруженных солдат. Граждане принимали их с удивлением, смешанным с восторгом. Эта торжественная процессия послужила началом и образцом позднейших триумфов. Трофей был назван “даром Юпитеру-Феретрию”: “поражать” по-латыни “ферире”, Ромул же молил о том, чтобы ему “поразить” и убить противника. Доспехи же названы “опимиа”, как говорит Варрон, потому, что “опес” значит по-ла-

тыни также “богатство”. Все же вернее производство этого слова от “дела”, — “дело” по-латыни “опус”. “Опимиа” может посвятить полководец, собственноручно убивший неприятельского предводителя. Честь эта выпала до сих пор только трем римским полководцам: во-первых, Ромулу, убившему ценинского царя Акрона, затем Корнелию Коссу, умертвившему этруска Толумния, и, наконец, Клавдию Марцеллу, убившему галльского царя Бритомарта. Косс и Марцелл въезжали в город уже на колеснице в четверку, причем сами несли свои трофеи. Если Дионисий говорит, что Ромул вступил в город на колеснице, он ошибается: первым, по рассказам, придал триумфу блестящую внешность сын Демарата — Тарквиний. По другим, первым появился на колеснице, в триумфальной процессии, Попликола. Все находящиеся в Риме статуи Ромула-триумфатора представляют его пешим» (Plut. Rom. XVI. 5–8).

Таким образом, можно говорить о том, что на ранней стадии церемониальных действий триумфальная процессия совершала обход Палатина, во время которого несли трофеи и освящали захваченное оружие в храме Юпитера Феретрия. Затем появляется новое оформление церемонии, когда триумфатор едет на Капитолий в квадриге и приносит жертву Юпитеру. По всей вероятности, такая форма триумфа сформировалась в годы правления в Риме Тарквиния Гордого [Künzl. 1988. S. 85]. В начале Принципа-

1. Ромул-триумфатор. Фреска из Помпей. I в.

та церемония триумфа была приспособлена к победоносному императору. Содержание самой церемонии не изменилось, но ее стали включать в более широкий контекст императорских праздников. Одно из наиболее красочных описаний триумфа как части обширной программы празднеств дошло до нас в тексте жизнеописания императора Аврелиана: «Не будет уклонением в сторону дать понятие о том, какой был триумф Аврелиана: ведь он был очень блестящим. Там были три царские колесницы; из них одна — колесница Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая — присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья — которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. И в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побежденная, в чужом триумфе. Была еще одна колесница, запряженная четырьмя оленями; она, говорят, принадлежала царю готов. На ней, как передают многие, Аврелиан въехал на Капитолий, чтобы там заклать оленей; говорят, что он захватил их вместе с колесницей и посвятил Юпитеру всеблагому и величайшему. Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины — Аврелиан немедленно роздал их частным лицам, чтобы не отягощать императорскую казну их прокормом; четыре тигра, жирафы, лоси и другие подобные звери — в полном порядке; восемьсот пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен, — блеммии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы,

бактрийцы, иберы, сарацины, персы — все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками как пленники. Среди них шли впереди и уцелевшие знатнейшие лица города Пальмиры, и египтяне — в наказание за восстание.

Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди готов и были взяты в плен, тогда как много других женщин было убито; надпись указывала, что они из рода амазонок: впереди несли надписи, указывавшие названия племен. Тут же был Тетрик, одетый в алую хламиду, желто-зеленую тунику, галльские брюки, рядом с ним шел его сын, которого он объявил в Галлии императором. Выступала и Зенобия в украшениях из драгоценных камней, в золотых цепях, которые поддерживали другие. Впереди несли золотые венки от всех городов; названия последних были обозначены в высоко поднятых надписях. Много блеска придавали торжественному шествию сам римский народ, затем знамена коллегий и лагерей, воины, воины-панцирники (*catafractarii milites*), императорская гвардия, все войско и сенат, хотя и несколько опечаленный, так как сенаторы видели, что над ними справляется триумф. Наконец лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером — в Палатинский дворец. В следующие дни для народа были устроены развлечения — театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения» (SHA. Aurelian. 33–34).

Праздничные выезды императоров (*adventus*) в Рим равнялись по значению с

большими триумфальными шествиями, даже если они не были ими формально [Künzl. 1988. S. 38–44]. Кроме того, именно в эту категорию попадают все похожие на триумфальное шествие въезды императоров после 303 г. Ни Константин, ни Констанций II не праздновали триумф, но их въезд в Рим по пышности и размаху не уступал классическому триумфальному шествию. Именно такими яркими красками рисует въезд в Рим Констанция II Аммиан Марцеллин: «Когда он (Констанций II. — *А. Н.*) приближался к столице, сенат вышел ему навстречу, и он с радостным видом прини-

мал почтительные приветствия сената, разглядывал почтенные лики людей патрицианского происхождения и не думал, как Кинеас, посол Пирра, что перед ним собралось в одно место множество царей, но что тут место сбора всего мира. Перенося свои взоры на народ, он приходил в изумление, с какой быстротой съехались в Рим люди со всех концов земли. И, как бы желая устроить Евфрат и Рейн видом оружия, он вслед за двойным рядом знамен восседал один на золотой колеснице, украшенной различными драгоценными камнями, игравшими на солнце переливающимся светом. Вслед за длин-

2. Триумфальная колесница. Рельеф с арки Тита. Вторая половина I в. Рим

ным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами. По обеим сторонам шел двойной ряд воинов со щитами, в шлемах, на которых переливчатым светом играли султаны, и в блестящих искрящихся панцирях. То тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собою, охватывали все части тела, приспособляясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегло его части» (Амм. Марс. XVI. 10. 5–8).

Если свести воедино данные различных источников, можно представить картину церемонии триумфа периода Поздней республики и императорского времени достаточно полно. В центре всего торжества находилась фигура триумфатора. Стоя на триумфальной колеснице (*currus triumphalis*), он двигался мимо жителей Рима вверх к высшему богу Рима, к Юпитеру, на Капитолий (*Iuppiter Optimus Maximus Capitolinus*) (Serv. In eclogas 10. 27; Dion. Hal. Ant. Rom. IV. 74. 1; Val. Max. IV. 4. 5; Iuv. X. 43; Liv. V. 23. 5). Триумфальная колесница была декорирована золотом, драгоценными камнями или слоновой ко-

стью (App. Lib. 9. 66). Под колесницей висел Phallos, выполнявший функцию апотропея. Упряжка была квадригой, и все четыре лошади имели позолоченную сбрую [Künzl. 1988. S. 85].

Триумфатор был облачен в шитые золотом пурпурные одежды, состоявшие из туники и тоги (*tunicapalmata, togapicta*) (Liv. X. 7. 9; XXX. 15. 12). На голове триумфатора возлежал зеленый лавровый венок. В правой руке он держал лавровую ветвь, а в левой — скипетр с изображением орла из слоновой кости. На его шее висел амулет в виде золотой капсулы (*bullā*). Государственный раб (*servus publicus*) держал над головой триумфатора большой тяжелый золотой венок, который называется в источниках *corona triumphalis* или *corona Etrusca* (Plin. Nat. Hist. XXXIII. 11), что может служить намеком на гипотетическое этрусское происхождение римской церемонии триумфа. Этот тяжелый золотой венок состоял из дубовых листьев с лентами и драгоценными камнями. Задачей государственного раба было снова и снова напоминать триумфатору, шепча ему на ухо: «Не забывай, что ты всего лишь человек!» («*respicepost te, hominem te esse memento*») (Tert. Apol. 33. 4: «*hominem se esse etiam triumphans in illo sublimissimo curru admonetur, suggeritur enim ei a tergo: Respice post re! Hominem re memento!*»). Это было совсем не нравоучение, а особое сакральное действие, если угодно — заклинание, отгоняющее беду. Введение этого обряда было следствием окончательного оформления начавшей усиливаться еще с этрусского времени персональной экзальтации триумфатора. Те-

перь он въезжает в Рим во главе войска с таким огромным количеством золота и славы, что появляется необходимость защитить победоносного полководца от дурного глаза, ревности Юпитера и зависти богов. Поэтому и возникает целый ряд обрядов, среди которых и солдатские песенки, высмеивающие триумфатора, и нашептывание рабом на ухо полководцу напоминания о его человеческой природе, так как триумфатор старался уподобиться Юпитеру Всеблагому и Величайшему, для чего даже окрашивал лицо ярко-красным суриком [Holliday. 2002. P. 25; Künzl. 1988. S. 95].

Перед триумфатором шли ликторы в красных военных плащах (*paludamentum*), неся связки прутьев, обвитых лавровыми ветвями (*fascies*) [Kuttner. 1995. P. 47–48, 141]. Предполагают, что в раннее время наряду с фасциями ликторы несли также топоры [Kuttner. 1995. P. 137], возможно, применявшиеся для казни пленников. В императорское время, судя по изображениям, от такой практики не осталось никакого следа, и пленников удушали по завершении триумфального шествия в тюремном карцере [Künzl. 1988. S. 90]. Триумфатора сопровождали консулы, преторы, квесторы, эдилы, а также сена-

3. Солдаты со щитами, участвующие в триумфе. Рельеф с арки Тита. Вторая половина I в. Рим (фото Н. Kähler)

торы. За триумфальной колесницей шли освобожденные из плена или амнистированные ссыльные римские граждане. Далее следовали солдаты в лавровых венках и с военными наградами (Vell. Pat. 2. 121. 3; App. Pun. 9; Lib. 9. 66).

К сожалению, источники практически не упоминают, как были экипированы солдаты, участвовавшие в церемонии триумфа. Эту лакуну приходится заполнять, опираясь на редкие иконографические данные.

Триумфальное шествие — это единственный случай, когда полководец обладал на протяжении одного дня военной властью (*impregium*) в пределах города Рим. Это была высшая военная честь, возможная в римской армии. Поэтому солдаты в триумфальном шествии следовали в военном построении (колонной). Они увенчались лавровыми венками и надевали также свои военные награды, которые можно видеть на нескольких рельефах. Такого рода изображения представлены на знаменитом рельефе с арки Тита, где изображена процессия, несущая захваченные в Иудее трофеи. Солдат, идущий непосредственно за подсвечником, несет на тунике ременное крепление, на котором укреплены военные награды (*phalerae*). Кроме того, на арке Тита находится рельеф с изображением шеренги солдат, участвующих в процессии. Они облачены в туники, но экипированы богато украшенными круглыми щитами. Рельеф сильно пострадал от времени, и непонятно, из какого материала изготовлены эти щиты: то ли они целиком бронзовые с чеканным декором, то ли это обычные щиты с портретно

оформленными умбонами. В любом случае, если верить источнику, речь идет о возможности использования частью воинов в триумфальной церемонии богато декорированных парадных щитов.

По крайней мере, еще один иконографический источник, по всей видимости, изображает вооруженных воинов, участвующих в триумфальной процессии. Речь идет о росписях стен так называемой Гробницы Ариети на Эсквiline, разрушенной строительством [Holliday. 2002. P. 36–42]. Изображения, датируемые II в. до н. э., дошли до нас лишь в прорисовках конца XIX в. Они показывают воинов с овальными щитами и в шлемах, шествующих в процессии, а на других фрагментах росписи видны ликторы и квадрига [Holliday. 2002. P. 40. Рис. 12]. Однако интерпретировать данную роспись как изображение триумфального шествия можно лишь гипотетически.

Большинство источников показывают солдат, участвующих в триумфе, без доспехов. Из этого следует заключить, что доспехи в ходе этой церемонии не носили, и эта практика оставалась прерогативой парадов, которые являлись основной формой войскового ритуала в римской армии.

Церемония торжественного въезда полководца в Рим (*adventus*) формально не являлась триумфом и была практически военным парадом, к которому солдаты надевали парадную экипировку и доспехи [Kuttner. 1995. P. 140, 282. № 79; Künzl. 1988. S. 38, 79]. Данный вывод подтверждается рассказом Тацита о вступлении в Рим Вителлия. По словам исто-

рика, тот отказался от намерения войти с войском в город как победитель и сменил боевой плащ на тогу, вступив в столицу во главе армии, шедшей сомкнутым парадным строем. «Впереди двигались орлы четырех легионов, вокруг них — вымпелы четырех остальных, следом — двенадцать значков конных отрядов, легионеры, конница и тридцать четыре пе-

шие когорты, разделенные по племенам и видам оружия. Перед орлами шагали, все в белом, префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул; остальные центурионы, сверкая оружием и знаками отличия, шли каждый впереди своей центурии; фалеры и нагрудные украшения солдат блестели на солнце. Великолепное зрелище, пре-

4. Рельеф с базы колонны Антонина Пия с изображением пехоты и конницы, участвующей в торжественной процессии. Середина II в. Ватикан

красная армия, достойная лучшего полководца» (Tac. Hist. II. 89).

Парад сопутствовал каждому торжественному событию в жизни любой воинской части: государственным праздникам,

принятию присяги, выплате жалованья, выдаче донатив (денежных императорских подарков), вручению боевых наград и знаков отличия. Готовясь к параду, солдаты чистили до блеска вооружение и

5

6

5. Центурион Квинт Серторий Фест из XI Клавдиева легиона. Середина I в. Реконструкция основана на надгробии из музея Вероны. Центурион изображен в парадной экипировке. На его голове помещен наградной венок (*corona civica*). На плече плаш (*paludamentum*), уложенный особым образом. Посеребренный чешуйчатый доспех на кольчужной основе (*lorica plumata*) изготовлен из маленьких чешуек с острым углом в нижней части и украшен армиллами и набором фалер. Реконструкция автора. Художник А. Ежов

6. Скульптурный рельеф с изображением центуриона Тимокла из Эпидавра. Центурион одет в анатомически оформленную кирасу, что указывает скорее всего на изображение его парадной экипировки (рис. G. Sumner)

приводили в порядок боевую экипировку. Однако парадная форма существовала только у командного состава, включая центурионов: парадные доспехи, шлемы и алый плащ (*paludamentum*) (Plin. N. h. XX. 3), в отличие от солдатского плаща (*sagum*). Остальные выходили на парад в обычном снаряжении, но поверх панциря надевали боевые награды, а к шлему прикрепляли плюмаж и расчехляли обычно зачехленные щиты.

Описание военного парада, приуроченного к выплате жалованья, оставил Иосиф Флавий, наблюдавший его во вре-

мя осады Иерусалима: «Он (Тит. — А. Н.) приказал предводителям вывести войско на место, видимое для врагов, и здесь вручить каждому солдату порознь следующее ему жалованье. По принятому в таких случаях обычаю войско выступило с открытыми щитами, которые обыкновенно накрывались чехлами, и в полном вооружении; всадники водили своих лошадей также во всем убранстве. Ярким блеском серебра и золота засияла окрестность города, и насколько восхитительно было это зрелище для римлян, настолько было страшно для их врагов»

7

8

7. Преторианец в парадной экипировке. Середина I в. Реконструкция автора

8. Рельеф с изображением преторианцев (Cancelleria). Вторая половина I в. Рим, Ватиканские музеи (фото Deutsches Archäologische Institut Rome)

(Ios. B. Iud. V. 9. 1). Данное свидетельство показывает исключительную важность военного парада как одного из ритуалов римской армии. Неудивительно поэтому, что существовало специальное парадное вооружение, выполнявшее роль своеобразного показателя статуса и дохода его владельца, который демонстрировал их перед сослуживцами и товарищами в обстановке всеобщего торжества.

КАВАЛЕРИЙСКИЕ ТУРНИРЫ (HIPPIKA GYMNASIA)

Происхождение кавалерийских турниров

Безусловно, кавалерийский турнир (*hippika gymnasia*) пышностью экипировки участников напоминал гладиаторские игры [Негин. 2006. С. 23, 34–35], но, в отличие от последних, обходился без жертв, так как у него была совершенно другая задача — показать боевую выучку, оформив состязание в виде красочного действа. Именно этим *hippika gymnasia* и напоминает средневековый рыцарский турнир, прообразом которого может справедливо считаться. Главной его задачей были совершенствование боевой выучки и ее демонстрация в виде соревнований.

Упражнения для достижения боевого мастерства имели исключительно важное значение в римской армии, в чем можно убедиться даже из строк, написанных сторонним наблюдателем, бывшим противником Рима: «Их упражне-

ния отличаются тем же неподдельным жаром и серьезностью, как действительные сражения: каждый день солдату приходится действовать со всем рвением, как на войне... Их упражнения можно по справедливости называть бескровными сражениями, а их сражения кровавыми упражнениями». Так писал Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (Ios. B. Iud. III. 5. 1).

Можно назвать достаточно много различных народов, которые свой досуг посвящали оттачиванию военного мастерства, но только римляне сумели подняться на более высокий уровень и кроме индивидуальной подготовки уделяли внимание отработке коллективных действий в бою. Известно высказывание Варрона: «*exercitus quod exercitando fit melior*» — «армия лучше сражается, если она подготовлена» (Varro. L. L. 5. 87). Варрон выводит этимологию слова *exercitus* («войско») от глагола *exercitare* («упражняться») (ср.: Veget. II. 1; Cic. Tusc. disp. II. 16. 37). Таким образом, боевая подготовка в римской армии носила как индивидуальный, так и коллективный характер. Именно такой комплексный подход и обеспечивал военные успехи Рима.

Искусство владения оружием требовало длительной выучки, и нет сомнения, что даже в самые отдаленные времена боевую технику оттачивали в ходе учебных боев. В этом смысле можно сказать, что турнир не менее древен, чем сама война. Однако самый древний кавалерийский турнир античности известен с VI в. до н. э. и имеет скорее всего этрусское происхождение. Он назывался *lusus Troiae* [Junkelmann. 1991. S. 145]. Сход-

ство соответствующего понятия с названием оваянного легендами города Трои приводило ранее к неверной интерпретации, которая в новых работах опровергается, хотя доказать здесь полное отсутствие связи с легендами о Трое невозможно. Теперь слово Troia в названии кавалерийского ристалища предпочитают трактовать как производное от латинского truage. М. Юнкельманн объясняет, что подобные лабиринту, заключенные друг в друга круговые фигуры «тройских игр» косвенно указывают на это значение слова. «Сложные, подобные лабиринту фигуры, которые, кажется, выполняли всадники на “тройских играх”, свидетельствуют о первоначально культовом характере “sollemne Troici lusus sacrum”... а также указывают на древность учреждения» [Junkelmann. 1991. S. 145]. Юнкельманн предполагает, что схема движений обеих команд всадников первоначально была подобна рисунку движения небесных тел, например орбиты солнца и луны, как они представлялись в античности.

Эти lusus Troiae проводились римскими мальчиками в возрасте от 6 до 17 лет под руководством опытных тренеров (magistri). Кавалерийские парады данного вида известны уже для времени Суллы и Юлия Цезаря, но особого внимания эти игры были удостоены при Октавиане Августе. Теперь речь шла уже не только о воспитании римской молодежи, но также и о предоставлении сыновьям из аристократических семейств возможности показать себя с лучшей стороны перед римской общественностью, что не могло не укреплять значение императорской ди-

настии и престиж традиционно римских ценностей.

Эти состязания устраивали по разным поводам: на торжественных похоронах, при проведении триумфальных шествий, освящении храмов, а также в ходе ежегодных календарных праздников и, конечно, на цирковых играх [Junkelmann. 1991. S. 147].

Вергилий описывает последовательность проведения «тройских игр» следующим образом:

- Юный блистающий строй на виду
у отцов выезжает,
Взнузданных гонит коней, —
и дивится, на мальчиков глядя,
555 Весь тринакрийский народ, и шумит
с троянцами вместе.
Коротко стрижены все, по обычаю
все увенчали
Кудри, и каждый по два кизилых
дротика держит.
Легкий колчан у иных за плечом,
и цепь золотая,
Гибко спускаясь на грудь,
обвивает стройную шею.
560 На три турмы разбит отряд,
перед каждою турмой —
Юный вождь, и за ним двенадцать
отроков скачут,
Строй соблюдая тройной,
блистая равным умением.
Всадники в первом строю
за Приамом едут, ликуя, —
Славный твой отпрыск, Полит,
нареченный именем деда,
565 Вскоре возвысит твой род
на земле италийцев; а ныне
Мальчика мчит фракийский скакун —
весь в яблоках белых,
С белой звездой на лбу,
с перетяжкой белой у бабок,

в этом «троянском балете» должна была быть грациозная согласованность действий коня и всадника. При этом острые копыта имели только декоративное значение и удары ими не наносились.

Уже во времена императора Августа эта древняя римская форма кавалерийских турниров обрела новый вид, хотя, возможно, только Адриан стал придавать

большое значение тренировкам всадников на восточный манер, чтобы успешно противостоять кавалерии восточных противников Римской империи.

Согласно Арриану, практиковавшиеся во времена Адриана *hippika gymnasia* возникли на основе кавалерийских игр различных народов, которые входили в состав римской вспомогательной кавале-

9

10

9. Кавалерист в парадно-турнирном снаряжении I в. (реконструкция автора)

10. Кавалерист в парадно-турнирном снаряжении I в. Реконструкция Г. Р. Робинсона и Р. Эмблтона (по: Robinson. 1976)

рии. Наряду с древнеримской традицией *lusus Troiae* он особо выделяет влияние со стороны кельтской кавалерии, которая доминировала в составе раннеимператорских конных формирований (Tact. 33. 1). Им упоминается также иберийское, скифское (сарматское), парфянское и армянское влияния (Tact. 33. 1; 34. 7; 35. 3; 42. 4). Таким образом, Арриан описывает вновь созданный на основе многих более старых предшествующих форм искусственный продукт эпохи Адриана.

Для описания кавалерийских показов используется любопытный документ, найденный в Алжире. В городе Ламбезисе, где располагался римский военный лагерь, на каменной плите высечена надпись, сделанная по приказу легата Катуллина в память о смотре, проведенном в этом районе императором Адрианом в 128 г.

К сожалению, надпись сохранилась не полностью, что не позволяет трактовать ее однозначно. Фрагмент гласит: «Тем более следует признать, что эскадрон своей напряженной работой преодолел эти трудности и обнаружил свои отличные качества при выполнении предписанных упражнений, проведя еще добавок к ним бой в панцирях и с дротиками и проявив особенную ловкость в вольтижировке» (CIL VIII 18042). Из данного фрагмента, однако, неясно, идет ли речь об обычных кавалерийских тренировках (*exercitationes*), или упомянут какой-то специальный показ, приуроченный к приезду императора. Поэтому единственным источником, позволяющим реконструировать кавалерийский турнир, продолжает оставаться «Тактика» Арриана.

Hippika gymnasia по Арриану

Арриан изображает место проведения кавалерийского турнира как огороженную квадратную площадку (Tact. 34. 1). В стороне от этой площадки находится зрительская трибуна (*tribunal*), которая предоставляет зрителям хороший обзор территории. К сожалению, Арриан не сообщает нам размеры этого пространства, однако можно предположить, что выровненные площадки и насыпные трибуны могли размещаться недалеко от крепостей. Известные археологам подобные плацы имеют небольшие размеры. Э. Хайланд справедливо отметила, что относительно маленькие площади являются малопригодными для одновременных маневров нескольких эскадронов (*turmae*) и что в таких стесненных условиях участники действ могли пускать коней только рысью и в сдержанном галопе (*canter*) [Hyland. 1993. P. 21]. Таким образом, описанные Аррианом плацы предназначались исключительно для парадов с их точно разученной и отшлифованной хореографией. Боевая подготовка кавалеристов происходила на других, более удаленных площадках, которые, кроме того, были больше по размеру и, возможно, были не лишены естественных препятствий [Junkelmann. 1996. S. 57–58].

Турнир начинался с эффектного объезда эскадронов (Tact. 35. 1–2; 35. 7), во время которого всадники демонстрировали свои формирования во всей красе. Согласно Арриану, после объезда половина всадников оставалась слева от трибуны, образовав построение, называемое рим-

лянами черепахой (*testudo*). Они становились спиной к противоборствующей группе, защитив спины щитами (Tact. 36. 1). Автор разъясняет, что речь идет о защитной формации, имитировавшей пехотную «черепаху». Перед правым крылом два всадника занимали позицию на некотором удалении от основного формирования, которая позволяла защитить это крыло при перестройке к контратаке (Tact. 36. 2). Как выглядело построение противостоявшей стороны, размещавшейся справа от трибун, остается неясным. Арриан пишет, как один за другим кавалеристы этой команды атаковали «противников» (Tact. 36. 3). Сначала они бросались прямо на них, как на мишени, и забрасывали их затупленными дротиками. Затем они поворачивали направо и скакали, описывая дугу, назад, вероятно, чтобы снова присоединиться к своему отряду (Tact. 36. 4–6).

В это время противоборствующая сторона предпринимала контратаку так, что атакующие кавалеристы с обеих сторон принимали на себя все брошенные друг в друга дротики. При этом самой сложной задачей было добиться того, чтобы в момент броска щиты у тех и других находились напротив щитов «противников», т. е. у каждого бойца справа (Tact. 37. 2, 3). После этого группы выстраивались в первоначальном порядке.

После этой первой атаки команды повторяли всю процедуру снова, уже менявшись ролями: нападавшие становились

обороняющимися и наоборот (Tact. 38. 1–5). Эта смена ролей происходила дважды, причем в третьем и четвертом подходе места расположения команд на плацу менялись (Tact. 39. 1). Данная последовательность не указана в тексте, но исходя из описания в целом получается, что каждая группа атаковала один раз справа и один раз слева. По словам Арриана, в последнем подходе команда, нападавшая первой, снова оказывалась справа от трибуны (Tact. 39. 1) [Junkelmann. 1996. S. 60].

В конце первой части упражнения наиболее искусные из участников еще скакали верхом по кругу мимо трибуны и бросали дротики (Tact. 39. 1–3). Затем устраивалась так называемая кантабрийская атака, происхождение которой Арриан связывает с названием иберийского племени кантабров (Tact. 41. 1–7). Обе группы так же становились напротив друг друга. Всадники обеих команд по очереди скакали галопом, поворачивали сначала налево и затем делали большой круг по часовой стрелке. Там, где оба круга почти соприкасались, всадники поочередно бросали тяжелые дротики в щит «противника». Так как оба «противника» ускоряли бег скакуна и использовали тяжелые дротики, то щиты могли быть иногда пробиты насквозь, несмотря на то, что дротики не имели заостренных наконечников. Поэтому участникам предписывалось не целиться в голову «противника», а также в его коня.

11. Парадно-турнирное вооружение батавского кавалериста середины I в. Реконструкция выполнена с использованием находок в Неймегене. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валькхоф (фото А. Pangerl)

После «кантабрийской атаки» заканчивались командные упражнения и начинались показы, в которых демонстрировалась сноровка отдельных кавалеристов в верховой езде и в использовании оружия. Большинство из них были совсем несложными и подробно описаны Аррианом, но их особенность в том, что всадники использовали уже обычное боевое снаряжение (Таст. 41. 1).

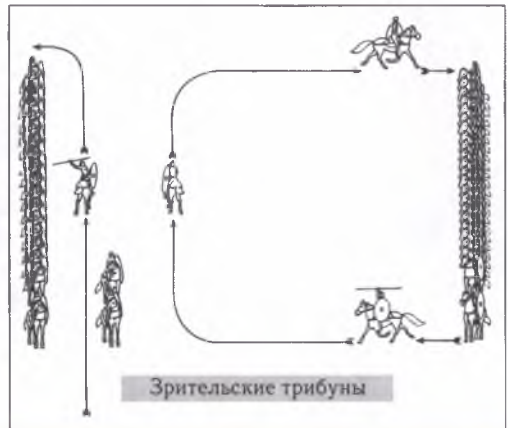
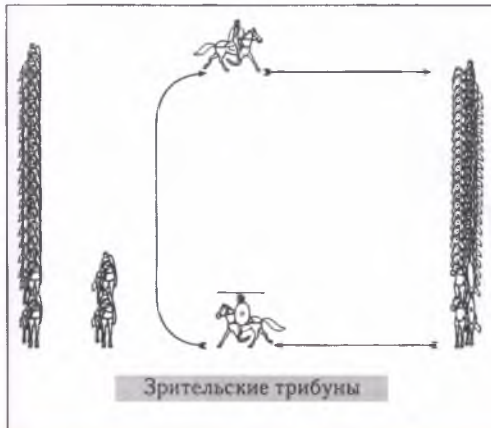
Современная реконструкция кавалерийских турниров

Описание Арриана кажется на первый взгляд простым и понятным, но в наши дни оно трактуется по-разному и разные исследователи предлагают свои варианты реконструкции маневров, проводивших-

ся командами кавалеристов, основываясь или на теоретических выкладках [Lawson. 1980], или на данных практических экспериментов [Hyland. 1993; Junkelmann. 1996]. Первым реконструкцию маневров осуществил П. Коннолли в своей книге о римской армии [Connolly. 1975. P. 64–65]. На его рисунке группа всадников скачет галопом по кругу налево, причем всадники бросают копья направо, не закрываясь при этом щитами. Такая реконструкция противоречит описанию Арриана, и П. Коннолли позже поправил себя, выполнив другую реконструкцию кавалерийского турнира для иллюстрированной биографии Тиберия Клавдия Максима [Connolly. 1988. P. 22–23].

Сначала А. Лоусон [Lawson. 1980. S. 176–179], а затем (уже после точной

13

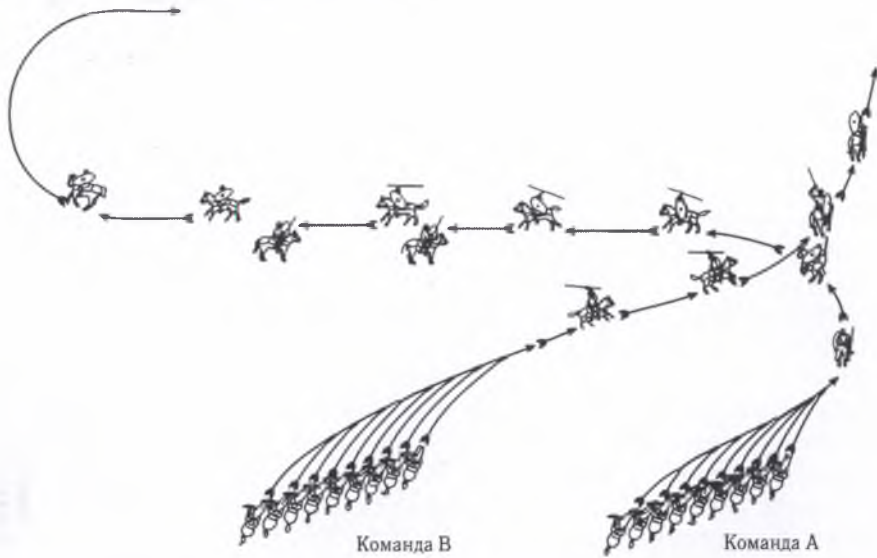

12. Кавалерист в снаряжении для hippika gymnasia (команда «амазонок») по находкам из Штраубинга, III в. Реконструкция П. Коннолли и Г. Р. Робинсона для Центрального римско-германского музея в Майнце. На основании находки в Штраубинге была выдвинута идея о том, что на hippika gymnasia могли разыгрываться и театрализованные амазономахи

13. Реконструкция маневров противоборствующих команд hippika gymnasia (по: Lawson. 1980)

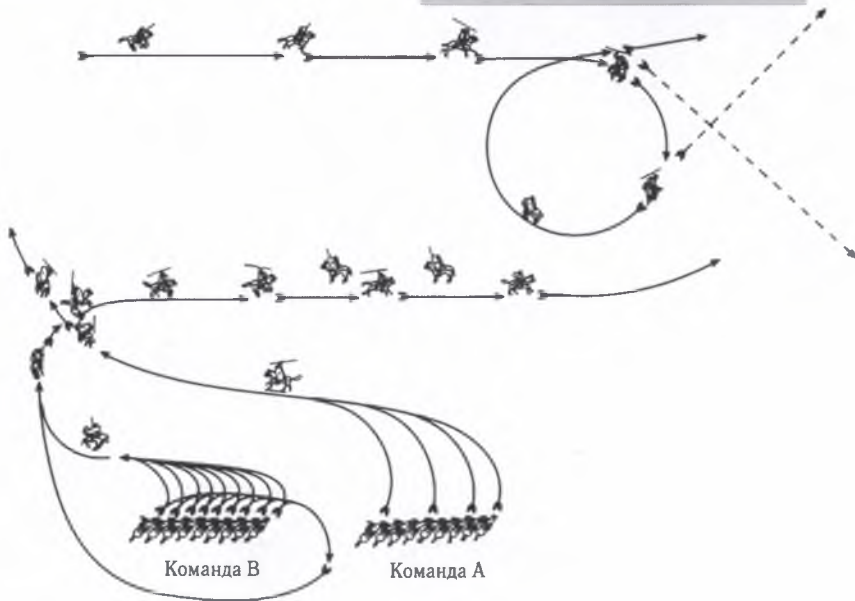
14

Зрительские трибуны

15

Зрительские трибуны

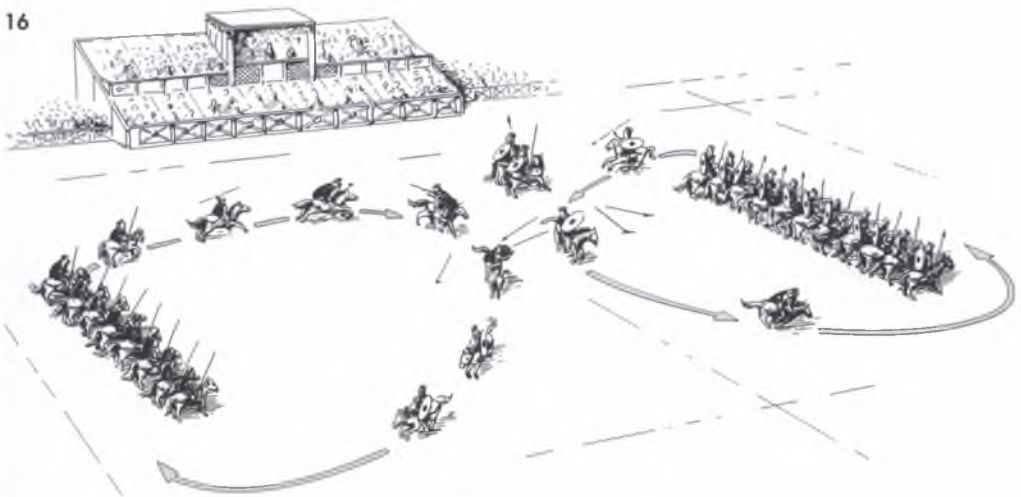

интерпретации П. Коннолли) Э. Хайланд [Hyland. 1993. P. 122–123] предприняли попытку иной реконструкции «черепахи». Согласно интерпретации А. Лоусон, всадники защищающейся команды стоят к противнику левым боком, повернувшись лицом к зрительским трибунам. Головы животных повернуты направо, чтобы защитить их от попаданий брошенных копий, а щит просто прикрывает левый бок коня и всадника. Но в таком случае оказывается проигнорированным описание Арриана, который указывал, что кавалеристы становились спинами к противоборствующей группе, защитив их щитами (Tact. 36. 1). Атака наступающей группы, согласно Лоусон, осуществлялась таким образом, что действие происходило прямо

перед зрительскими трибунами, а это может привести на мысль о том, что защищающаяся команда была более многочисленна, о чем у Арриана ничего не сказано.

Еще большее расхождение с текстом источника наблюдается в реконструкции Э. Хайланд. Кавалеристы защищающейся команды (команда В) фронтально противостоят атакующим (команда А). Не только отдельные кони, но и весь фронт размещается под углом к линии атак, в то время как правый фланг выдвинут довольно далеко и конь левого соседа отодвинут примерно на одну треть корпуса. При этом формирование так тесно, что находящиеся слева с трудом могли бы уберечь головы своих скакунов от ударов о щиты соседей, если бы кони поворачивали голову

16

14 и 15. Реконструкция маневров противоборствующих команд hippika gymnasia (по: Hyland. 1993)

16. Реконструкция маневров противоборствующих команд hippika gymnasia (по: Junkelmann. 1996)

вправо. Кроме того, Э. Хайланд расставляет обе группы не слева и справа от трибуны напротив друг друга, а фронтально в сторону трибун в параллельных линиях. При этом она располагает их в отдельных подходах то на левой половине плаца, то на правой, но всегда одновременно. Совершенно очевидно, что при любом маневре труднее приходится защищающимся кавалеристам (команде В), даже при контратаке.

Такая реконструкция была подвергнута справедливой критике М. Юнкельманном, который попытался максимально следовать тексту Арриана. Согласно его интерпретации кавалеристы атакующей стороны выезжают из формирования (также, возможно, из колонны) слева и дугой разворачиваются перед фронтом защи-

щающейся стороны, стоящей к ним спиной и построенной «черепашей», забрасывая «противников» копьями с затупленными наконечниками. Защищающаяся сторона при этом высылает контратакующих всадников. Этот маневр продолжается до тех пор, пока каждый из участников турнира не метнет копьё. Затем группы меняются ролями [Junkelmann. 1996. S. 59].

Несмотря на явные разночтения в различных вариантах реконструкций кавалерийских турниров, следует отметить, что они дополняют друг друга, разыгрывая на практике описания из античного руководства по кавалерийским турнирам и упражнениям. Они подтверждают возможность одних и исключают реальность других маневров, что полезно как дополнение к гипотетическим реконструкциям.

Глава II

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ПАРАДНОЕ И ТУРНИРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАРАДНОГО ВООРУЖЕНИЯ

К сожалению, письменные источники не дают развернутых описаний парадных и турнирных доспехов, поэтому приходится восстанавливать общую картину буквально по крупницам, в некоторых случаях не более чем гипотетически. При такой постановке вопроса помогают археологические и иконографические источники. Прежде всего на изобразительных памятниках, показывающих различные военные церемонии, необходимо выделить основные виды панцирей, шлемов и другого вооружения, которые могли быть использованы при проведении парадов, триумфов и кавалерийских турниров. Что касается последних, то ни о каких изобразительных источниках, дошедших до нас, говорить не приходится. Другое дело — различные военные парады, триумфы и торжественные обращения императора к войску, различных изображений которых сохранилось достаточное количество. Благодаря им можно узнать, как экипировались на этих церемониях императоры, командиры и солдаты.

Наиболее спорным является отождествление того или иного предмета воо-

ружения, если он имеет богатый декор, с парадным или боевым снаряжением. На многих, даже богато украшенных, предметах защитного снаряжения имеются повреждения от ударов оружия, что свидетельствует о непосредственном использовании этих предметов в боевых условиях. Какие же критерии тогда могут лежать в основе определения парадного вооружения? К ним можно отнести вычурный вид, обильное декорирование и драгоценные материалы, использованные при его изготовлении или отделке, а также его необычную форму. Однако если в сочетании со всеми вышеперечисленными признаками присутствуют несомненные защитные качества предмета, то следует учитывать возможное его применение для защиты сражающегося воина в реальном сражении. Порой некоторые исследователи отказываются верить в использование богато декорированного вооружения в бою, считая, что ремонт поврежденных такого дорогостоящего предмета потребовал бы больших издержек [см., например: MacMullen. 1960. P. 25]. Можно было бы принять этот довод, если бы не изображения некоторых типов шлемов, которые принято идентифицировать как парадные, на рельефах с изображениями битв. Так, на сражающихся воинах на саркофаге Портоначо изображены псевдоаттические шлемы (тип Хеддернхайм) [Koch, Sichtermann. 1982. Taf. 76–78], а шлем типа Рибчестер отчетливо виден на надгробии кавалериста Секста Валерия Гениалиса, который изображен атакующим врагов [Robinson. 1975. P. 105. Pl. 300].

17

18

19

Если богатый декор считать основным признаком парадного вооружения, то напрашивается вывод, что парадным было не только защитное вооружение, но и наступательное. Так, например, Геродиан упоминал «служившие для шествий короткие мечи» (Herod. II. 13. 10). Однако до сих пор нет никаких археологических находок, которые подтвердили бы существование специальных римских парадных мечей. Что касается т. н. «меча Тиберия», ножны которого позолочены и богато украшены чеканным декором, то он скорее всего не более чем образец обычного боевого оружия [Künzl. 1988. S. 125, 131; Künzl. 1996]. Он является отражением тенденции роскошного оформления оружия, характерной для раннеимператорского времени, и сопутствовавшего ей крайне ограниченному вкусу. Декор ножен мечей со времени правления Октавиана Августа и до Тиберия несет на себе отпечаток конкретной политической идеологии, обеспечивавшей династическую преемственность [Um, Deschler-Erb. 1997. S. 62. № 2401, 2402].

В отличие от защитного вооружения, меч, кинжал и армейский пояс относятся к предметам, которые использовались не только в бою, о чем свидетельствуют разные иконографические источники. По-

этому художественному оформлению этих предметов придавали большое значение. Тем не менее внимательный анализ показывает, что даже такие роскошные предметы наступательного вооружения, как «меч Тиберия» или кинжалы и детали поясной гарнитуры, находились в массовом производстве. Здесь, конечно, трудно провести грань, отделяющую обычное снаряжение от парадного, но присутствие этих предметов на большинстве известных иконографических источников свидетельствует об их повседневном использовании.

Гораздо более спорно определение как парадного вооружения предметов панοπлии. Здесь дискуссии разворачиваются вокруг шлемов с масками, богато декорированных нагрудных (и наспинных) пластин, а также умбонов (медальонов). Все они, даже если были богато украшены, могли применяться и в бою. Так, шлемы типа Гизборо/Тайленхофен, пик распространения которых приходится на III в., из-за массивности образцов часто причисляют к парадным шлемам (см. например: Robinson. 1975: «Cavalry sport Helmet I»). Однако в последнее время исследователи склоняются к тому, что это был обычный боевой шлем [Born, Junkelmann. 1997. S. 66].

17. Римская кавалерия вступает в бой с варварами. Рельеф саркофага Портоначчи. Мрамор, конец II в. Рим, Музей Терм. На саркофаге Портоначчи можно видеть изображение римских драконообразных штандартов и псевдоаттические шлемы (тип Хелдернхайм)

18. Надгробие Секста Валерия Гениалиса из Ala I Thracum. Вторая половина I в. Киренчестер. Музей Кориниум (фото Corinium Museum)

19. Ножны «меча Тиберия» из Майнца (Британский музей) имеют богатый декор с пропагандистскими сценами, однако нет никаких предпосылок говорить о парадном предназначении этого образа

Основная форма шлема типа Гизборо / Тайленхофен [Born, Junkelmann. 1997. S. 63–66] в значительной мере соответствует форме типа Вейлер / Кобленц-Бубенхайм [Feugère. 1994. P. 114; Junkelmann. 2000. S. 87–90], но в первом налобная диадема заменена вертикальным фронтоном с волютами, а тулья больше не украшена кудрявыми волосами и несет на себе изображение фигур, например змей или нескольких гребней, имитирующих плюмаж из перьев. Нашечники закрывали уши, но лицо воина оставалось открытым. Художественное оформление шлемов напоминает синхронно бытовавшие псевдоаттические шлемы [Junkelmann. 2000. S. 90].

В настоящее время имеются находки нескольких шлемов или их фрагментов, которые являются переходными между типами Вейлер / Кобленц-Бубенхайм и

Гизборо / Тайленхофен. Самый полный экземпляр находился в коллекции А. Гуттмана (AG 461) [Born, Junkelmann. 1997. S. 66]. Несмотря на богатый декор этих шлемов, в настоящее время нет никаких предпосылок считать их сугубо парадными.

Существует несколько редких цельнокovaných шлемов сфероконической формы, которые ассоциируются или с сарматскими воинами вспомогательных подразделений, или с левантийскими лучниками [Robinson. 1975: «Auxiliary Infantry D»]. При этом половина всех известных шлемов несет на себе богатый декор в стиле спортивного вооружения. Рельефный декор шлема из Брястовец изображает храм, на фасаде которого видны статуи Меркурия, Аполлона, Минервы, Виктории, Марса, а на нашечнике изображен Нептун [Velkov. 1928. Taf. III–V].

20

21

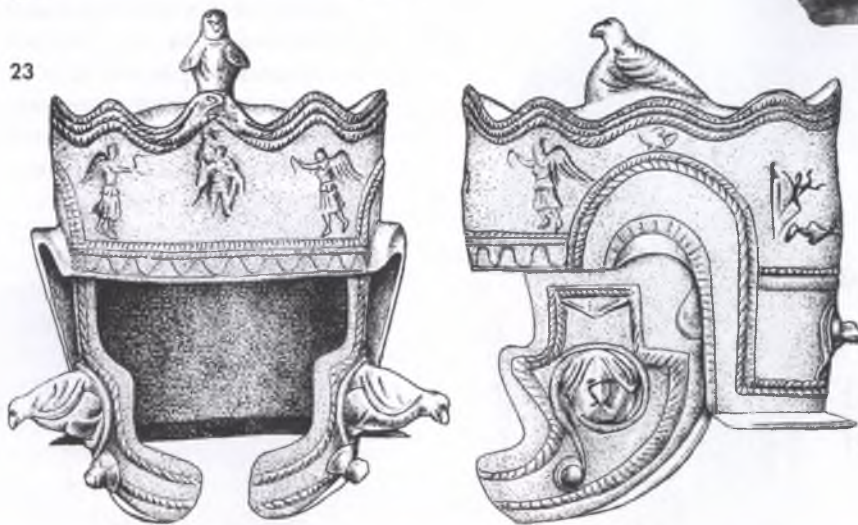

20. Шлем из Гизборо, Йоркшир, Англия. Бронза, III в. Лондон, Британский музей. Инв. № 78.9–10.1 (фото С. Mills)

22

23

21. Шлем (тип Гизборо) из Четате-Разбоинеи, Румыния. Бронза, первая половина III в. Аиуд, Исторический музей (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz)

22. Шлем (тип Гизборо) из Шалона-на-Соне (CABILLONUM), Франция. Найден в 1869/70 г. в реке Сона. Бронза, первая половина III в. Сен-Жермен-ан-Ле, Музей национальных древностей (по: Garbsch. 1978)

23. Парадный шлем (тип Гизборо/Тайленхофен) из Герулаты (совр. Братислава – Русовце). Бронза. Начало III в. Музей Античная Герулата в Русовцах

Шлем из Даково украшен фигурками Виктории, Юпитера и Марса [Popović, Mano-Zisi, Veličković, Jeličić. 1969. № 206; Robinson. 1975. P. 85. Pl. 237]. Изображения таких богов греко-римского пантеона, как Аполлон, Нептун, Венера и Вакх, отсутствуют на римском парадном вооружении. В то же время Марс, Виктория и Минерва встречаются довольно часто [Künzl. 2004. S. 400–401]. Несомненно, для обычного пехотинца, служившего во вспомогательных частях, эти шлемы являлись слишком дорогими. Более логично предположить их использование вспомогательной сарматской кавалерией (хотя на иконографических памятниках шлемы сарматов сегментные), тем более что на это имеется косвенное указание. На шлеме из Интерцизы сохранилась надпись, содержащая две буквы T, одну из которых истолковывают как сокращение слова *turma* [Bishop, Coulston. 1993. P. 118]. Если это действительно так, то к пехоте данная группа шлемов не имеет никакого отношения. Не принадлежат они и к турнирным шлемам. Можно было бы предположить их сугубо парадное назначение, но у этих образцов хорошие защитные свойства (толщина материала и дополнительные защитные детали в виде нащечников и, видимо, чешуйчатой бармицы).

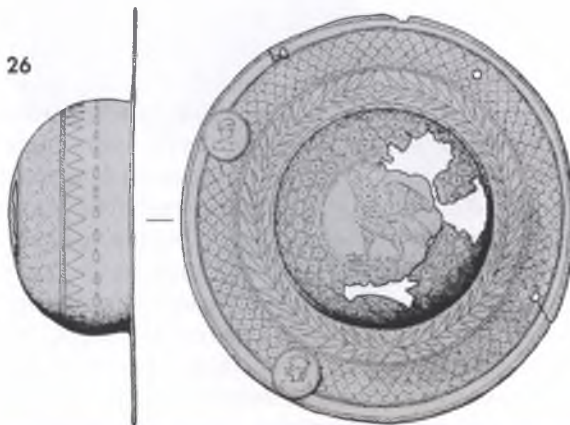
Медальоны (диаметром 20–30 см) также связаны со снаряжением, используемым в *hippika gymnasía*, хотя их точная функция остается под вопросом. Некоторые авторы видят в них умбоны щитов [Klumbach. 1960; Klumbach. 1971; Thomas. 1971. S. 29–44], тогда как другие, включая П. Коннолли, думают, что если они имели овальную форму, то являлись декоративными конскими нагрудниками [Connolly. 1981. P. 244. Fig. 8]. Одни из этих медальонов, с отверстиями под заклепки, возможно, крепились на щитах, но другие, вероятно, предназначались для иных целей.

24. Шлем из захоронения у Брястовец, Болгария. Бронза, II в. София, Национальный исторический музей

В любом случае, их художественная привлекательность была более важна, чем практичность. Данное замечание может быть распространено на большую часть снаряжения, используемого в турнирных показах. Вместе с тем некоторые из найденных медальонов повреждены, и характер повреждений свидетельствует о том, что в ряде случаев они нанесены отнюдь не затупленным оружием, следовательно, данная деталь применялась не только для турниров [см., например: Bishop, Coulston. 1993. P. 150. Fig. 106, 2].

Сложнейшую проблему представляет также определение назначения шлемов с масками. Вполне закономерно встает вопрос о предшественниках римских образцов, а также об их связи с боевыми наголовьями римской кавалерии. Среди шлемов-масок, которые появляются в

25. Умбон с гравировкой из Киркхема

26. Умбон из Майнца, Германия. Бронза, гравировка, III в.

27. Медный умбон щита с гравировкой, изображающей сцены дакийских войн. Частная английская коллекция

большом количестве в период правления Октавиана Августа, существуют образцы, перекликающиеся в своем оформлении с синхронно бытовавшими шлемами кавалерийских подразделений. Речь идет о шлемах с изображением на тулье вьющихся волос. Более того, в последнее время были сделаны находки шлемов, которые покрывались настоящим париком из конского волоса. Такие парики были и на боевых шлемах, и на шлемах с масками. Прототипом подобных шлемов были эллинистические образцы, а также иконографические изображения Александра Македонского, которые нашли отражение в римском искусстве [Bracessi. 1987. P. 53–65; Cresci Marrone. 1987. P. 66–77]. В армии же шлем с изображением кудрявых волос стал популярным скорее всего в силу того, что воспроизводил сложившийся в иконографии образ шлема Александра. В подобных же шлемах изображались римские полководцы (см., например, бюст Германика из Эрбаха (Оденвальд) [Junkelmann. 1996. S. 27. Abb. 42], который напоминает, хотя и в несколько измененном виде, образ Александра Македонского, представленный на монете Селевка I [Künzl. 1999. S. 157]. Органические парики для шлемов с масками из Неймегена [Willems. 1992. P. 132. Fig. 6] и Виндониссы [Waigick. 1994. S. 645] (служившие также в качестве чехла-шапочки, предохранявшего шлем от влаги) имитировали рельефные изображениями причесок на шлемах. Последние если имели маски, то также воспроизводили иконографический образ Александра [Künzl. 1999. S. 157; Junkelmann. 1996. S. 27].

Имитация кудрей на тулье присутствует и на шлемах типа Вейлер / Кобленц-Бубенхайм, применявшихся кавалеристами [Fairon, Moreau-Maréchal. 1983; Junkelmann. 1996. S. 49. Abb. 48].

Некоторые экземпляры этого типа тоже богато декорированы, что вызывает соблазн объявить их парадными. М. Фежер отводит им место на границе между боевыми и парадными экземплярами, что более логично, так как они имеют ряд признаков как парадных, так и боевых шлемов [Feugère. 1994. P. 110].

Иконографический анализ шлемов с масками и привлечение параллелей из других культурно-исторических периодов приводят к неопределенным предположениям и ассоциациям. По прочтении «Тактики» Арриана создается впечатление, что шлемы с масками были предназначены исключительно для использования на кавалерийских турнирах. Арриан не упоминает ни культового, ни символического их значения, но определенно ограничивает их от военных шлемов. Если же отказаться от этих очевидных выводов, вытекающих из текста Арриана, то внимание следует сконцентрировать на двух свойствах данных изделий, посредством которых обычно выделяют турнирное и парадное вооружение, а именно богатство украшения и толщина металла. Чтобы проверить защитные свойства шлемов М. Юнкельманн провел ряд экспериментов [Junkelmann. 1996. S. 51–52].

Не подлежит сомнению, что на значительной части этих предметов материал слишком тонок, чтобы выдерживать воздействие оружия. Однако данный вывод относится в основном к образцам

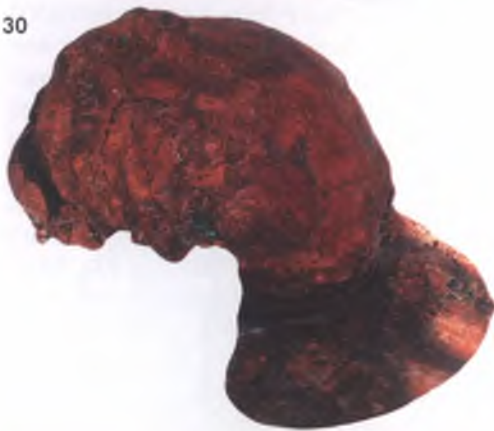
28

29

30

31

28. Тулья шлема из Неймегена с остатками конского волоса и вязаной шапочки на внешней поверхности (фото С. Mills)

29. Реконструкция шлема с волосяным париком по находкам из Неймегена. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф (фото А. Pangerl)

30. Шлем (тип Вайзенау) из Виндониссы, I в. На внутренней и внешней поверхности изделия сохранились следы органического материала. Возможно, этот шлем имел парик из конского волоса для предохранения от влаги

31. Кавалерийский шлем, I в., из погребения у Вейлера, Люксембург (по: Beck, Chew. 1991)

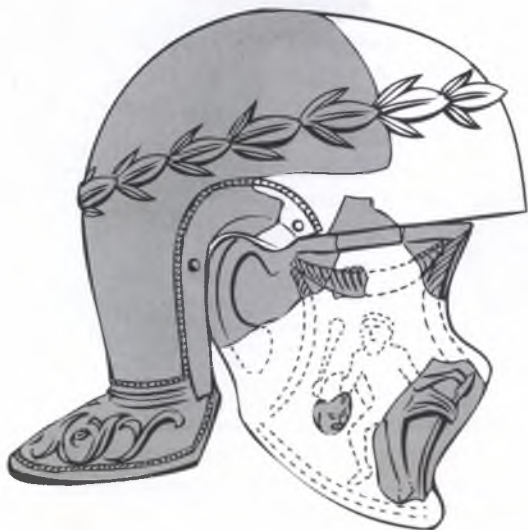
32

33

34

32. Кавалерийский шлем (тип Вейлер/Кобленц-Бубенхайм) с богатым декором и диадемой из Неймегена. Железо с оковкой латунным листом (нашечник), Г в. Лейден, Национальный музей древностей. Инв. № е 1939/ 6.1

II–III вв. Шлемы с масками I в., как правило, изготавливались из толстого листового железа и были вполне пригодны к боевому применению. Так, железная маска из воинского погребения у Шаснара имеет толщину 4 мм, а маска из Майнца — 2–3 мм, причем нужно учитывать, что первоначально они были обтянуты еще и бронзовым листом [Junkelmann. 1996. S. 51]. По сравнению с этими экземплярами более поздние кажутся чисто декоративными изделиями, однако не все из них были непригодны для использования в бою. Тулья шлема и во II–III вв. часто изготавливалась из листового железа достаточной толщины, чтобы погасить силу удара оружия средней тяжести (обычно около 1 мм), тем более что на ней часто имелось чеканное декорирование, которое благодаря массе выступающих под разными углами плоскостей еще больше смягчало удары. Для сравнения уместно назвать гофрированные или рифленые доспехи XV–XVI вв. Их поверхность в шесть раз прочнее гладкой [Kern. 1982. S. 63]. Бронзовые маски имели толщину от 0,2 до 2 мм [Kellner. 1978]. Толщина предназначенных для использования в бою предметов античного вооружения также не превышает 2 мм, что отчетливо демонстрирует возможность применения шлемов с масками в бою, тем более, что

эксперименты показали неплохие защитные свойства этих предметов. М. Юнкельманн обстреливал испытуемые модели доспеха стрелами с расстояния в 2 м, бросал копье (*hasta*) с этого же расстояния и наносил удары кавалерийским мечом (*spatha*). Сначала эксперименту подвергли плоский необработанный латунный лист толщиной 0,5 мм. Стрела пробила его насквозь и вышла на 35 см. Копье пробило такой же лист на 12 см, а удар меча образовал вмятину глубиной примерно в 2 см, однако прорубить лист насквозь не удалось. Затем эксперимент был продолжен с латунным листом толщиной в 1 мм. Стрела проникала на глубину 2 см, копье — 3 см, а удар меча образовывал вмятину глубиной примерно 0,7 см. Но защитные свойства шлемов и масок были еще большими, так как в эксперименте воздействие производилось на плоскую поверхность под прямым углом, в то время как удар, наносимый по изогнутым поверхностям шлема, как правило, соскальзывал. Кроме того, не следует забывать, что в некоторых местах декорированных шлемов и других частей парадного вооружения толщина фактически была большей из-за ступок материала, образовавшихся при обработке изделия, а применение кожи и войлока в качестве подкладки еще более уси-

33. Богато украшенный декором шлем типа Вейлер/Кобленц-Бубенхайм из Ксантена. Железо, серебро, вторая четверть I в. Бонн, Музей Рейнской земли (фото Bonn, Rheinisches Landesmuseum)

34. Богато декорированный посеребренный и золоченый шлем из клада у Халлатона (окрестности Маркет Харборо, Лестершир, Англия) и нашечник от другого шлема из этого же клада. Железо, II в. Музей Харборо

ливало стойкость этого изделия к ударам. При дальнейших экспериментах, проводившихся с выгнутой и рельефной чеканной пластинкой, имитирующей тулью шлема в виде кудрявых волос, толщиной 1,2 мм, выяснилось, что основная часть ударов соскальзывала и оставляла лишь царапины. При прямых попаданиях стрелы пробивали лист на глубину всего лишь 1,5 см. При бросках копьё несколько раз отскакивало, хотя при удачном прямом попадании наконечник пробивал пластину на 4 мм. Удары меча образовывали вмятины максимальной глубиной до 2 мм [Junkelmann. 1996. S. 51–52].

Получается, что шлемы и маски этой толщины неплохо защищали от большей части античного оружия. Серьезную опасность представляло только прямое попадание стрел. Однако в этом случае они пробивали и кольчуги, и чешуйчатые панцири, поэтому абсолютной защиты не гарантировал ни один вид доспеха.

Вопрос об удобстве в боевых условиях шлемов с масками также был рассмотрен М. Юнкельманном с помощью эксперимента в ходе интенсивных двухчасовых скачек. Выяснилось, что приток воздуха достаточен даже при сильном напряжении, но при этом раздражает отсутствие охлаждающего дуновения ветра. Пот и конденсат от горячего дыхания, скапливающиеся на внутренней поверхности маски и лице, обильно стекают на подбородок, что терпимо лишь до определенного момента. Обзор хорош, так как глазные прорезы у римских шлемов с масками, в отличие от средневековых топфхельмов, расположены близко от глаз, но досадно плоха слышимость

[Junkelmann. 1996. S. 53]. Большим преимуществом является практически полная защита лица. Как известно, удары в лицо особенно раздражают и воспринимаются наиболее болезненно; даже незначительное его повреждение может вывести бойца из строя. По этой причине в ходе схватки всегда делались попытки попасть в лицо противника. Вполне понятно, что воин с защищенным лицом чувствует себя более уверенно. Единственным недостатком шлема является отсутствие защиты для шеи, защитить которую был призван лишь платок (*focale*), но и у обычных боевых шлемов эта область также оставалась проблемной. Кроме того, шлемы с масками II–III вв. было довольно сложно снимать из-за их конструктивных особенностей. В остальном же они были вполне пригодны для использования в боевых условиях.

Как видим, точные определения критериев парадного снаряжения отсутствуют, вследствие чего интерпретация того или иного предмета вооружения как парадного или турнирного затруднена и нет полной гарантии ее верности. Существует всего лишь один критерий, с помощью которого можно безошибочно определить парадное вооружение, — это полное игнорирование защитных свойств доспехов в угоду декорированию. Все остальные признаки не дают возможности точной идентификации и могут приводить к неверной интерпретации, создавая излишнюю путаницу. Поэтому более целесообразно рассматривать большинство описываемых в этой книге предметов как такие, которые имели са-

мое разнообразное назначение. Некоторые из них могли использоваться и на кавалерийских турнирах, и на парадах, и даже в боевых условиях. Таким образом, часть представленных образцов отнесена к сугубо парадному снаряжению весьма условно — по традиции европейской оружиеведческой школы.

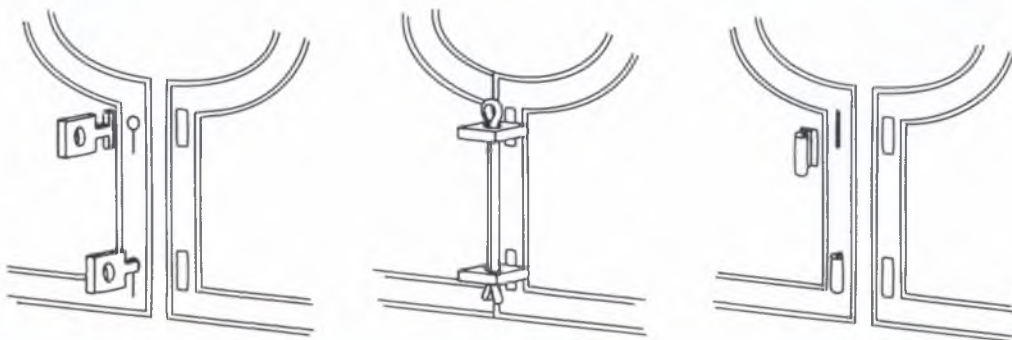
ПАНЦИРИ

Нагрудные и наспинные пластины

Так как Арриан, упоминая о киммерийской одежде всадников, выступавших на кавалерийских турнирах, противопоставляет ее обычной панцирю (Tact. 34. 6), можно предположить, что на турнирах использовалась особо легкая разновидность чешуйчатого или полотняного панциря, усиленная на груди двухчастными, а на спине одночастными пластинами, которые хорошо известны археологам. Благодаря пышности декора, которым их

всегда украшали, эти пластины стали ассоциироваться с элементами именно таких парадных или турнирных панцирей. В пользу данной интерпретации свидетельствует также ничтожная толщина пластин, исключающая их чисто защитную функцию.

Типология Й. Гарбша все еще продолжает оставаться основной для классификации подобных нагрудных пластин [Garbsch. 1978. S. 10–11. Abb. 5. P 27, P 7, P 3, P 6, E 6, D 1–2, P 23]. Новые находки также описываются по его классификации, которая касается почти исключительно двухчастных пластин [Borhy. 1990; Born, Junkelmann. 1997. S. 72–75]. Такие нагрудные пластины состояли из пары высоких прямоугольных пластинок, узкие верхние стороны которых были вырезаны под горло. В соединенном между собой состоянии они охватывали шею с наружной стороны. Замок, соединявший их, состоял из вращающихся задвижек, которые вставлялись в разрезы контркрепления и при повороте на 90° закреплялись.

35. Варианты крепления нагрудных пластин между собой при помощи шплинта и штифта (по: Garbsch. 1978)

плялись штифтом или шплинтом. Реже встречается крепление со шплинтом, располагавшимся непосредственно на пластинках. Этот более редкий вид замка отмечен на изделиях из Пфюнца и Кюнцинга [Garbsch. 1978. S. 8].

На внешних краях пластин находятся отверстия под заклепки, которыми пластины крепились к нагрудной части пан-

циря. На центральной части чешуек панциря из Хружицы видны пробитые круглые отверстия под такие заклепки [Petru. 1974. S. 225 ff.].

Более старые экземпляры имеют вертикально расположенные пары отверстий с остатками проволоки. Здесь происходила связь, аналогичная горизонтальной связке панцирных пластинок.

КАРТА 1. Нагрудные и наспинные пластины панцирей:

1 — Корбридж; 2 — Хеерлен; 3 — Зугмантель; 4 — Франкфурт-Хеддернхайм; 5 — Мундельсхайм; 6 — Бертольдсхайм; 7 — Вайсенбург; 8 — Пфёрринг; 9 — Пфюнци; 10 — Кюнцинг; 11 — Энс (Lauriacum); 12 — Маутерн; 13 — Карнунт; 14 — Шони (Бригесион); 15 — Залалёво; 16 — Аквинк; 17 — Ритопек; 18 — Бучум; 19 — Мойград; 20 — Герла; 21 — Потаисса; 22 — Хрушица; 23 — Орговани; 24 — Адана; 25 — Дура-Европос; 26 — Манхинг

Из всего опубликованного до настоящего времени материала выделяются одночастные пластины трапециевидной формы, ассоциирующиеся с наспинными накладками. К их числу принадлежат экземпляры из Ритопека [Künzl. 2001], Карнунта [Garbsch. 1984. S. 68. Taf. 31. 2], Аквинка (Aquincum) [Garbsch. 1978. S. 80. P 28. Taf. 37; Junkelmann. 1996. S. 70. Abb. 144], Герлы [Garbsch. 1978. S. 85. R 16. Taf. 13. 2], Энисы (Lauriacum) [Ruprechtsberger. 1981. Taf. 4; Junkelmann. 1996. S. 70. Abb. 143], Залалёво [Garbsch.

2000. S. 115; Künzl. 2004. S. 392] и Центрального римско-германского музея в Майнце [Künzl. 2004. S. 389–394].

Пластина из Ритопека (Tricornium) (Белград, Нарядный музей Inv. 4 180/III) несет на себе изображения семи бюстов богов, боевой сцены, двух знаков когорт, двух орлов, а также содержит надписи. Семь бюстов являются, очевидно, изображениями богов семи дней недели. Внизу слева изображен бюст Сатурна (суббота), атрибутами которого служат покрывало, серп и бык; над ним разме-

36

36. Фрагменты правой нагрудной пластины с изображением Минервы и чешуйчатого панциря из Хрушицы (AD PIRUM), Словения. Серебряная бронза, II в. Любляна, Народный музей (по: Garbsch. 1978)

37

37. Панцирная нагрудная или наспинная пластина из Ритопека, Сербия. Бронза, первая половина — середина III в. Белград, Народный музей. Инв. № 4180/111 (фото E. Künzl)

38

39

40

38. Нагрудная пластина с изображением Капитолийской волчицы и Юпитера со связкой молний из Бад Дойч-Альтенбурга (Бригещион) (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, II в. Бад Дойч-Альтенбург, Археологический музей Карнунта. Надпись: AVR(elius)/IVISTI/NVS (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle)

39. Нагрудная или наспинная пластина из Аквинка (AQUINCUM), Венгрия. Бронза, II–III вв. Музей Аквинка. Инв. № 30 293

40. Панцирная нагрудная пластина с изображением бога солнца Сола Инвиктуса и капитолийской волчицы. Медь, III в. Майнц, Центральный римско-германский музей. Инв. № O 42645 (фото E. Künzl)

щен Сол (воскресенье; виден венок лучей и кнут), а еще выше — Луна (понедельник), у которой за правым плечом можно видеть конец лунного серпа. Наверху справа — Меркурий (среда) с двумя крыльями в волосах. В центре пластины помещен бюст мужчины в шлеме, с копьем, в панцире и плаще — это Марс (вторник). Справа в центре находится бюст Юпитера (четверг), которого характеризует связка молний. Внизу располо-

жен женский бюст со стилизованным зеркалом — это Венера (пятница) [Künzl, 2001]. В иконографии парадного оружия нагрудная пластина из Ритопека является уникальной.

Исходя из статистики сюжетов, изображаемых на римском парадном вооружении, получается несколько иная картина. Акцент смещается в сторону обычного набора фигур: Марс, Виктория и орел Юпитера (причем сам Юпитер изо-

41. Фрагмент нагрудной пластины из Аданы (ANTIOCHIA AD SARUM), Турция. Бронза, II в. Музей Аданы. Обстоятельства находки неизвестны. Изображения Марса и орла. С правой стороны надпись SILV. ROS (по: Garbsch, 1978)

42. Правая нагрудная пластина из Карнунта или Бригециона. Серебряная бронза, II в. Вена, Художественно-исторический музей, Собрание древностей. Инв. № VI 3421 а

43. Нагрудная пластина из Бад Дойч-Альтенбурга (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, конец II — начало III в. Бад Дойч-Альтенбург, Археологический музей Карнунта. Инв. № 11999 (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle)

44

бражен только раза два). Более старые изделия начала I — II вв. еще имели изображения довольно широкого круга божеств, в то время как в конце II в. формируется совершенно стереотипная иконографическая комбинация, при которой на двухчастных изделиях изображены зеркально обращенные друг к другу бюсты Марса и Минервы (или Виртус, Доблести), редко — Юпитера и Геракла. В клиновидном выступе на верхней части пластин, как правило, помещали орла Юпитера [Garbsch. 1978. S. 8].

Хотя такие пластины из-за своего богатого декора до сих пор непосредственно связываются с парадно-турнирным доспехом, в то же время они довольно редко встречаются в составе широко известных кладов специфически парадно-турнирного вооружения. Нагрудные или наспинные пластины присутствуют в трех из 13 известных кладов парадно-турнирного вооружения первой половины — середины III в. В составе этих кладов преобладают богато украшенные шлемы, конские наглавники и наглазники и по-

45

46

44. Панцирная нагрудная пластина из Нима, Франция. II–III вв. Ним, Археологический музей (по: Feugère. 1994b)

45. Фрагмент нагрудной пластины с изображением Минервы, II в. Частная болгарская коллекция

46. Нагрудные пластины из Манхинга, Германия. Бронза, первая половина III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. 1956, 71 (по: Garbsch. 1978)

47. Нагрудные пластины из Пфюнца. Бронза, начало III в. Музей Эйхштатта (по: Robinson. 1975)

ножи, так как эти предметы были дорогостоящими и, кроме того, являлись специфически парадными или турнирными и не имели широкого использования [Негин. 2005. С. 62]. Нагрудные пластины могли иметь и более широкое использование: есть серьезные основания предполагать, что они входили в состав боевого снаряжения. Известны пластины с надписями, указывающими на их применение

в легионах (LEG X, LEG XIII) [Pitts. 1987. P. 26; Borhy. 1990]

Следовательно, возможно, их использовали не только в кавалерии, как думали ранее, но и в легионной пехоте. По предположению М. Бишоп, такие пластины могли применяться вкуче не только с кольчугой или чешуйчатым панцирем, но и с сегментными панцирями. Такая гипотеза появилась у исследователя

48

49

48. Нагрудная пластина из Мушова. Бронза, конец I — начало II в. (по: Künzl. 1999b)

49. Левая нагрудная панцирная пластина из Орговани, Венгрия. Бронза, конец I — начало II в. Кечкемет, Краеведческий музей (Bács-Kiskun megyei múzeum). Инв. № 74.14.1 (по: Garbsch. 1978)

благодаря скульптуре из Алба Юлия (Румыния), на которой изображен одетый поверх лорики сегментаты чешуйчатый наплечник или горжет с вплетенной в него двухстворчатой нагрудной пластиной [Bishop. 2002. P. 62–63, Fig. 7, 1]. По заключению автора этой интерпретации, такие пластины давали возможность увеличить шейное отверстие панциря при его надевании, после чего панцирь застегивали, подгоняя под нужный диаметр шеи. Таким образом, декорированные нагрудные пластины стали выполнять функцию прежних накидных крючков в форме буквы S, скреплявших оплечья кольчуги или чешуйчатого панциря в конце республиканского периода и в раннеимператорское время [Bishop, Coulston. 1993. P. 117]. М. Бишоп проводит аналогию с замками нагрудных пластин лорики сегментаты, сближая тем самым декорированные нагрудные пластины с боевым доспехом [Bishop. 2002. P. 57, 62].

М. Юнкельманн предложил иную интерпретацию пластин в контексте их использования в составе вооружения, применяемого на кавалерийских турнирах. Арриан не упоминает никаких кольчуг или чешуйчатых панцирей, но говорит о разноцветных «киммерийских» костюмах участников этих действ (Tact. 41. 1). В связи с этим М. Юнкельманн предположил, что пластина пришивалась непосредственно к полотняному панцирю [Junkelmann. 1996 S. 70–72]. При этом она выполняла скорее декоративную функцию, подобно остальным элементам тур-

нирного снаряжения, тем более что серьезных ранений дротиком с затупленным наконечником защищенный щитом всадник получить не мог. Что касается интерпретации пластин как элемента непосредственно парадного вооружения, то здесь всякая их защитная функция исключена в принципе.

В свете всего вышесказанного логично предположить универсальность использования нагрудных пластин как в парадно-турнирном, так и в боевом снаряжении, однако в любом случае пластины выполняли функции застёжек панциря и дополнительного украшения доспеха.

Лорика мускулата (lorica musculata)

Довольно часто статуи и другие изображения (на монетах, рельефах, настенных росписях) императоров представляют

их облаченными в анатомически оформленные панцири с птерюгами (кожаной или металлической оторочкой) (*logica musculata*). По большей части мы видим императоров, обращающихся с речью к войску (*adlocutio*).

Обычно такие обращения проходили во время воинских сходов (*contiones*), парадов или иных церемониальных действий римской армии. Поэтому богато украшенные декором анатомические кирасы также можно причислить к парадному вооружению.

51. «Рельеф преторианцев». Мрамор, II в. Париж, Лувр

Использование римскими военачальниками таких кирас имело довольно продолжительную традицию — с республиканского периода и до IV или даже V в. Однако, судя по изобразительным источникам, некоторые солдаты также иногда носили подобный доспех. Знаменитый рельеф II в. из Лувра показывает группу преторианцев или, по крайней мере, офицеров [Robinson. 1975. P. 147. Pl. 423].

На данном изображении представлен широкий ассортимент предметов военного снаряжения, среди которых можно увидеть панцирь с анатомически смоделированной талией на теле воина. На рельефах основания колонны Антонина Пия один из центурионов также одет в аналогичную кирасу, а колонна Траяна изображает практически всех офицеров в анатомически оформленных панцирях.

52. Рельеф колонны Траяна со сценой *adlocutio*

Панцири офицеров с колонн Траяна и Марка Аврелия являются укороченными версиями обычной анатомической кирасы [Robinson. 1975. P. 147–148].

Большинство сцен с изображением воинов в подобных кирасах также показывает различные военные шествия, парады и собрания. Поэтому можно предположить, что и здесь речь идет не о боевой экипировке. Во всех этих кирасах прослеживаются естественная простота и в то же время мастерство их изготовителей. Очевидна и дороговизна такого доспеха, который скорее всего был не по карману большинству солдат, тем более если кираса была изготовлена из бронзы или железа. Бронзовые кирасы были распространены на Италийском полуострове уже задолго до н. э. Они содержатся, в частности, среди находок этрусских и греческих изделий, а в пользу существования железных экземпляров свидетельствует то, что на некоторых скульптурных изображениях анатомических оформленных панцирей сохранились следы синей краски [Robinson. 1975. P. 147. Pl. 421–422; Richardson. 1996. P. 91–120].

Собственно римская анатомическая кираса — это не простая адаптация эллинистического бронзового анатомического панциря, т. к. имеет много признаков позднего эллинистического льняного панциря (*linothorax*) и, похоже, в республиканский период была скопирована именно с него.

Из всей массы иконографического материала можно выделить две разновидности кирасы. Она имеет прямую талию, в то время как у других она ана-

томически оформленная. На упомянутом рельефе с группой преторианцев из Лувра есть изображение воина в панцире с прямой талией. Ко времени Антонинов прямое моделирование талии, по-видимому, исчезает.

Декор каждой кирасы имеет определенное значение и, очевидно, связан с индивидуальностью владельца. Иконография представляет разнообразные комбинации сюжетов, но одни из них более типичны, чем другие, а некоторые встречаются только на протяжении коротких отрезков времени. Например, грифон с распростертыми крыльями — это один из самых обычных образов, которые можно встретить на анатомических кирасах императорского периода. Между тем следует отметить, что любовь римлян к экспериментированию проявилась здесь наиболее отчетливо и в изображениях на анатомических кирасах гораздо больше индивидуальности, чем в сюжетах на других типах брони.

Языки птерюг также иногда украшали различными изображениями, среди которых можно выделить рог изобилия, птиц (особенно орлов, петухов и голубей), медведей, барсуков, волков, грифонов, волчицу с Ромулом и Ремом, Диоскуров, розетки, гирлянды, металлические кружки (диски), речных богов, nereid, Мать Матугу и многих других.

На панцирях количество образов не столь велико. Наиболее часто можно увидеть апотропей в виде головы горгоны Медузы (*Gorgoneion*), которая размещается на груди панциря и иногда на языках птерюг. Нередко также изображается

53

54

53. Статуя императора Октавиана Августа из Сплита. Мрамор, I в. Музей Сплита

54. Статуя императора Адриана. Мрамор, вторая четверть II в. Турция, музей Анталии

55

56

Ника (Виктория) как персонификация победы, и во всех своих видах она олицетворяет римскую победу. Орел — один из самых вездесущих образов в римском искусстве. Его появление на анатомически оформленной кирасе и птерюгах вполне оправданно, ибо он является имперским символом и вообще обозначает власть римского государства. Довольно часто изображали грифонов, реже сфинксов. Еще более редки гиппокампы, подобно грифонам обычно помещаемые в

центральной части кирасы. Им часто сопутствуют nereиды. Олени появляются в качестве сопровождения Ники или других божеств, где они, вероятно, являются фамилиарами богини Дианы. Быки обычно трактуются как жертвенные животные. Петухи по числу изображений следуют за орлами. Птиц всех типов часто можно видеть на краях панциря, но, как правило, они помещаются на языках птерюг. Волки, медведи и головы львов также обычны, но в основном применя-

55. Статуя императора Адриана. Мрамор, вторая четверть II в. Афины

56. Статуя императора Адриана из Олимпии

57

58

ются в качестве декора на креплениях наплечников кирасы или на языках птерюг. Разнообразие животных, используемых в декоре панцирей, ограничено видами, которые обитали в пределах Римской империи, и обычными мифологическими животными. Редко можно увидеть слонов, и совсем нет носорогов, однако крокодилов иногда изображали. Молнии, часто помещавшиеся на наплечниках ки-

рас, являются довольно распространенным военным символом, хотя образец заимствован у греков и явно имеет ссылку на Юпитера-громовержца.

Кроме вышеупомянутых сюжетов и предметов на кирасах изображались также объекты религиозного культа (канделябры, черепа жертвенных животных и гирлянды в виде больших драпированных связок цветов и плодов) (подробный ана-

57. Статуя императора Луция Вера. Мрамор, вторая половина II в. Неаполь. Национальный археологический музей

58. Статуя императора Марка Аврелия. Мрамор, вторая половина II в. Неаполь. Национальный археологический музей

59

60

61

лиз иконографии анатомически оформленных кирас эллинистических и римских статуй см. в работах: Vermeule. 1959, 1964, 1966, 1974, 1978).

Самая известная кираса, представленная на статуе Октавиана Августа из виллы Ливии у Прима Порты, имеет уникальную иконографию, которая заслуживает особого внимания [Van Keuren. 1985. P. 177–187; Jucker. 1977. S. 16–37].

Фигуры, изображенные на этом панцире, олицетворяют Pax Romana («Рим-

62

59. Статуя императора Траяна. Мрамор, начало II в. Копенгаген, Глиптотека Карлсберга

60. Статуя проконсула провинции Азия Полемена. Мрамор, 106–107 г. Стамбул, Археологический музей

61. Бронзовая статуя императора Адриана в анатомически оформленной кирасе из Тель Шалема (Бет Шеан (Scythopolis)). Иерусалим, Израильский музей. Инв. № IDAM 75–763; IDAM 75–764

62. Статуя Октавиана Августа из виллы Ливии у Прима Порты. Мрамор, первая половина I в. Рим, Ватиканские музеи

63

63. Статуя императора Адриана из Иерапетры, Крит. Мрамор, вторая четверть II в. Стамбул, Археологический музей. Инв. № 50

64

ский мир»), творцом которого был Август. На это указывает аллегорическая фигура, поддерживающая небеса, в верхней части панциря. В центральной части нагрудника помещено изображение одного из дипломатических успехов Августа. После того как римляне потерпели позорное поражение от парфян при Каррах (53 г. до н. э.), потеряв свои военные знамена и регалии, Август договорился о возвращении знамен. Момент возвращения штандартов зафиксирован на декоре кирасы. Здесь прослеживается идеологический подтекст действия [Rose. 2005. P. 24–27].

За свою долгую историю римская анатомически оформленная кираса прошла путь от обычного боевого панциря до символа римских воинских рангов. Каждый военачальник, легат и император, желая подчеркнуть свои военные

64. Декор панциря статуи Октавиана Августа из виллы Ливии у Прима Порта

заслуги и доблести, изображал себя в подобной кирасе, которая служила символическим воплощением идеи сильной власти. В этом контексте можно рассматривать и статую Октавиана Августа из виллы Ливии у Прима Порты, и статую Адриана из Иерапетры [Nietmeyer. 1968. S. 97. № 53. Taf. 17, 2], и многие другие императорские изображения. Тем не менее анатомически оформленные кирасы римских императоров и полководцев вполне уместно называть парадными, так как их идеологическая функция была необходимой составной частью визуального ряда пышных военных шествий и других воинских церемоний. При отсутствии археологических находок реальных кирас возникает лишь вопрос о том, насколько можно доверять иконографическим источникам, насколько они соответствовали действительным изделиям, ни одно из которых до нашего времени не сохранилось. К счастью, можно констатировать, что римляне любили реализм, хотя даже самые реалистичные изображения художники могли иногда дополнять своей фантазией, поэтому уместна определенная доля скептицизма при рассмотрении предметов, известных только по иконографическим источникам.

ПОНОЖИ

Поножи известны как защитное вооружение уже по гомеровскому эпосу (Hom. II. XVIII. 613). Археологические

65. Поножь с изображениями Минервы (наколенник) и Марса (наголенник) из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (фото Scharf)

находки происходят из микенских воинских погребений [Fortenberry. 1991. P. 623–627]. Известны греческие и этрусские изделия, защищавшие ногу со всех сторон, но наряду с ними часто встречаются поножи простой конструк-

ции, изготовлявшиеся из бронзового листа, который пришнуровывался к передней стороне ноги [Connolly. 1981. P. 98, 100, 103, 109, 110].

В римской армии императорского времени применялись обе эти формы. Судя

КАРТА 2. Поножи:

1 — Валкенбург; 2 — Шпайер; 3 — Фор-Луи; 4 — Руфенхофен; 5 — Пфюнци; 6 — Айнинг; 7 — Аугсбург; 8 — Регенбург; 9 — Штраубинг; 10 — Кюнцинг; 11 — Оберстимм; 12 — Энс; 13 — Бад Дойч-Альтенбург (Карнунт); 14 — Будапешт; 15 — Славонски-Брод; 16 — Залалёво; 17 — Пфёрринг; 18 — Гиулешти; 19 — Топчи; 20 — Манхинг; 21 — Хеврон

66

67

66. Поножь с изображением Марса. Латунь, конец II — начало III в. Бывшая коллекция А. Гутмана (AG 711)

67. Поножь из Аквинка (AQUINCUM), Венгрия. Посеребренная бронза, II в. Музей Аквинка. Инв. № 30 293

по иконографическим источникам, центурионы носили украшенные декором поножи [Негин. 2005 б. С. 10; Robinson. 1975. P. 187], а в начале II в. простые короткие неукрашенные поножи были введены, по-видимому, для легионеров с целью защиты левой ноги, выставлявшейся из-под щита [Garbsch. 1978. S. 9]. В конце III или начале IV в., очевидно, парами поножей стали пользоваться тяжелые пехотинцы, в пользу чего может свидетельствовать, например, изображение пары поножей на надгробии легионера Севера Акцепта из VIII Августова легиона [Bishop, Coulston. 1993. P. 143.

Fig. 101, 1]. Во всех этих случаях речь идет о пехоте.

Благодаря массовым находкам в составе кладов в Штраубинге [Keim, Klumbach. 1951] и Айнинге [Kellner. 1978] богато украшенные декором поножи стали причислять к предметам парадного вооружения всадников вспомогательных подразделений.

Отдельно найденные, не украшенные декором бронзовые или железные образцы имеют по всей длине вертикальный надлом в середине и более или менее сильный изгиб по контуру икры. С двух сторон к ним приклепаны по два или три

68. Поножи из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (по: Robinson. 1975)

69

70

69. Фрагмент поножи из Бад Дойч-Альтенбурга (Бригещион) (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, II–III вв. Бад Дойч-Альтенбург, Археологический музей Карнунта. Инв. № 21389 (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle)

70. Поножь из Фор-Луи, Франция. Посеребренная бронза, II в. Хагенау, Музей виллы. Инв. № 68/33 (по: Garbsch. 1978)

71

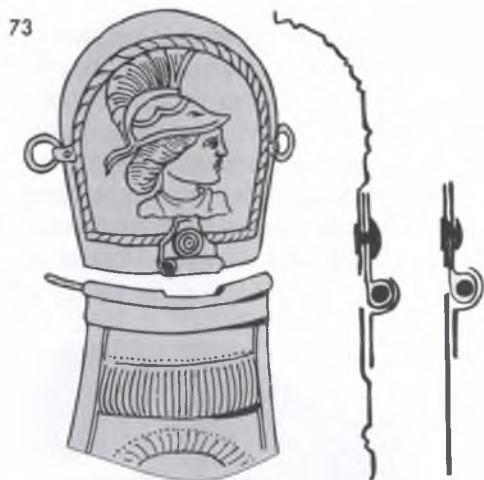

72

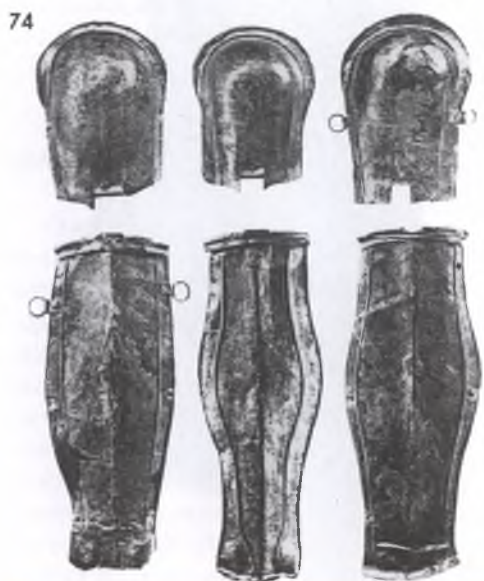

71. Понож с изображением Марса из Славонского Брода, Словения. Посеребренная бронза, II–III вв. Славонский Брод, Музей Бродского Посавья (по: Garbsch. 1978)

72. Понож из Регенсбурга, Германия. Бронза, II в. Регенсбург, Городской музей. Инв. № А 3471 (по: Garbsch. 1978)

75

73. Схема крепления наколенника к поножи

74. Поножи из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция (по: Kellner. 1978)

75. Поножь из Нижней Италии. Бронза, II в. Брюссель, Музей парка Cinquantenaire. Инв. № А 706 (по: Garbsch. 1978)

бронзовых кольца для кожаных ремней, при помощи которых производилась фиксация поножей на ноге. Поскольку эти изделия имеют ровный обрез сверху и снизу, они не защищали колени и лодыжки, что позволяет определять эту форму как пехотную модификацию [Garbsch. 1978. S. 12].

Более сложная форма, как, например, поножь из Айнинга, имеет изогнутый нижний край или выступающие боковые отростки для защиты лодыжек. Кроме того, на подобных экземплярах присутствует прикрепленная на шарнире коленная секция с боковыми петлями для крепления кожаного ремешка. Защита ко-

76. Наколенники (деталь составной поножи) из Бад Дойч-Альтенбурга (Бригещион) (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, конец II — начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. №. 1981, 3198 (фото Scharf)

лена и лодыжки свидетельствует о том, что речь здесь может идти о кавалерийской модификации поножей [Garbsch. 1978. S. 12].

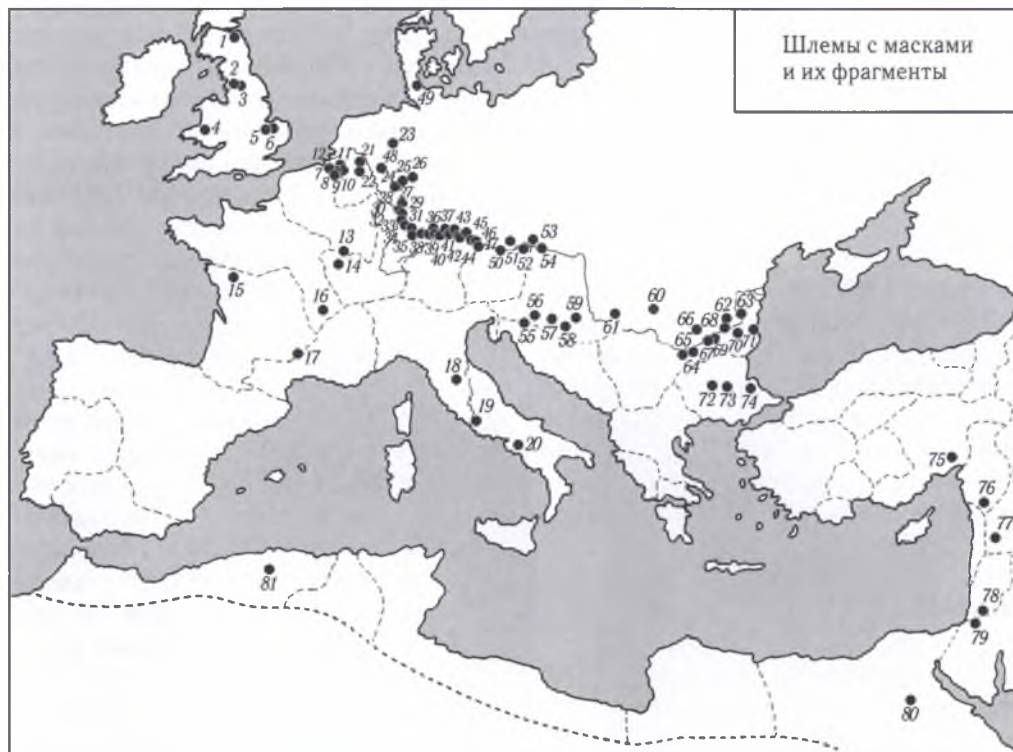
На богато декорированных поножах коленная секция также имеет декор, часто в виде бюстов или голов Минервы (Виртус или Беллоны?), Фортуны и Марса [Robinson. 1975. P. 187. Fig. 192. Pl. 505–507; Garbsch. 1978. S. 11. Abb. 5]. Крепление коленной секции к пластине поножи было таким же, как и на экземплярах без декора, а именно обычным шарниром. Как правило, к ноге поножи привязывали кожаными ремешками, но сохранилась и поножь из Фор-Луи, на которой вместо ремня используется тонкая цепочка [Garbsch. 1978. S. 81. Q 8. Taf. 38, 5].

ШЛЕМЫ

О назначении богато украшенных шлемов уже более столетия ведутся научные дискуссии. Еще в 70-х гг. XIX в. О. Бенндорф назвал часто встречающиеся вкладах парадного вооружения и среди отдельных находок шлемы с масками погребальными [Benndorf. 1878. S. 65]. Это мнение незамедлительно было подвергнуто справедливой критике со стороны одного из основателей римской военной археологии Л. Линденшмита, который считал шлемы с масками боевыми. Однако в ходе дискуссии последний отказался от категоричности своего суждения и оставил вопрос открытым, не исключая возможность парадного применения некоторых шлемов с масками [Lindenschmit. 1881]. В середине XX в. Х. фон Петрико-

виц [Petrikovits. 1952. S. 126] и Ф. Кихле [Kiehle. 1965. S. 87–107], проанализировав трактат Арриана «Тактика», пришли к выводу, что шлемы с масками и другие богато украшенные чеканным декором, серебрением и позолотой предметы вооружения применялись на конных турнирах. То, что кроме боевых шлемов существовали и парадные, специально предназначенные для применения на различных торжественных церемониях и военных парадах, не подлежит сомнению. Наибольшие дискуссии вызвали как раз шлемы с масками.

Согласно археологическим данным, шлемы с масками появляются в римской армии в правление Октавиана Августа. Самый старый экземпляр посеребренной железной маски найден в 1991 г. на месте предполагаемого разгрома легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу [Berger, Franzius, Schlüter. 1991. S. 229. Abb. 20; Franzius. 1993. S. 131–135. Abb. 24 a, b]. Более ранняя незавершенная железная маска, найденная в легионном лагере в Хальтерне [Kropatscheck. 1911. S. 351. № 12. Taf. 39. 2; Garbsch. 1978. O 1. S. 62], была утеряна в ходе Второй мировой войны, однако оба экземпляра однозначно подтверждают употребление железных личин в римской армии уже в самом конце правления Октавиана Августа. Следующие десятилетия представлены целым рядом находок, происходящих главным образом из провинции Нижняя Германия (особенно часто они встречаются в Неймегене и его окрестностях), но также из Галлии, Фракии и Сирии. Концом I в. следует датировать шлемы из вновь захваченной провинции Британия.

КАРТА 3. Шлемы с масками и их фрагменты:

1 — Ньюстед; 2 — Уэртинг; 3 — Илкли; 4 — Брекон Гэр; 5 — Рибчестер; 6 — Лонгторп; 7 — Вехтен; 8 — Неймеген; 9 — Убберген; 10 — Цваммердам; 11 — Румбург; 12 — Де Меерн; 13 — Хелланж; 14 — Конфлан; 15 — Нёви-Пайу; 16 — Шаснар; 17 — Родез; 18 — Раполано; 19 — Рим; 20 — Нола; 21 — Хальтерн; 22 — Кёльн; 23 — Калькризе; 24 — Майнц; 25 — Райнхайм; 26 — Франкфурт-Хеддернхайм; 27 — Эхцелль; 28 — Штокштадт; 29 — Графенхаузен; 30 — Пфрондорф; 31 — Штутгарт-Бад Каннштат; 32 — Кюнцинг; 33 — Пфюнци; 34 — Ашберг; 35 — Гнотихайм; 36 — Ситтлинг; 37 — Ален; 38 — Обер-Флорштадт; 39 — Далькинген; 40 — Вельххайм; 41 — Вайсенбург; 42 — Айнинг; 43 — Штраубинг; 44 — Штрасс-Моос; 45 — Нойс; 46 — Дормаген; 47 — Пфёрринг; 48 — Крефельд-Геллеп; 49 — Торсбьерг; 50 — Карнунт; 51 — Шони (Бригецион); 52 — Герцогенбург; 53 — Фокторок; 54 — Визеград; 55 — Сотин; 56 — Осиек; 57 — Смедерево; 58 — Костол; 59 — Брза-Паланка; 60 — Реска; 61 — Железные Ворота; 62 — Остров; 63 — Хыршова; 64 — Каленик; 65 — Никюп; 66 — Белене; 67 — Состра; 68 — Силистра; 69 — Разград; 70 — Мадара; 71 — Варна; 72 — Пловдив; 73 — Чаталка; 74 — Визе; 75 — Газиантеп; 76 — Хомс; 77 — Нава; 78 — Иордан; 79 — Хеврон; 80 — Шейк-Ибада; 81 — Айн Гримиди

Период II–III вв. представлен в основном находками, сделанными в дунайских провинциях. Особенно богатый материал по шлемам с масками и другим составным частям «парадного вооружения» происходит из области Реция, которая охватывает современную Южную Баварию, а также отдельные части Вюртемберга, Швейцарии, Форарльберга и Тироля. Примерно 40 % всего найденного на сегодняшний день материала происходит из одной этой провинции, где в середине — второй половине III в. свирепствовали аламанны. После первых сражений 213 г. в 233 г. последовало их новое наступление, и им удался глубокий прорыв. Последствием этих событий являются клады, которые найдены на юго-западе Германии в предгорьях Альп, прежде всего в долине Некара и в Верхней Швабии. Если такое распространение кладов и не доказывает прямо глубину аламанных наступлений, оно свидетельствует о зонах беспорядков и беспокойства, которые не утихли даже с контр-наступлением императора Максимиана Фракийца. Многочисленные клады как последствия катастроф в верхнегерманском регионе засвидетельствованы на 254 и 259/260 гг. В это время ослабленная римская власть предоставила события их собственному течению. Граница планомерно не укреплялась, и не было преобладания в размещении римских пограничных войск.

Почти все эти находки концентрируются у крепостей римской пограничной линии, где они изначально должны были храниться в арсеналах (*armamentaria*). Однако только два клада найдены непо-

средственно на территории крепостей (Кюнцинг, Пфюнци). Остальные были зарыты вне укреплений: на территории викауса (прилагерного поселка) (Кюнцинг, Пфёрринг, Айнинг, Вайсенбург) или расположенной невдалеке римской виллы (Штраубинг, Ситтлинг). Состав кладов свидетельствует о том, что чаще всего прятали богато украшенные шлемы, которые были найдены в 9 из 13 кладов. Конские налобники и наглазники находились в 7 из 13 кладов, а поножи — в 6 [Негин. 2005. С. 61–62]. Находки IV в. ни в дунайских провинциях, ни на других территориях Римской империи не содержат элементов парадно-турнирного вооружения. Это удивительно, ведь Аммиан Марцеллин упоминает о шлемах с масками, которыми были экипированы уже и противники Рима — сасанидские катафракты (XXV. 1. 12; XVI. 10. 5–8). Кроме того, такие защитные наголовья были изображены среди парадного вооружения на несохранившейся колонне императора Аркадия (395–408 гг.) [Nicolle. 1995. P. 16–17].

Дошедшие до нас изобразительные источники римских шлемов с масками довольно редки. Однако здесь надо учитывать тот факт, что после утраты первоначальной окраски скульптур маски едва ли можно отличить от лиц легионеров. Лучшие шансы идентифицировать шлемы с масками дают фризы с изображениями вооружения и трофеев. Колонна раннего императорского времени, находящаяся сейчас в музее города Перигё (Дордонь, Франция) показывает между щитами, панцирями и другими частями вооружения шлем всадника типа Вей-

77

78

77. Надгробие сигнифера Квинта Лукция Фавста из XV Первородной Фортуны (Primigenia) легиона. За плечом воина виден шлем, по своему виду напоминающий шлемы с масками типа Рибчестер. Вторая половина I в. Майнц, Краеведческий музей (фото Mainz – Landesmuseum)

78. Надгробие сигнифера Флавина из Ala Gallogum Petriana, дислоцировавшейся в Корбридже. Конец I в. Хексхамское аббатство, Музей древностей университета и Общества антиквариев Ньюкасл-апон-Тайна (фото Museum of Antiquities of the University of Antiquaries of Newcastle upon Tyne)

лер/Кобленц-Бубенхайм с маской в виде безбородого молодого лица [Robinson. 1975. P. 136, Fig. 411].

Спорными, по мнению Л. Линденшмидта, являются несколько изображений на надгробных памятниках второй половины I в. В частности, на памятнике сигниферу XIV легиона Квинту Лукцию Фавсту можно усмотреть маску в странном, подобном шлему предмете, виднеющемся из-за плеча знаменосца [Linden Schmidt. 1881. S. 5].

О. Бенндорф в противовес этой интерпретации усматривал в изображении не более чем «обычный головной убор знаменосцев» [Benndorf. 1878. S. 59].

Возможно, что шлемы с масками содержатся еще на двух надгробиях римских кавалеристов-знаменосцев. На первом — надгробии сигнифера Флавина из Ala Gallorum Petriana изображено роскошное украшение шлема из конского волоса и перьев.

Обнаруженные до сих пор шлемы с масками — это кавалерийские шлемы раннего императорского времени, на которых можно проследить остатки креплений для султанов и перьев. Эти детали совпадают с описанными Аррианом, который говорит о султанах из желтого волоса, не имеющих никакого практического значения и служащих лишь украшением. Другое надгробие показывает Секста Валерия Генялиса из Ala I Thracum, шлем которого имеет приподнятый заостренный козырек, подобный тем, которые можно видеть на шлемах типа Рибчестер. Если на всех этих надгробиях действительно изображены шлемы с масками, то можно говорить о том, что они

могли принадлежать, по меньшей мере, к парадной «униформе» как пехотных, так и кавалерийских сигниферов. Иная интерпретация затруднена, так как спорным остается не только предназначение масок, крепившихся к шлему, но и причина и обстоятельства их появления в римской армии.

Источники, как уже отмечалось, крайне скудны и не дают ответа на эти вопросы, поэтому исследователями предлагаются несколько гипотез относительно проникновения масок в римскую армию. Среди наиболее интересных и заслуживающих внимания можно выделить восточную, эллинистическую, фракийскую и италийскую теории.

Тезис о восточном происхождении в последнее время отстаивает Х. фон Галль, который видит сходство скульптурных масок второй половины I в. в большом храме Хатры (Ирак) со шлемом из Хомса (Сирия). Им была высказана идея о влиянии со стороны сирийско-парфянского Востока через посредство сирийских воинских контингентов, служивших в римской армии [Gall, von. 1970. S. 32]. В самых старых фракийских и сирийских могилах аристократов найдены шлемы с масками, которые отличаются от классического идеала фракийского портретного искусства и показывают семито-хамитские черты лица (шлемы из Пловдива в Болгарии и Хомса в Сирии). Тем не менее самые ранние римские маски (из Калькризе и Хальтерна) еще старше упомянутых находок, и поэтому фракийские и сирийские экземпляры не могут свидетельствовать в пользу теории о восточном заимствовании.

На Востоке, видимо, уже была сформирована традиция использования шлемов с масками. По крайней мере, античные источники начиная со II в. описывают катафрактарную кавалерию парфян, а затем и Сасанидов, экипированную шлемами с масками (Heliod. Aethiop. 9. 15; Амт. XXV. 1. 12). Другое дело, что единственным подтверждением использования на этих территориях шлемов с масками еще до начала н. э. могут служить изображения с рельефа на храме Афины в Пергаме [Jaesckel. 1965. S. 94–122] и статуэтка воина из Сирии [Rostovtseff. 1935. Fig. 46], хотя они, несомненно, несут на себе черты эллинистической традиции.

По мнению О. Гамбера, парфяно-сасанидские шлемы, напротив, сформировались под влиянием эллинистической традиции и были переняты парфянами от кавалерии диадохов [Gamber. 1968. S. 12]. Шлем, изображенный на рельефе из Пергама, он считает прототипом пар-

фянского бородатого шлема со статуэтки из Сирии.

Наибольшее внимание на протяжении последних десятилетий привлекает тезис о фракийском происхождении шлемов с масками, заимствованных впоследствии римлянами. Впервые эта гипотеза была выдвинута еще Ф. Дрекселем [Drexel. 1924. S. 69], а затем поддержана болгарским исследователем И. Венедиковым [Venedikov. 1960], который указывал на антропоморфные нашечники некоторых шлемов фригийского типа с территории Фракии как на явный прототип антропоморфной маски. Однако переходная стадия от бородатых нашечников к антропоморфной маске на этой территории до сих пор не выявлена. Другое доказательство фракийской теории заключается в том, что много ранних шлемов с масками найдено в погребениях в самой Фракии, а также в Галлии. На территорию Галлии шлемы с масками могли попасть в качестве трофеев галльских всадников, при-

79. Рельеф с храма Афины в Пергаме. Берлин, Пергамский музей

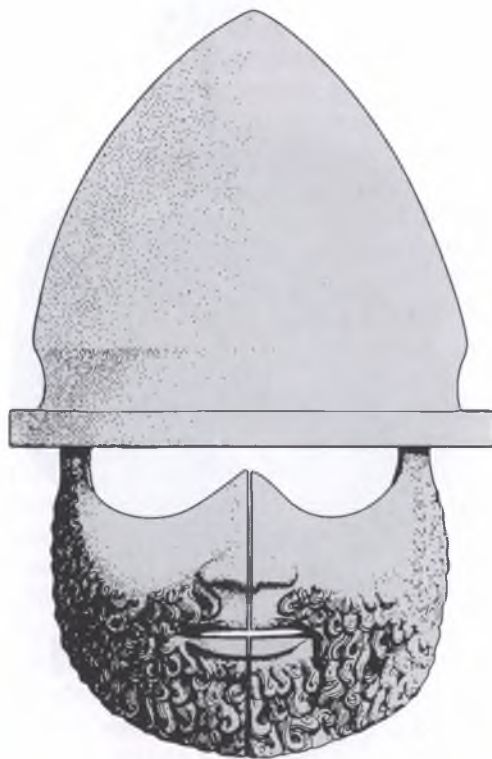
нимавших участие в подавлении фракийских восстаний в 20-е гг. I в. [Krieger, Reiner. 1993. S. 63].

Существует также теория заимствования римлянами шлемов с масками у этрусков, которые могли использовать их в своих религиозно-культурных церемониях или в конных ристалищах. По словам Ливия, римляне научились конным состязаниям именно у этрусков (Liv. I. 35. 9). Г. фон Петриковиц пытается связать употребление шлемов с масками с конной игрой патрицианских юношей (*lusus Troiae*), а также с древнеримским обычаем изготовления масок предков [Petrikovits. 1952. S. 137]. М. Колерт поддержала эту гипотезу, уточнив, что Октавиан Август, со времени правления которого появляются археологические находки самых ранних римских шлемов с масками, возродил множество древних обычаев (в том числе и древние конные состязания), устроив их на новый лад [Kohlert. 1976. S. 514].

Что касается самих этрусков, то на бытование у них шлемов с некими элементами имитаций лица указывают две находки. В Грегорианском музее Ватикана хранится этрусский шлем типа Негау, вместе с которым найдены нащечники, закрывающие практически все лицо и рельефно имитирующие нос, губы, усы и бороду [Benndorf. 1878. S. 29; Robinson. 1975. P. 107. Fig. 128].

Эти нащечники представляются усовершенствованным вариантом борода-

тых нащечников шлемов фригийского типа из Фракии и Южной Греции (Ковачевица, Асеновград, Плетена и др.) [Wau-gick. 1988. S. 163–169]. Другой якобы этрусский шлем представляет собой модификацию аттического типа, лицевая пластина которого, выполненная из одного с тульей куска, реалистично имитирует бородатое лицо. Черты лица хорошо проработаны и обрамлены детально выполненными кудрями челки и бороды.

80. Этрусский шлем типа Негау с антропоморфно оформленными нащечниками. Ватикан, Грегорианский музей

По сторонам тульи чеканены круто загнутые бараньи рога, изображения которых встречаются как на греческих, так и на италийских шлемах.

Рога барана в древнем мире были связаны прежде всего с боевыми шлемами, а несколько позже, вероятно, их стали помещать на церемониальных шлемах. Рогатые боевые шлемы в древнем мире, по всей видимости, были признаком си-

лы, храбрости и мужественности на поле боя. Так, например, из сообщения Ливия известно, что отличившиеся в бою римские воины могли получать серебряные рожки на шлемы (Liv. X. 44. 5). Кроме того, рога символизировали защиту от злых духов, демонов и сглаза, считалось также, что они способны привлекать гениев победы в бою. Описываемый шлем имеет держатель для большого гребня и вполне мог использоваться как элемент парадной паноплии [Turnure. 1965. P. 44]. Однако в последнее время этот шлем принято считать искусной подделкой, поскольку он совершенно нефункционален и стилистически близок к подделкам итальянских торговцев антиквариатом конца XIX или начала XX в. [Вогн. 1993. Taf. XXII; Junkelmann. 1996. S. 102]. Эти экземпляры и ограничиваются итальянские находки, поэтому проследить развитие шлемов с масками на территории Италии на данный момент не представляется возможным.

Ни одна из вышеперечисленных гипотез генезиса пока не получила серьезных подтверждений в виде археологически доказанной непрерывной линии развития на одной из этих территорий шлемов с антропоморфными забралами. Таким образом, вопросы, связанные с происхождением и развитием до рубежа эр римских шлемов с масками, остаются открытыми.

Археологический материал по римским парадным и турнирным шлемам

81. Шлем-маска аттического типа из Сан-Марино. Место находки неизвестно. Сан-Марино, Музей древнего оружия (по: Turnure. 1965)

(включая и шлемы с масками) довольно обширен, и существует несколько классификаций, различающихся в некоторых деталях, но тщательно проработанных и вполне приемлемых на данном этапе изучения археологического материала.

Наиболее значимые классификации были разработаны на протяжении трех последних десятилетий. Первой в этом ряду следует назвать типологию британского оружейведа Г. Р. Робинсона. Шлемы с масками и богато украшенные парадные шлемы исследователь объединил в группу из девяти типов, которой дал название «Cavalry Sport helmets», связав их с элементом турнирного снаряжения [Robinson. 1975. P. 107–135].

Эта классификация выглядит следующим образом.

Тип А. Включает в себя один-единственный экземпляр, найденный в 1854 г. у местечка Костол (Кладова). Шлем выполнен в форме бородатой головы и имеет изящную портретную маску. Его отличительная особенность состоит в том, что маска закреплена неподвижно. Датировка предмета вызвала большие разногласия. О. Бенндорф датировал его началом новой эры [Benndorf. 1878. S. 17]. В издании Белградского музея, где сейчас находится шлем, дана более поздняя дата — начало II в. [Antika. 1954. S. 16; Пятышева. 1966. С. 27]. Г. Р. Робинсон относил находку к I в. до н. э. По его мнению, шлем происходит из эллинистической Греции и может быть отнесен к той же самой группе, что и шлем с маской, изображенный на рельефе Аттала I из Пергама [Robinson. 1975. P. 108]. Действительно, шлем из Костола соблазни-

тельно связывать с группой тех шлемов, один из которых изображен на рельефе в Пергамском святилище Афины. Однако следует помнить, что фриз был воздвигнут Евменом II (197–159 гг. до н. э.) в честь победы его отца Аттала I над племенами галатов и, возможно, изображает трофейное оружие повергнутого врага [Jaesckel. 1965. S. 94–122]. Сходство масок очевидно, но сами шлемы совершенно разные. Шлем на рельефе по форме ближе к сферокоическому и не имеет никакого декора, кроме волют. Шлем из Костола полусферический и имитирует обилие вьющихся волос, выполненных большими плоскостями довольно реалистично. Кроме того, надо с осторожностью относиться к выводу исследователя о том, что экземпляр из Костола является обычным римским подражанием эллинистическому прототипу. На самом деле шлем необычен тем, что в его конструкции и оформлении можно проследить сочетание нескольких традиций в изготовлении боевых наголовий. Следует учитывать, что оформление шлема имитацией волос не характерно для эллинистических боевых наголовий и является давней италийской традицией (шлемы группы Конверсано) [Waurick. 1988. S. 169; Künzl. 1997. S. 67–74]. Более того, нижний край шлема загнут рубцом и снабжен большим количеством отверстий, которые предназначались либо для крепления подкладки, либо для привешивания какой-либо защиты шеи в виде ламеллярной или чешуйчатой бармицы, что нетипично для римских шлемов и как исключение применялось в римской армии только воинами восточ-

ных вспомогательных подразделений. Если шлем из Костола действительно когда-то имел бармицу, то его вполне можно считать переделкой римского шлема под вкусы воина неримского происхождения.

Тип В. Шлемы с довольно большим налобным козырьком, предназначавшимся в первую очередь для усиления защитных свойств головного убора. Этот козырек аналогичен козырьку, правда, меньших размеров, на пехотных и кавалерийских шлемах этого же времени. Все археологические находки данного типа шлемов датируются концом I — началом II в.

Тип С. Шлемы этого типа были датированы довольно большим отрезком времени (концом I — началом III в.). Их отличительной особенностью Г. Р. Робинсон считает искусно проработанное изображение юношеского лица, обрамленного локонами вьющихся волос.

Тип D. Помещенные в эту группу маски, датируемые I в., отличаются низко, практически над самыми бровями, расположенными горизонтальными шарнирами.

Тип E. Серия бронзовых масок конца I — III в., изображающих лица с женственными чертами.

Тип F. Трехчастные образцы. Они состоят из двухчастного шлема, имеющего затылочную и лицевую части с вырезом, в который вставляется маска.

Тип G. Трехчастные шлемы, отличающиеся от образцов предыдущего типа наличием высокого изогнутого гребня и имитацией передней лицевой части апуло-коринфского шлема.

Типы H и I. Еще одна разновидность трехчастного шлема, имеющего псевдоаттическую форму. Найденные образцы свидетельствуют о том, что для защиты лица не всегда служила маска, иногда с этой целью использовали лишь нащечники.

По приведенной выше классификации Г. Р. Робинсона видно, что в ее основу исследователь положил конструктивные особенности шлемов и масок. Однако весьма существенными является кроме них также художественное оформление изделий, учитывающее идеалы римского портретного искусства I—III вв., хотя при сравнении нужно учитывать, что маски не представляют собой портреты. Они — особый вид римского портретного искусства и имеют свою собственную специфику и развитие; поэтому они только частично синхронны с римским портретным искусством. Они — объекты с сильно обобщенными чертами и принадлежат к военной и культовой области.

Искусствовед М. Колерт для каталога под общей редакцией Й. Гарбша разработала свою классификацию римских парадных шлемов и масок [Garbsch. 1978. S. 19—27]. При формировании типологических групп она выделила технические свойства масок (расположение шарнира, материал) и их морфологические особенности (прическа, форма лица). В результате было выделено шесть типов, пронумерованных латинскими цифрами.

Тип I. Принадлежащие к этому типу изделия отличаются сходством технического устройства: шарнир расположен низко, в центре лба. Маски представляют собой мужские, в большинстве случаев безбородые лица, как правило, с обобщен-

ными чертами. В целом группа соответствует типу D по классификации Г. Р. Робинсона.

Тип II. В отличие от предыдущего типа, шарнир, связывающий маску и шлем, находится в середине полусферы тульи шлема, т. е. в области высшей точки на темени. Орнаментальное изображение волос остается постоянным признаком и данного типа, но наряду с этим появляются также варианты с диадемой на лбу, украшенной фигурами (маски из Хелланжа [Namur. 1854; Benndorf. 1878. S. 325. № 18. Taf. 12. 1; Lindenschmidt. 1881. № 11. Taf. 2. 2; Lipperheide. 1896. S. 321. Abb. 482–483; Espérandieu. 1913. P. 332. № 4189; Beck, Chew. 1991. P. 134–142; Krier, Reinert. 1993] и Рибчестера [Towneley. 1800; Robinson. 1975. P. 112–113. Pl. 310–313; Garbsch. 1978. I. 1. S. 58. Taf. 12, 1]), хотя прообраз ее можно наблюдать уже на маске типа I из Неймегена [Curl. 1915. P. 81. Pl. 6; Уреу. 1966. S. 189. Abb. 4; Robinson. 1975. P. 118. Pl. 339–340; Garbsch. 1978. O 6. S. 63. Taf. 19, 1]. Маски этого типа представляют собой в большинстве случаев смешанные типы, в которых мужские черты лица сочетаются с женскими прическами. Эти классические, идеальные типы возникли, наверное, в позднеэллинистических центрах (Малая Азия, Александрия, Антиохия). Тип II, предложенный М. Колерт, совпадает с типом B по классификации Г. Р. Робинсона.

Тип III. Включает в себя довольно неоднородные предметы. Сюда сведены шлемы типов F, G, H и I по классификации Г. Р. Робинсона. Главной особенностью для всех этих шлемов М. Колерт

считает их трехчастную структуру и нащечники или заменяющую их лицевую часть с вырезом и маской, иногда вставляющейся в него.

Тип IV. Аналогичен типу A по классификации Г. Р. Робинсона.

Тип V. Аналогичен типу C по классификации Г. Р. Робинсона.

Тип VI. Аналогичен типу E по классификации Г. Р. Робинсона.

Еще одна классификация принадлежит немецкому военному историку М. Юнкельманну [Bogn, Junkelmann. 1997. S. 16–67]. В ее основу положены конструктивные особенности шлемов и варианты их декора. Все это привело к довольно дробному делению материала: выделено 14 типов с учетом декора и 7 типов с учетом конструктивных особенностей.

Тип I. Шлемы с масками, имеющими низко расположенный налобный шарнир. Включает в себя три подтипа: Калькризе, Неймеген и Визе.

Тип II. Маски с высоко расположенным теменным шарниром. Также три подтипа: Рибчестер, Силистра и Герцогенбург (тип Александр).

Тип III. Шлемы, маски которых имеют теменные шарниры и оформлены в виде женственных лиц. Подтипы: Реска и Штраубинг.

Тип IV. Шлемы с лицевым вырезом (с маской и без). Подтипы: Пфрондорф, Хеддернхайм и Уэртинг.

Тип V. Псевдоаттические парадные шлемы с нащечниками типа Гизборо/Тайленхофен.

Тип VI. Шлемы с масками, неподвижно соединенными с тульей шлема типа Костол.

Тип VII. Шлемы с масками (?) и гребнем фригийской формы. Тип Вехтен.

Классификация М. Юнкельманна представляется наиболее полной и соответствующей современному объему археологического материала. Вместе с тем исследователю не удалось избежать чрезвычайной дробности. Так, например, шлемы с масками, имеющими низко расположенные налобные шарниры, были разделены на три подтипа: Калькризе, Неймеген и Визе. Как первостепенное отличие типа Визе от типа Неймеген было выделено рельефное изображение нащечников по бокам маски. На самом деле это такой же элемент декора, как и изображение вьющихся бакенбард и усов. Других существенных различий между этими двумя типами не наблюдается. Поэтому нет никакой

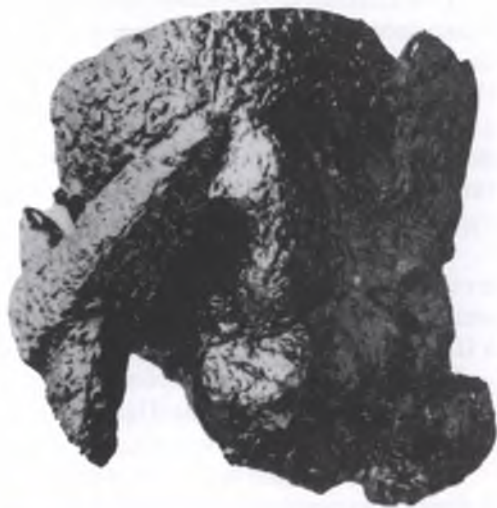
необходимости выделять два типа вместо одного. То же самое можно отнести и к типу Вехтен, который М. Юнкельманн выделяет по фрагменту высокого гребня, заканчивающегося головой хищной птицы. Однако и этот фрагмент, по-видимому, является одной из модификаций гребня шлемов типа Хеддернхайм.

В связи с этим нами будет дана упрощенная классификация М. Юнкельманна, состоящая из 12 типов: Калькризе, Неймеген, Рибчестер, Силистра, Герцогенбург, Реска, Штраубинг, Костол, Пфрондорф, Хеддернхайм, Уэртинг и Гизборо/Тайленхофен. На наш взгляд, такая классификация наиболее приемлема при детальном рассмотрении каждого типа шлемов.

Тип Калькризе

Наиболее ранние находки этого типа относятся к рубежу эр. Это маски из легионного лагеря в Хальтерне [Kropatscheck. 1911. S. 351. № 12. Taf. 39. 2; Garbsch. 1978. O 1. S. 62] и с места предполагаемого разгрома легионов Квинтилия Вара у Калькризе [Berger, Franzius, Schlüter. 1991. S. 229. Abb. 20; Franzius. 1993. S. 131–135. Abb. 24 a, b].

Несколько более поздние экземпляры, датирующиеся первой четвертью I в., найдены в Вехтене [Benndorf. 1878. S. 39. № 28. Taf. 13. 1; Robinson. 1975. P. 123. Pl. 358; Garbsch. 1978. O 7. S. 64. Taf. 18, 2] и Неймегене [Willems. 1992. P. 57–60.

82. Заготовка маски (тип Калькризе (?)) из Хальтерна, Северный Рейн-Вестфалия, Германия. Железо, начало I в. Кафедральный собор, Музей Вестфальской земли (утеряна в ходе Второй мировой войны) (по: Kropatscheck. 1911)

83. Маска (тип Калькризе) из Калькризе, окрестности города Брамше, Оснабрюк, Нижняя Саксония, Германия. Железо с бронзовым бордюром и остатками серебряной оковки, начало I в. Оснабрюк, Художественно-исторический музей. находка сделана зимой 1989/90 г. на поле боя, связываемом с событиями 9–14 гг.

84

85

86

84. Маска (тип Калькризе) из Вехтена (FECTIO), провинция Утрехт, Нидерланды. Железо и латунь, вторая половина I в. Лейден, Национальный музей древностей. Инв. № VF1047. Обстоятельства находки неизвестны. Так как на маске отсутствуют уши, то шлем должен был иметь нашечники. Маска изображает молодое мужское безбородое лицо с низким лбом, угловатыми бровями и узкими глазными прорезями

85. Фрагмент маски (тип Калькризе (?)) из Неймегена, Нидерланды. Из клада 1989–1992 гг. Железо, середина I в. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф

86. Маска шлема (тип Калькризе) из Неймегена (NOVIOMAGVS), провинция Гельдерланд, Нидерланды. Железо, первая половина — середина I в. Частная коллекция. Маска найдена в 1983 г. ребенком у юго-западного угла римской военной крепости

Fig. 1, 2; Junkelmann. 1996. O 82. S. 54. Fig. 104].

Сильно поврежденная маска, возможно, этого же типа происходит из Кёльна [Benndorf. 1878. S. 338. № 31. Taf. 14, 3; Robinson. 1975. P. 123. Fig. 138; Garbsch. 1978. O 8. S. 64].

Еще несколько экземпляров неизвестного происхождения было продано на антикварных аукционах.

Эти маски еще сильно отличаются от распространенных во II–III вв., так как на них отсутствует имитация ушных ра-

ковин и они закрывают только переднюю часть лица. При этом имеются нащечники шлема, между которыми зажималась маска и которые жестко ее фиксировали. Гипотетически также можно предположить фиксацию посредством подбородочного ремня, пропущенного сквозь кольцо крепления с внутренней стороны у нижней кромки маски. Маски данного типа комбиниrowали со шлемами типа Вайзенау (экземпляр из коллекции The Shelby White and Leon Levy) [Junkelmann. 1996. O 88. S. 54–55. Abb. 105–108] или

87

88

87. Маска (тип Калькризе или Неймеген (?)) из Кёльна (COLONIA AGRIPPINENSIS), Северный Рейн-Вестфалия, Германия. Железо и латунь, I в. Берлин, Пергамский музей. Маска найдена около 1841 г. при строительстве крепости. Она изображает молодое безбородое мужское лицо с низким лбом, угловатыми бровями и узкими глазными прорезями. В области шарнира прослеживаются остатки кожаной подкладки

88. Маска (тип Калькризе/Неймеген). Бронза, первая половина I в. Частная коллекция Василя Божкова, Болгария

89

90

91

92

89. Маска (тип Калькризе) с надписью TVR(ma) PAVLI / FVSCI. Железо с оковкой латунным листом, I в. Бывшая коллекция А. Гуттмана (AG 812)

90. Шлем (типа Вайзенау) с маской (тип Калькризе). Бронза, середина I в. Нью-Йорк, Коллекция Леона Леви и Шелби Уайт. Инв. № 686. Шлем найден якобы в Болгарии, возможно при грабительских раскопках погребений. Маска фиксировалась при сведении нашечников

91. Кавалерийский шлем (тип Вейлер/Кобленц-Бубенхайм) с маской (тип Калькризе). Железо с оковкой латунным листом, I в. Конструкция шлема свидетельствует о том, что он был снабжен нашечниками, закрывавшими уши и фиксировавшими маску с боков. Бывшая коллекция А. Гуттмана (AG 599)

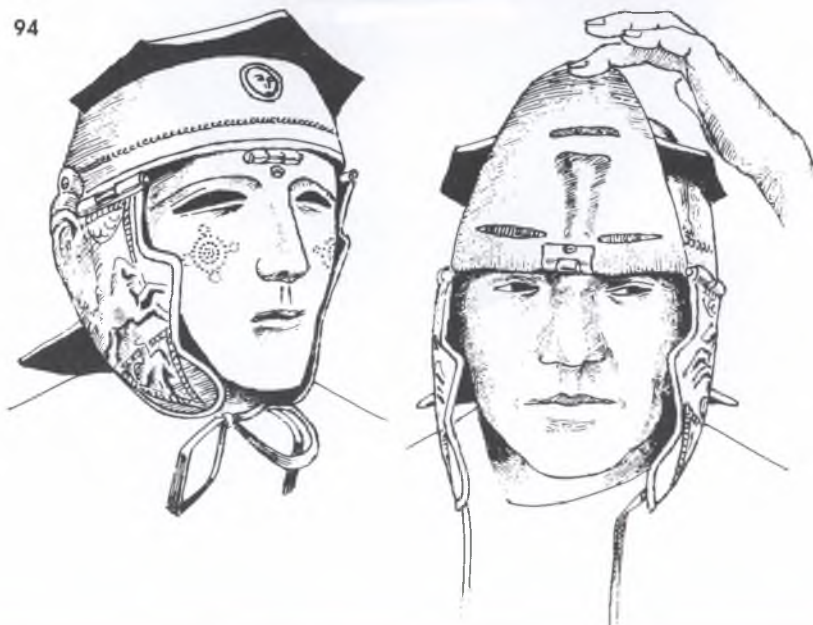
92. Маска (тип Калькризе), место находки неизвестно. Бронза, начало I в. Частная английская коллекция. Прежде находилась в собрании А. Гуттмана (AG 369, приобретена в 1991 в Швейцарии).

Маска отлита методом «потерянного воска» и доработана чеканкой и гравировкой. Это единственный известный экземпляр, украшенный геометрическим орнаментом

93

94

93. Маска (тип Калькризе) с нашечниками, первая четверть I в. Частная английская коллекция

94. Реконструкция шлема с маской (тип Калькризе)

Вейлер/Кобленц-Бубенхайм (коллекция А. Гуттмана, № AG 599) [Born, Junkelmann. 1997. S. 84–88. Abb. 67. Taf. VIII–XI].

Видимо, уже в середине второй четверти I в. на смену личинам типа Калькризе приходят маски типа Неймеген. Впервые эти два типа стал дифференцировать М. Юнкельманн. До этого они были объединены и совершенно не принималось в расчет отсутствие на первой разновидности масок нащечной части с рельефным изображением ушных раковин.

Тип Неймеген

Тип носит название легионного лагеря у Неймегена (Нидерланды), откуда происходят пять найденных в разное время масок и шлемов [Curle. 1915. P. 81. Pl. 6; Kam. 1915. S. 261. Abb. 3–5; Braat. 1939. S. 35. Abb. 29, 37; Robinson. 1975. P. 118, 123. Pl. 339, 340, 357; Willems. 1992. P. 57–66; Enckevort, Willems. 1994].

Конструктивное отличие типа Неймеген от типа Калькризе заключается не только в ином виде маски, но и в особенностях ее крепления к куполу шлема. У боковых кромок маски, непосредственно под имитацией ушных раковин, размещались приклепанные крепления для кожаных ремешков, при помощи которых она фиксировалась после надевания шлема. Ремешки крепились к маске, продеваясь через небольшую прорезь на гвоздь с широкой шляпкой (маски из Неймегена), либо посредством кольца (шлем из Пловдива) [Дякович. 1906–1907. С. 1–55; Филов. 1923. С. 139; Venedikov. 1960. S. 145–146. Abb. 9–10; Garbsch. 1978.

O 2. S. 62. Taf. 17. 1–2]. Оба ремешка застегивались пряжкой непосредственно над назатыльником.

Наиболее ранний экземпляр этой группы происходит из Хомса (Эмеса; Сирия) [Abdul-Hak. 1951. P. 167. Pl. 59; Klengel. 1971. S. 102–103; Robinson. 1975. P. 122. Pl. 349–351; Garbsch. 1978. O 4. S. 63. Taf. 17. 3–4].

Примерно этим же временем датируется шлем из фракийского погребения у Визе в Турции [Mansel. 1938; Klumbach. 1949–1950. S. 30. Abb. 3; Robinson. 1975. P. 118–119. Pl. 341–344; Garbsch. 1978. O 3. S. 62].

Большинство масок типов Калькризе и Неймеген изготовлено из листового железа с толщиной материала 2–4 мм (например, маска из Шаснара [Dêchelette. 1903. P. 235. Fig. 1]) [Born, Junkelmann. 1997. S. 29].

Дополнительно они были обтянуты тонким слоем бронзы или латуни. Таким образом, защитные свойства этих масок несомненны. Было бы бессмысленно изготавливать такое массивное вооружение исключительно для парадов, поскольку расход материалов для него был слишком велик, а предметы слишком тяжелы для каких-либо церемоний. Все это наводит на мысль, что ранние шлемы с масками были первоначально предназначены для боевого употребления. Конечно, не исключено их использование также и на парадах, турнирах и в других церемониальных действиях, где маски могли быть востребованы из-за их импозантного и в то же время мрачного и, без преувеличения, зловещего вида.

95. Шлем с маской (тип Неймеген) из Неймегена, Нидерланды. Железо и латунь, эпоха Флавиев (возможно, спрятана во время восстания батавов 70 г.). Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф. Инв. № XXI 1, 4 (фото А. Rangerl). Шлем найден на южном берегу реки Ваал у железнодорожного моста. Внутри него находились два нашечника, не принадлежавших данному экземпляру. Исходя из этого, можно предположить, что шлем является жертвенным даром, брошенным в реку. От шлема сохранился только край с бронзовой обкладкой. На лобной части изображены пять позолоченных бюстов (три женских и два мужских). На левом наушном щитке выцарапана надпись CNT, а на правой щеке маски — MARCIAN... S. Губы и края век сохранили следы позолоты. Под ушами располагаются остатки заклепок для крепления маски к шлему посредством расположенного над назатыльником ремня

96. Маска (тип Неймеген) из Неймегена (NOVIOMAGUS), Гельдерланд, Нидерланды. Железо с латунью, эпоха Флавиев (возможно, спрятана во время восстания батавов 70 г.). Лейден, Национальный музей древностей. Инв. № 1931/2. 18 (фото С. Mills). Находка XIX в. из реки Ваал. Маска изображает молодое безбородое мужское лицо с низким лбом, угловатыми бровями и узкими прищуренными глазами. Под ушами сохранились остатки заклепок для крепления маски к шлему ремнем

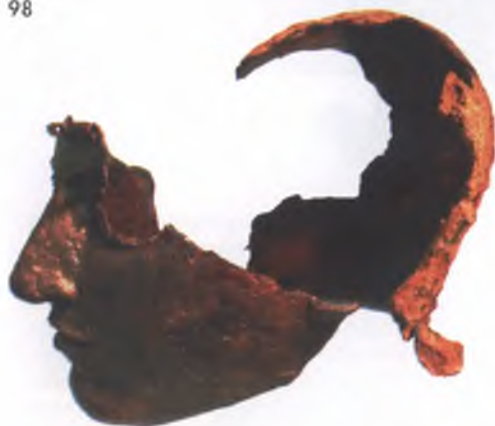
97 Шлемы с масками (тип Неймеген) из Неймегена (NOVIOMAGVS), провинция Гельдерланд, Нидерланды. Железо с остатками серебра, середина I в. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф (фото Museum het Valkhof, Nijmegen)

98. Маска (тип Неймеген) из Неймегена (NOVIOMAGUS), провинция Гельдерланд, Нидерланды. Железо с остатками серебра, середина I в. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф

97

98

99

99. Шлем с маской (тип Неймеген) из Пловдива (PHILIPPPOPOLIS), Болгария. Железо (тулья) и серебро (маска, венки), первая четверть I в. Пловдив, Археологический музей. Инв. № 19. Современное местонахождение неизвестно, т. к. шлем похищен из музея летом 1998 г. находка сделана в 1905 г. при раскопках могильного холма с богатым инвентарем (серебряной посудой). Каска оформлена локонами, перекрывающими спереди и по бокам маску. Наушные шитки и назатыльник изготовлены из серебряного листа. Маска изображает мужское лицо с узкими, как бы прищуренными глазами и угловатыми бровями. Прослеживается позолота края век и губ. Под ушами расположены петли для крепления ремешков, фиксирующих маску во время ношения шлема. Первоначально на шлеме мог крепиться высокий держатель гребня, остатки которого прослежены среди инвентаря погребения

100

100. Шлем с маской (тип Неймеген) из Хомса (EMESA), Сирия. Железо с серебром и позолотой (при консервации железная основа маски была удалена), начало I в. Дамаск, Национальный музей. Инв. № 7024 или С 3287 (фото Deutsches Archäologische Institut Damascus). Найден в 1936 г. (по другим сведениям, в 1940 г.) в богатом погребении главы рода Сампсигерами в Абу Забуне. Туля отделана серебряными позолоченными вставками (лавровый венец, розетка на лбу, назатыльник с изображениями усиков растения и защитная выступающая плоскость над ухом). Маска с шарниром в середине лба изображает молодое безбородое мужское лицо с узкими прищуренными глазами и угловатыми бровями. На щеках под глазами прорезаны по три отверстия для дополнительного воздухообмена. Под ушами прикреплены петли для ремешка. На шлеме сохранились остатки от красного матерчатого чехла

101. Шлем с маской (тип Неймеген) из Визе, Турция. Посеребренная бронза, начало I в. Стамбул, Археологический музей. Инв. № 5730 (фото M. Greenhalgh)

Найден в 1938 г. в могильном холме с богатым инвентарем (кроме всего прочего — оружие, панцирь, серебряные сосуды). Каска оформлена вьющимися волосами и дубовым венком. На лобной части шлема изображена Сцилла. На назатыльнике — орнамент из усиков растения. Каска связана с маской шарниром в середине лба. Молодое безбородое мужское лицо с имитацией нащечников, на которых изображена стоящая на шаре богиня Виктория. Фото экспозиции в Археологическом музее в Стамбуле, которая воспроизводит погребальную камеру захоронения у Визе

102. Инвентарь погребения, найденный у Шаснара, департамент Алье, Франция. Сен-Жермен-ан-Ле, Музей национальных древностей

102

101

103

104

105

106

103. Маска (тип Неймеген), найденная предположительно на территории Турции. Железо с бронзовой оковкой, I в. Из бывшей коллекции А. Гутмана (AG 339)

104. Маска (тип Неймеген) из Шаснара, департамент Алье, Франция. Железо, первая половина I в. Сент-Герман-эн-Лэ, Музей национальных древностей. Инв. № 50120

Найдена в 1874 г. в могиле совместно с позолоченным бронзовым торквесом, бронзовым сосудом в форме женской головы и другими предметами. Внутри маски находилась свернутая кольчуга. Маска изображает молодое безбородое мужское лицо с низким лбом, угловатыми бровями и прищуренными глазами. Под ушами располагаются бронзовые кнопки для ремennого крепления маски к шлему

105. Кольчуга, вложенная в шлем с маской, из Шаснара, департамент Алье, Франция. Сент-Герман-эн-Лэ, Музей национальных древностей

106. Шлем с шарниром для маски типа Неймеген из Шейк Ибады (ANTINOPOLIS), Египет. Бронза, II в. Берлин, Государственные музеи, Античное собрание. Инв. № 1022 (no: Schröder. 1905)
Обстоятельства находки неизвестны

107

108

109

107. Маска (тип Неймеген). Середина I в. Частная английская коллекция

108. Маска (тип Неймеген) из Белене, Болгария. Латунь, середина — конец I в. Плевен, Региональный исторический музей. Инв. № 4318

109. Маска (тип Неймеген (?)) из Дормагена (DVRNOMAGVS), округ Нойс, Северный Рейн-Вестфалия, Германия. Медь, вторая половина II в. Бонн, Музей Рейнской земли (по: Hanel, Peltz, Willer. 2000)

Фрагменты маски были найдены весной 1995 г. в принципе кавалерийского лагеря. На внутренней стороне сохранились остатки кожаной подкладки. Помещение, в котором находились и другие элементы парадно-турнирного вооружения (конские наглазники, налобники, поножи), сгорело около 200 г. В результате воздействия высоких температур маска раскололась примерно на 400 частей

110

111

112

110. Шлем из Иордана с изображением боевых колесниц и богини Виктории с шарниром для крепления маски. Бронза, середина I в. Берлин, Пергамский музей. Инв. № L 86 (коллекция Ф. фон Липперхайде) (по: Antike Helme. 1988)

111. Фрагмент маски (тип Неймеген) из Нойса (NOVAESIIUM), Северный Рейн-Вестфалия, Германия. Железо, первая половина I в. Бонн, Музей Рейнской земли. Инв. № 26 071 N (фото С. Mills). Находка была сделана в 1965 г. в претентуре легионного лагеря у Нойса

112. Маска (тип Неймеген) из Майнца (MOGONTIACUM), Германия. Железо (первоначально была обтянута бронзой), вторая половина I в. Вена, Художественно-исторический музей, Собрание древностей. Инв. № VI 2111. Маска найдена в 1827 г. при строительстве укрепления. Она изображает безбородое мужское лицо с низким лбом, угловатыми бровями и узкими глазными прорезями. Сохранились остатки заклепки для крепления маски к шлему

113

114

115

113. Прорисовка декора тульи шлема с маской из Навы (по: Abdul-Hak. 1954–1955)

114. Фрагменты двух масок (тип Неймеген (?)) из железа и бронзы из Нёви-Пайу, Франция. Первая половина II в. Париж, Лувр. Фрагменты найдены в склепе (?) вместе с бронзовым торквесом, железным мечом и пластинами от цингулюма. Они изображают молодое безбородое мужское лицо. На втором фрагменте сохранился шарнир в середине лба

115. Прорисовка декора шлема из Иордана

116

117

118

116. Шлем с маской (тип Неймеген) из Навы (Тель Ом Хауран), Сирия. Серебряная бронза, II в. Дамаск, Национальный музей. Инв. № С 7364ff (по: Robinson. 1975). Шлем найден летом 1955 г. при грабительских раскопках римского некрополя в могильной яме. Он был разбит, но сохранился целиком, так что легко поддавался реставрации. На тулье изображен бюст лучезарного Сола, а перед ним Виктория, которая возлагает венок на голову римского воина (императора (?)), находящегося в окружении орлов. По бокам две квадриги мчат своих обнаженных возниц-мужчин, изображенных по всем канонам героизированного образа. Маска показывает узкие глазные прорезы, длинный прямой нос, небольшие плотно сжатые губы, чеканенные усы и пышные бакенбарды

117. Маска (тип Неймеген) из Райнхайма. Железо, середина I в. Маска найдена осенью 2000 г. при раскопках римских казарм

118. Маска (тип Неймеген) из Рима (из реки Тибр или окрестностей города), Италия. Бронза, середина I в. Национальный музей, Коленгаген. Инв. № 5366 (фото А. Лемешко). Этот экземпляр куплен на аукционе и изображает молодое безбородое мужское лицо с низким лбом, угловатыми бровями и прищуренными глазами. На поверхности предмета хорошо видны следы ударов рубящим оружием

119

Тип Рибчестер

Отличительной особенностью шлема с маской типа Рибчестер вслед за Г. Р. Робинсоном принято считать сильно выдающийся приподнятый треугольный козырек тульи шлема [Robinson. 1975. P. 112–113]. Лоб маски стал выше, и со-

ответственно передняя кромка тульи шлема была сдвинута назад, следствием чего стала потеря некоторых его защитных качеств. Большие шарниры, которыми маски крепились к тульям шлемов раннего императорского времени, встречаются все реже, и их постепенно заменяют более простым креплением в виде крючка и петли или плоского штифта и разреза. Откидывание маски вверх уже больше невозможно без того, чтобы при этом шлем не разваливался на две части [Born, Junkelmann. 1997. S. 32].

Эти модификации были вызваны не какими-либо функциональными проблемами, а лишь эстетическими соображениями. Большие, низко расположенные на лбу шарниры масок мешали идеализации черт лиц, и понадобилось увеличить высоту лба, чтобы придать маске композиционную завершенность и сделать ее художественное оформление более впечатляющим. Увеличившуюся площадь лба стали заполнять изображением декоративных диадем в обрамлении чеканных локонов. На некоторых же масках диадема отсутствовала, и ее место занимали роскошные кудри, что сближало такие экземпляры с образцами типа Силистра, появившимися в конце правления династии Флавиев. Диадема или кудрявые волосы кроме своего декоративного назначения также были призваны закрывать упрощенное и менее надежное устройство шарнира [Born, Junkelmann. 1997. S. 32–33].

119. Фрагменты маски из Брекон Гэр, Уэльс, Англия. Бронза, конец I в. Кардифф, Национальный музей. Фрагменты уха, носа и верхней губы от маски были найдены в 1924/25 г. в римской крепости

120

120, 121. Шлем из Рибчестера (Британский музей) и его современная реконструкция (Центральный римско-германский музей, Майнц) (фото М. Greenhalgh). Находка сделана летом 1796 г. сыном сапожника Джозефа Уолтона на пустоши близ Рибчестера, и именно с этого экземпляра началось планомерное изучение римского парадного вооружения. Диадема обрамлена рядом отдельных локонов волос и показывает стену с башнями. Видны две арки в средней части этой стены и по одной арке в каждом из пролетов стены. Верхняя часть диадемы была украшена семью рельефными фигурами, помещенными под этими семью арками, границами которых являются головы духов. Центральная арка и фигура были разрушены, но другие шесть заполнены повторением следующих трех групп: Венера, сидящая на морском монстре; перед ней драпированная фигура с крыльями, держащая венок и пальмовую ветвь, и позади нее тритон с рыбьим хвостом. Две змеи видны около ушей на каждой стороне маски, откуда тела этих рептилий спускаются по щекам и соединяются под подбородком

121

122

Логично было бы предположить, что шлемы типа Рибчестер из-за своих крайне плохих защитных качеств являлись переходным звеном между боевыми шлемами с масками и были чисто парадными модификациями. Однако можно отметить скорее защитное, нежели декоративное назначение треугольного козырька, который выполнял ту же самую функцию, что и козырек боевых шлемов. Он был призван смягчать удар рубящего оружия, так как разрубить значительно выступавшую вперед поверхность было сложно, а сила и направление удара в большинстве случаев могли изменяться, когда оружие просто соскальзывало по пологому краю козырька. В пользу боевого применения шлемов типа Рибчестер говорит и толщина масок, составляющая в среднем 1 мм, а в ряде случаев доходящая до 2 мм [Born, Junkelmann. 1997. S. 36]. Как бы то ни было, тип Рибчестер стал прототипом для масок не только типа

123

124

122. Маска (тип Рибчестер) из Конфлана, Франция. Бронза, I в. Современное местонахождение неизвестно (по: Espérandieu. 1913). Маска, изображающая молодое безбородое мужское лицо, была найдена в 1908 г. Верхняя часть изделия частично отломана. Сохранились остатки от венка из усиков растения с листьями и плодами

123. Тулья шлема (тип Рибчестер) из Ньюстеда, Шотландия. Бронза, конец I в. Эдинбург, Национальный музей древностей. Инв. № FRA 124 (фото С. Mills). Каска несет на себе изображение Амура в колеснице, запряженной леопардами, и надпись VFFI Turma GES

124. Тулья шлема (тип Рибчестер) из Никюпа (NICOPOLIS AD ISTRUM), обл. Велико Тырново, Болгария. Бронза, около 100 г. Вена, Художественно-исторический музей, Собрание древностей. Инв. № VI 1 673. Обстоятельства находки неизвестны. На тулье выгравирована голова Медузы, которую обрамляют несомые четырьмя Эротами гирлянды. Над козырьком изображена голова Сола, а на задней стенке тульи — сцена жертвоприношения. На макушке и в затылочной части каски видны отверстия под крепление гребня или плюмажа. Высокий козырек шлема заканчивается шариком

125

126

127

128

125. Маска (тип Рибчестер) из Хелланжа, Люксембург. Бронза, вторая половина I в. Люксембург, Национальный музей истории и искусства. Маска найдена в 1853 г. в могиле с трупосожжением и богатым инвентарем (могила А). Верхняя часть изделия сохранилась фрагментарно. На лобной его части сохранилась диадема с медальонами. В среднем медальоне — сидящий Амур

126. Маска (тип Рибчестер) из Хыршова (CARSIMUM), Румыния. Медь, вторая половина I в. Бухарест, Muzeul al R. S. României. Инв. № 15 927. Обстоятельства находки неизвестны. Маска изображает молодое безбородое мужское лицо. На лбу помещена розетка

127. Маска шлема (тип Рибчестер). Бронза, конец I в. Нью-Йорк, коллекция Шелби Уайт и Леона Леви. Инв. № 124. Маска изображает молодое мужское лицо с длинными вьющимися бакенбардами и украшенной усиками растения диадемой

128. Шлем с маской (тип Рибчестер). Бронза, начало I в. Частная английская коллекция. Прежде находился в частном голландском собрании. Шлем найден на Нижнем Рейне. Маска представляет собой образец, относящийся к типу Силистра, но, по словам находчика, была изначально прикреплена к шлему. На шлеме сохранились два медных держателя для продольного гребня, припаянных к тулье

Силистра, но и типа Герцогенбург/Александр и женственных типов Реска и Штраубинг, которые, в свою очередь, уже гораздо меньше походили на боевые шлемы и предназначались, видимо, только для ритуальных процессий и турнирных выступлений.

Тип Силистра

Еще одной разновидностью масок с высоко расположенными шарнирами являются экземпляры типа Силистра, на-

званного так по находке неподалеку от болгарского города Силистра [Venedikov. 1960. S. 143–145. Abb. 1–6; Kohlert. 1976. S. 512. Abb. 79; Garbsch. 1978. O 28. S. 68. Taf. 22. 4].

В рамки этого типа входит довольно разнородный материал, поскольку известны экземпляры переходных типов Рибчестер/Силистра и Силистра/Реска. К ним относятся маски, сочетающие в себе черты лица, сходного с тем, которое можно видеть на масках типа Рибчестер, и характерные для типа Силистра

129

129. Шлем с маской (тип Силистра) из Силистры (DUROSTORUM), Болгария. Бронза (латунь), конец I в. Силистра, Краеведческий музей. Инв. № 509 и 607. Обстоятельства находки неизвестны. На тулье шлема изображены сфинксы и гирлянды, на затылке узел из волос. Маска показывает молодое безбородое мужское лицо. Веки и брови показаны тонкими линиями с тонкой штриховкой. Маска состоит из пяти рядов кудрей на лбу и двух свисающих на скулы декоративных локонов. Маска крепилась к шлему посредством крюка, заходившего в прорезь у верхнего края маски, а также с помощью двух кнопок для ремня под ушами

130

локоны, выполненные в виде мелких завитков волос (экземпляры из Чаталки [Nikolov. 1976. P. 48. Fig. 108; Casson, Venedikov, 1977. P. 66. Fig. 49; Garbsch. 1978. O 26. S. 67. Taf. 22. 2; Bujukliev. 1986], Смедерево [Robinson. 1975. P. 115.

131

Pl. 326–327], Де Меерна [Kalee. 1981. S. 66–69]). К переходному типу с акцентированными женственными чертами лица относится также бронзовая маска из коллекции музея Пола Гетти, найденная, по некоторым данным, в Сирии [Ver-

130. Шлем с маской (смешанный тип Рибчестер/ Силистра) из Чаталки, обл. Стара Загора, Болгария. Железо (шлем) и серебряная бронза (маска), первая треть I в. Стара Загора, Краеведческий музей. Инв. № 2 С 1116. Шлем найден в могиле с трупосожжением второго погребального холма Рошава Драгана (мужская могила) с богатым южноиталийским импортным инвентарем. От шлема сохранился только край с бронзовыми вставками (налобная лента, назатыльник и на уши). Маска изображает молодое безбородое мужское лицо с угловатыми бровями и прищуренными глазами. Волосы, разделенные пробором посередине, ниспадают с обеих сторон волнами мелких локонов. Маска крепилась к шлему посредством штифта, расположенного в лобной части маски. На вершине сохранилось ухо, которое, вероятно, предназначалось для крепления к шлему плюмажа. Между тульей шлема и накладной лентой, пушенной по краю, прослеживаются остатки кожи

131. Маска № 1 (смешанный тип Рибчестер / Силистра) из Раполано, провинция Сиена, Италия. Бронза, вторая половина I в. Флоренция, Археологический музей (фото М. Greenhalgh) Маска входила в состав клада, найденного в 1952 г. в каменоломне. Показано молодое мужское безбородое лицо с двумя рядами вьющихся волос и венком из плюша. Под ушами находятся отверстия под заклепки ремennого крепления к тулье шлема

132

133

134

meule, Neuerburg. 1973. P. 36. № 77; Garbsch. 1978. O 44. S. 70. Taf. 25. 3].

Различные переходные вариации от типа Силистра к другим, а точнее присутствие характерных для других типов масок признаков, могут свидетельствовать не только о генерации их сразу из нескольких типов, но и об относительно

продолжительном бытовании масок типа Силистра, которое было обусловлено их популярностью в армейской среде. Такие симбиозы могли появляться в зависимости от вкусов индивидуальных заказчиков и моды, распространенной на той или иной территории в разные временные промежутки.

135

132. Маска (тип Силистра) из Смедерево (VINCEIA), Сербия. Бронза, вторая половина II в. Белград, Народный музей. Инв. № 2875/11 и 980 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). Обстоятельства находки неизвестны. Маска изображает молодое безбородое мужское лицо с тонкими заштрихованными бровями. Волосы уложены в два ряда мелких локонов, на щеках показаны кудрявые бакенбарды, плавно переходящие в усы. Под ушами сохранились остатки заклепок для крепления ремня

133. Шлем с маской из частной коллекции (Providence Academy). Бронза, II в.

134. Маска (смешанный тип Силистра / Реска) неизвестного происхождения. Бронза, вторая половина II в. Малибу, США, Музей П. Гетти. Инв. № 72 с 105. Маска изображает женственное лицо. Прическа закреплена при помощи лент для волос. Средняя лента оформлена чередующимися перегородчатой инкрустацией из драгоценных камней и розетками

135. Фрагменты рельефов из Терамо (Италия) показывают смесь реалистичных и фантазийных элементов. Меч — это реалистичное изображение гладиуса (тип Помпеи), широко распространенного во времена Нерона и династии Флавиев (60–100 гг.). Наряду с ним эллинистический шит и птеги кирасы изображены фантазийно — в виде птичьих перьев. Среди предметов вооружения показаны такие, которые в данном контексте вполне уместно трактовать как шлемы с масками, изображающими женские лица. Маска с правого рельефа сильно напоминает одну из масок, найденных в Раполано (тип Силистра)

136

137

136. Шлем с маской (тип Силистра). Бронза, II в. Частная коллекция

137. Маска (смешанный тип Реска / Силистра) из Нолы, Италия. Бронза, II в. Лондон, Британский музей. Инв. № 877. Маска была найдена в конце XVIII в., по некоторым данным, в погребении, в качестве погребальной маски. Показано женственное лицо с пышными вьющимися волосами и стилизованным изображением зрачков в глазных прорезях. На лбу виден стилизованный коринфский шлем с маскаронем в виде головы горгоны Медузы в окружении морских существ. У верхнего края в центре находится прямоугольное отверстие для привешивания маски к тулье шлема, ниже ушей размещаются отверстия под заклепки для дополнительного ремennого крепления

138. Шлем с маской (тип Силистра) до и после реставрации, проведенной Г. Борном в Музее древней и древнейшей истории, Берлин. Железо с бронзовыми накладками, конец I в. Из бывшей коллекции А. Гутмана (AG 450) (фото Н. Vorn и К. Göken)

139. Маска (тип Силистра). Железо, первая половина II в. Бывшая коллекция А. Гутмана (AG 813)

140. Маска (тип Силистра) из Варны (ODESSOS), Болгария. Бронза, середина II в. Варна, Археологический музей. Инв. № II 1 395 (по: Garbsch. 1978). Маска найдена в женской могиле слева от черепа погребенной и интерпретируется как погребальная маска

138

139

140

141

142

143

Тип Герцогенбург

Некоторые признаки, присущие типу Герцогенбург, появляются уже в I в. Их можно видеть на шлеме из Ньюстеда, хотя там присутствуют еще лишь некоторые составные части набора признаков (например, кудри) [Curle. 1911. P. 168–169. Pl. XXIX; Garbsch. 1978. H 1; Robinson. 1975. P. 114. Pl. 318–319].

Формирование же типа происходило во время правления Адриана. Самый ранний экземпляр с чертами данного типа происходит из пещеры в Хевроне, где он был спрятан, скорее всего, в ходе восстания Бар Кохбы [Garbsch. 1978. L 1. Taf. 14].

Хотя еще отсутствуют пластичное моделирование лица и прежде всего лба, как на более поздних экземплярах, а также выпуклые брови, тем не менее голова снабжена эллинистической прической в стиле скульптурной традиции изображения Александра Македонского. Окончательное формирование типа

144

показывает экземпляр из Герцогенбурга в Нижней Австрии [Garbsch. 1978. O 23. Taf. 21. 3].

Второе свое название (тип Александр) эти шлемы с масками получили из-за сво-

141. Маска (тип Силистра) из Румбурга, окрестности Лейдена, Нидерланды. Бронза, конец I — начало II в. Лейден, Национальный музей древностей. находка сделана в 1996 г. при раскопках в римской крепости Матило (Matilo)

142. Шлем с маской (смешанный тип Рибчестер / Герцогенбург) из Ньюстеда (TRIMONTIUM), Шотландия. Железо, конец I — начало II в. Эдинбург, Национальный музей древностей. Инв. № FRA 122

143. Шлем с маской (тип Герцогенбург) предположительно из Хеврона, Израиль. Бронза и железо, первая половина II в. Иерусалим, Израильский музей. Инв. № 71.91.341 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). Предметы клада, в состав которого входил шлем с маской, были приобретены в 1970 г. на аукционе; по словам продавца, находка была сделана в пещере в окрестностях Хеврона

144. Маска (тип Герцогенбург) из Штутгарт Бад Канштата, Баден Вюртемберг, Германия. Железо и латунь, середина II в. Штутгарт, Музей Вюртембергской земли. Инв. № R 190, 548. Найдена в 1909 г. при раскопках в канаве римской крепости. На маске изображено несколько фрагментов молодого мужского лица с выпуклыми бровями. Волосы уложены двумя рядами кудрей, на которых прослеживаются остатки от латунной жести

145

146

147

148

149

145. Шлем с маской (тип Герцогенбург) из Герцогенбурга, Австрия. Железо и бронза, середина II в. Герцогенбург (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle). Шлем был найден в 1972 г. Он содержит железную тулью с бронзовой накладной лентой на лобной части и жестяными щитками над ушными вырезами. Маска изображает молодое безбородое мужское лицо с изящно смоделированными бровями и немного зауженными глазными прорезями. На щеках маски прослеживаются неразборчивые остатки надписей

146. Шлем с маской (тип Герцогенбург) из Алена, Вюртемберг, Германия. Железо, II–III вв. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг. Инв. № R 81,1 (фото А. Pangerl). Множество фрагментов шлема было найдены в 1978 г. в котловане при строительстве музея. Шлем реставрирован в Центральном римско-германском музее в Майнце

147. Маска (тип Герцогенбург) из Вельсхайма, Вюртемберг, Германия. Бронза, II–III вв. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг. Инв. № R 81

148. Маска (тип Герцогенбург) из Эхцелля, Эссен, Германия. Железо, следы серебрения, середина II в. Бад-Хомбург, Саальбург-Мусойм (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). Маска найдена в сентябре 1967 г. при раскопках римской крепости и имеет следы пребывания в огне. Молодое безбородое мужское лицо с моделированными валиками бровей. Волосы уложены в два ряда кудрей и ниспадают до щек. Непокрытые волосами части маски были обтянуты серебряной жестью. Под ушами сохранились остатки заклепки и бронзовой кнопки для крепления маски к шлему с помощью ремня. В центре лба имеется остаток шарнира

149. Маска (тип Герцогенбург) из Айн Гримиди, Алжир. Бронза, конец II — начало III в. Алжир, Национальный музей. Маска, изображающая молодое безбородое лицо, была найдена вместе с железным кавалерийским шлемом в окрестностях караван-сарая Сиди-Аисса

150

151

152

153

154

155

150. Маска (тип Герцогенбург) из Газиантепа, Турция (ранее Айнтаб, Сирия). Бронза, около 100 г. Лондон, Британский музей. Инв. № В 1919. 12.20.1 (фото А. Pangerl). Обстоятельства находки неизвестны. Маска показывает молодое лицо с едва намеченными бровями. Прическа изображена довольно стилизованно. Под ушами размещаются отверстия под заклепки для крепления ремня, пристегивавшего маску к тулье шлема

151. Фрагмент тульи шлема с маской (тип Герцогенбург) из Кюнцинга (QVINTANA), Нижняя Бавария, Германия. Железо, первая половина III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

152. Тулья шлема с маской (тип Герцогенбург) из Рюита, Баден-Вюртемберг, Германия. Железо, бронза, II–III вв. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг. Инв. № R 172,7 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). Шлем был найден зимой 1880/81 г. в подвале римской виллы к юго-востоку от Рюита. На тулье изображены кудрявые вьющиеся волосы, поверх которых возложена бронзовая лента (стилизованное изображение венка (?))

153. Тулья шлема (тип Герцогенбург) из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (фото Scharf)

154. Маска (тип Герцогенбург) № 1 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

155. Маска (тип Герцогенбург) № 2 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

156

157

158

159

160

156. Маска (тип Герцогенбург) № 3 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

157. Маска (тип Герцогенбург) № 4 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

158. Маска (тип Герцогенбург) из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Бронза, первая треть III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция, отделение музея в Вайсенбурге. Маска найдена в 1979 г. в составе клада, закопанного около 233 г. во время вторжения аламаннов. Перед обоими ушами надписи: T[urmae] SIL[vani?] SALTVINI и T[urmae] GEM[elli?] IVSTINI

159. Маска (тип Герцогенбург) из Уббергена (NOVIOMAGUS), Нидерланды. Железо (первоначально была посеребрена), середина II в. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф. Инв. № В. Е. I. 54. Найдена в 1843 г. у восточного угла легионного лагеря. Маска изображает безбородое мужское лицо с прищуренными глазами и маленьким ртом. Прическа показана двумя рядами скатанных кудрей, которые простираются до уха. Под ушами — остатки заклепки от крепления маски к шлему посредством расположенного над назатыльником ремня

160. Маска (тип Герцогенбург) с элементами изображения горгоны Медузы из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Луженая бронза, первая треть III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция, отделение музея в Вайсенбурге (фото А. Pangerl). Маска найдена в 1979 г. в составе клада, закопанного около 233 г. во время вторжения аламаннов

161

162

163

164

165

161. Тулья шлема с маской (тип Герцогенбург) из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Железо с бронзовыми накладками, первая треть III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция, отделение музея в Вайсенбурге. Шлем найден в 1979 г. в составе клада, закопанного около 233 г. во время вторжения аламаннов

162. Фрагмент маски из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Бронза, вторая половина II в. Музей Вайсенбурга (по: Garbsch. 1978). Находка сделана в 1890 г. при раскопках в римском замке в двух метрах за северной башней *Porta principalis sinistra*. Сохранились только правая половина и фрагменты левого уха и щитка науша. Изображено безбородое мужское лицо. На лбу — маленький орел. Из кудрей выползает змея. На подбородке, ухе и лбу сохранились 6 маленьких отверстий для крепления кожаной подкладки

163. Маска из Штокштадта, Ашаффенбург, Германия. Железо с остатками латуни и серебрения, середина II в. Музей замка Ашаффенбург. Инв. № 9047 (по: Garbsch. 1978). Находка сделана в 1962 г. в вилле к югу от римской крепости. Были найдены фрагменты левой половины лица, волос на лбу, бороды, усов и бакенбард

164. Маска (тип Герцогенбург) из Штрасс Моос, Нойбург-Шробенхаузен, Германия. Бронза, вторая половина II в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. № В 1951, 827 (фото А. Rängerl). Маска найдена в 1939 г. при заготовке гравия. Она изображает молодое безбородое мужское лицо. Под ушами остатки заклепок для крепления ремня

165. Маска (тип Герцогенбург) из Фокторока, Венгрия. Бронза, вторая половина II в. Тата, Музей имени художника-керамиста Домокоша Куни (по: Garbsch. 1978). Маска найдена в 1971 г. вблизи ворот римской крепости. Она изображает молодое безбородое мужское лицо с прищуренными глазами и заштрихованными пунктирными линиями бровями. Волосы уложены по направлению от макушки двумя рядами кудрей. Под ушами имеются отверстия под заклепки кнопок-держателей ремennого крепления маски к тулье шлема

его портретного сходства с широко распространенным в античное время иконографическим вариантом изображения Александра Македонского [Braccesi. 1987; Cresci Maggione. 1987; Künzl. 1999].

Тип Герцогенбург представлен многочисленными находками, которые часто обнаруживают удивительную однородность в оформлении по сравнению с другими типами шлемов с масками. Большинство экземпляров этого вида происходят из Южной Германии.

Тип Реска и Штраубинг

Общий признак двухчастных шлемов типов Реска и Штраубинг — изображение женственных черт лица и прически. Г. Р. Робинсон причисляет их к типу E, а М. Колерт — к типу VI.

Назначение масок, изображающих женские лица, неизвестно до сих пор. Часто можно встретить объяснение, что на кавалерийских турнирах одна из противоборствующих команд изображала греческих воинов, а другая — амазонок. Клад из Штраубинга, содержащий четыре мужские и три женские маски, по всей видимости, подтверждает такую интерпретацию. Разумеется, в целом женственные маски встречаются археологам гораздо реже, чем мужские, и мно-

гие из них показывают исключительно женственные прически и богатые украшения.

Конструкция женственных шлемов с масками аналогична архитектонике выше рассмотренных масок с высоко расположенным шарниром, закрытым высокими копнами волос. Ранние экземпляры датируются концом I в. Это латунная

166

166. Тулья шлема с маской из Раполано, провинция Сиена, Италия. Бронза, вторая половина I в. Флоренция, Археологический музей (фото М. Greenhalgh). Тулья шлема от маски № 2, входившей в состав клада, найденного в 1952 г.

167. Маска № 2 (тип Штраубинг) из Раполано, провинция Сиена, Италия. Бронза, вторая половина I в. Флоренция, Археологический музей (фото М. Greenhalgh). Маска входила в состав клада, найденного в 1952 г. в каменоломне. Показано молодое женское лицо с венком из листьев и стилизованным изображением зрачков в глазных прорезях

167

168

169

маска с частью тульи шлема из Раполано в Тоскане [Garbsch. 1978. МЗ. Taf. 15. 1–2] и маска из бронзы или латуни из Ньюстеда в Шотландии [Garbsch. 1978. О 39. S. 69. Taf. 24. 1].

Варианты женственных шлемов с масками начала II в. однозначно представляют собой андрогенно-смешанный тип Силистра. Наряду с доминировавшим

сначала женственным эллинистическим типом Реска, в начале II в. появляется строго стилизованный тип, который переходит наконец в «восточный» тип Штраубинг. Вначале границы между типами Реска и Штраубинг были довольно расплывчатыми, что видно на примере маски из Визеграда в Венгрии [Garbsch. 1978. О 42. Taf. 24. 4].

168. Маска (тип Реска) из Ньюстеда (TRIMONTIUM), Шотландия. Латунь, конец I в. Эдинбург, Национальный музей древностей. Инв. № FRA 123 (фото С. Mills). Находка сделана в 1906 г. при раскопках римского замка, в мусорной яме (яма LVII). Маска изображает женственное лицо, обрамленное кудрями, которые делятся несколькими маленькими вставными косами. В центре у верхнего края находится прямоугольное отверстие, под ушами — отверстия под заклепки кнопок для ремennого крепления маски к шлему

169. Маска (тип Реска) из Визеграда, Венгрия. Латунь, вторая треть II в. Визеград, Matyas Király Múzeum. Инв. № 65. 81. 1 (по: Garbsch. 1978). Маска найдена в 1962–1963 гг. при раскопках в замковом саду. Изображено женственное лицо с прической, похожей на диадему, которая разделена тонкими ленточками, косо ниспадающими от прямого пробора. В середине лба помещен амулет в виде месяца (Lunula)

Фрагментированная маска из Графенхаузуна [Garbsch. 1978. O 46. Taf. 25. 1–2] еще обладает совершенно неклассическими чертами лица, хотя уже появляется характерная для типа Штраубинг высокая конусообразная прическа. Немного поз-

же происходит переход к тому классическому типу, который представлен тремя «восточными» масками из Штраубинга и очень похожей на них маской из Айнинга в Нижней Баварии [Garbsch. 1978. В 5–7 и А 1. Taf. 1. 1, 2. 3–4].

170. Маска (тип Штраубинг) из Графенхаузен-Биркенфельда, Баден-Вюртемберг, Германия. Посеребренная латунь, вторая половина II в. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг. Инв. № R 55,5

Маска, найденная в июне 1853 г., изображает молодое женское лицо с тонкими бровями. Нижняя часть и фрагменты прически не сохранились. На нижних концах волос видны отверстия под заклепки для ременного крепления

171

172

171. Фрагмент маски (тип Штраубинг) неизвестного происхождения. Германия. Бронза, II в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. № 1981, 3131

172. Фрагмент маски (тип Штраубинг). Латунь, II в. Бывшая коллекция А. Гуттмана (AG 709)

173. Шлем (тип Реска), который предположительно был найден вместе с другим экземпляром, также приобретенным А. Гуттманом (AG 449), до и после реставрации, проведенной Г. Борном (фото Н. Born и К. Göken). Очень тонко проработанное мужское лицо с пышными кудрявыми волосами напоминает женские лики периода Флавиев. В области ушей и висков видны по восемь маленьких отверстий, видимо, для крепления подкладки. Справа сохранились бронзовый держатель (для украшения шлема) в виде пера и петля с кольцом (для ремennого крепления)

174. Маска (тип Реска) из Петронелля (CARNVNTVM), Нижняя Австрия. Железо, вторая половина II в. Вена, Австрийский археологический институт. Инв. № 2334 (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle). Маска женственного типа была найдена в 1978 г. у казарм каменной римской крепости в окрестностях Петронелля. На ней изображена сильно стилизованная прическа с прямым пробором, горизонтальными прядями волос и чем-то вроде жемчужной нити у корней волос

175. Фрагмент маски (тип Реска) из Бад Дойч Альтенбурга (CARNVNTVM), Нижняя Австрия. Железо, II–III в. Бад Дойч-Альтенбург, Археологический музей Карнунта. Инв. № 18 364 (фото Niederösterreichische Landesregierung – Lichtbildstelle). Остатки маски женственного типа были найдены в 1900 г. вместе с другими фрагментами вооружения в помещении арсенала римского легионного лагеря. Сохранились части правой щеки и лба, на котором парами друг над другом изображены листья плюща. Реконструкция, представленная на фотографии, была сделана в Центральном римско-германском музее (Майнц) в 1990 г.

173

174

175

176. Маска (тип Реска) из Рески (Romula Malva), Румыния. Бронза, вторая половина II в. Вена, Художественно-исторический музей, Собрание древностей. Инв. № VI 4 946. Маска, изображающая женственное лицо, была найдена в 1863 г. в реке Олт вблизи Рески. Зачесанная назад прическа удерживается завязанным на лбу шнурком и полностью закрывает уши. На волосах виден венчик, в налобную ленту вплетен маленький серп (lunula). Наверху, в середине маски, выбит паз, под ушами размещаются отверстия под заклепки ременного крепления к тулье. На внутренней поверхности маски процарапана надпись Turma PII/PRISCI, а снаружи справа — Turma PII PRISCI, на подбородке — VITALIS / Turma CRISPINI

177. Маска (тип Штраубинг) № 1 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

178. Маска (тип Штраубинг) № 2 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

179. Маска (тип Штраубинг) № 3 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей

180. Маска (тип Реска) из Кривни (ABRITTUS), окрестности Разграда, Болгария. Латунь, вторая треть II в. Разград, Археологический музей. Обстоятельства находки неизвестны. Маска изображает женственное лицо с подобной диадеме прической, сверху и внизу перекрытой веревкой и разделенной тонкими ленточками, которые косо ниспадают от прямого пробора

181. Фрагмент «восточной» маски шлема (тип Штраубинг) из Ситтлинга, Нижняя Бавария, Германия. Бронза, первая половина III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. № В 1983, 1179. Фрагмент принадлежит к кладу, найденному летом 1991 г.

178

179

180

181

182. Маска (тип Штраубинг) из Состры, Болгария. Бронза, III в. София, Национальный исторический музей. Фрагмент маски найден при раскопках римской крепости в 2006 г

183. Маска (тип Реска). Бронза, II в. Частная коллекция

185

184. Маска (смешанный тип Реска / Штраубинг) из Каленика (MELTA), окрестности Ловеча, Болгария. Латунь, начало III в. Ловеч, Археологический музей. Инв. № 241. Обстоятельства находки неизвестны. Маска изображает молодое женское лицо, обрамленное густыми вьющимися волосами, зачесанными от прямого пробора набок. В середине лобной части маски — маленький женский бюст с диадемой или шлемом, обведен двумя выползающими из волос змеями. Глазные прорезы снабжены стилизованным изображением зрачков

185. Маска (тип Штраубинг) из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

Тип Костол

К данному типу можно причислить одну-единственную находку, сделанную у Костола (Кладова) в Сербии, о которой уже упоминалось выше при описании типа А по классификации Г. Р. Робинсона.

В отличие от других известных бородастых масок (сохранившихся отдельно, без тульи шлема) здесь можно говорить

о специфическом виде шлема, маска которого была закреплена неподвижно. Вполне возможно, что эта особенность является результатом переделки римского шлема согласно вкусу представителя иной культурной традиции, но тем не менее представляется возможным выделить эту находку в отдельный тип.

Типы Пфрондорф, Хедлернхайм, Уэртинг и Гизборн/Тайленхофен

Новинкой конца II в. являются трехчастные шлемы. Они состояли из затылочной части (тульи), лицевой части с вырезом для глаз, носа и рта, в который вставлялось антропоморфное забрало. Сохранился только один полный трехчастный экземпляр. Он найден в 1868 г. неподалеку от Пфрондорфа в заброшенной каменоломне [Benndorf. 1878. S. 320. № 15. Taf. 7, 8; Lindenschmit. 1881. H. V. S. 7; Lipperheide. 1896. S. 346. Abb. 263; Robinson. 1975. P. 126–127. Pl. 367–369].

Маска из посеребренного медного листа в чеканной технике изображает

186

186. Шлем с маской из Костола (Кладова) (FONTES), Сербия. Железо и бронза, начало II в. Белград, Народный музей. Инв. № 978. Шлем найден в 1854 г. Маска и тулья шлема соединены неподвижно. Личина изображает бородастое мужское лицо с низким лбом. Короткие кудри ниспадают почти до бровей и проработаны как на тулье, так и на бороде очень искусно. Над ушами на тулье размещаются петли для крепления султана. На нижних краях тульи и маски сохранился ряд отверстий, предназначенных для пришивания кожаной подкладки

187, 188. Трехчастный шлем с маской (тип Пфрондорф) из Пфрондорфа, Баден-Вюртемберг, Германия. Посеребренная латунь, конец II в. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг. Инв. № R 228,1 (фото А. Pangerl). Шлем был найден в 1868 г. в старой каменоломне на глубине примерно 2 м. Он состоит из трех частей: тульи, лицевой рамки и маски-забрала. Волосы на тулье изображены короткими концентрическими кудрями и собраны под венчик. Крепление лицевой рамки к тулье осуществлено посредством шкворня, а также присутствуют две железные кнопки под ушами, к которым крепился ремень, фиксировавший лицевую часть при ношении шлема. Маска-забрало, вставлявшаяся в вырез лицевой рамки, запыралась штифтом на переносице

188

187

молодую голову с атрибутами Медузы. Наверху расположен орел с распущенными крыльями. Змеи обвивают орлиные крылья и опускаются в виде локонов по щекам. Две змеи обвивают затылок к пробору. На голове венок, завязанный сзади лентой. Лицо очень красиво, за исключением носа с мясистыми раздутыми ноздрями, который придает лицу индивидуальный характер. Рамка с маской прикреплялась к тулье при помощи ремня, проходящего под подбородком к ушам, а маска, в свою очередь, крепилась к рам-

ке при помощи вращающейся задвижки, вставлявшейся в ушко между бровями маски. Сохранившееся отверстие на подбородке позволяет предполагать наличие в свое время некоего шарнира. При такой системе снять отдельно маску было очень трудно. Проще было снять весь шлем [Lindenschmit. 1881. Н. V. S. 7].

Несомненно, трехчастным был и фрагментированный шлем из Острова в Румынии [Radulescu. 1963. S. 538. Abb. 3–7; Robinson. 1975. P. 126. Pl. 370–373; Garbsch. 1978. O 56. Taf. 27].

189

189. Трехчастный шлем (тип Пфрондорф) из Острова (DUROSTORUM), Румыния. Бронза, вторая половина II в. Констанца, Региональный археологический музей Доброджей. Инв. № 1 686. Фрагменты шлема без маски-забрала, но с остатками ее крепления были найдены в 1960 г. в римском некрополе, неподалеку от крепости Силистры (Durostorum). Тулья украшена тройным гребнем, средний из которых заканчивается на затылке изображением кабаньей головы. По бокам помещены сфинксы. Причем на левом боку вместе со сфинксом показаны лев и Виктория, а на правом — лев и Минерва. На назатыльнике — лавровый венок

190. Варианты шлемов (тип Пфрондорф):

1 — Айнинг; 2 — бывшая коллекция А. Гуттмана (AG 804); 3 — Вехтен; 4 — Пфрондорф; 5 — Остров; 6 — Обер-Флорштадт

191

192

193

Сохранились затылочная часть псевдоаттического типа и лицевая рамка шлема, оформленная в верхней его части прекрасно смоделированной женской прической, но забрало утеряно. Имеется также несколько антропоморфных забрал от трехчастных шлемов. Они были обнаружены в Вайсенбурге [Fuchs. 1855; Fabricius. 1906. S. 33. № С 11. Taf. 8. 13; Klumbach. 1949–1950. S. 33. Abb. 9; Robinson. 1975. P. 127. Pl. 375; Garbsch. 1978. O 50. Taf. 26. 4], Майнце [Lindenschmit. 1889. Taf. 27, 1; Klumbach. 1949–1950. S. 30. Abb. 6; Robinson. 1975. P. 127. Pl. 374; Garbsch. 1978. O 49. Taf. 26. 2], а также на территории Хорватии (Осиек [Hoffiller. 1910–1911. S. 219. Abb. 39; Garbsch. 1978, O 52], Сотин [Hoffiller.

194

195

191. Шлем из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция (по: Garbsch. 1978)

192. Шлем из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

193. Шлем из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

194. Маска-забрало от трехчастного шлема (тип Пфрондорф) из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Бронза со следами позолоты (?), II в. Ансбах, Районный и городской музей. Инв. № V 878 (по: Garbsch. 1978). Забрало найдено в 1841 г. на кладбище в окрестностях викуса римской крепости

195. Маска-забрало от трехчастного шлема (тип Пфрондорф) из Майнца (MOGONTIACUM), Рейнланд-Пфальц, Германия. Посеребренная латунь, II в. Майнц, Музей Средне-Рейнской земли. Инв. № R 889 (фото М. Greenhalgh). Забрало найдено осенью 1883 г. в городском парке в позднеантичной могиле на скелете как погребальная маска

196

197

196. Забрало трехчастного шлема из Осиека (Mursa). Латунь, II–III вв. Осиек, Словенский музей. Инв. № 5247 (фото Г. Пинтерович)

197. Маска-забрало от трехчастного шлема (тип Пфрондорф) из Сотина (CORNACUM), Вуковар, Хорватия. Железо с огненной патиной, II–III вв. Загреб, Археологический музей (по: Garbsch. 1978). Забрало было найдено в 1906 г. и имеет отличительную особенность в виде больших глазных про-резей, которые, видимо, были расширены уже во время эксплуатации забрала

198. Лицевая часть трехчастного шлема с вырезом для антропоморфного забрала из Торсбьерга, Шлезвиг-Гольштейн, Германия. Серебро, III в. Шлезвиг, Музей земли Шлезвиг-Гольштейн (фото С. von Carnap-Bornheim). Шлем найден в 1860/61 г. в болоте у Торсбьерга, где он находился в составе предметов большого жертвоприношения. Вероятно, римский образец был переделан германским оружейником согласно местным вкусам

199. Шлем, найденный в 1977 г. в Вехтене (FECTIO), провинция Утрехт, Нидерланды. Бронза, II–III вв. Частная коллекция. Тулья в форме фригийской шапки с изображением орлиной головы на конце гребня. Лицевая рамка напоминает женственные маски типа Штраубинг

198

199

1910–1911. S. 218. Abb. 38; Garbsch. 1978. O 51. Taf. 26. 3)).

Однако не все шлемы с лицевым вырезом снабжались антропоморфными забралами. Шлемы из Хеддернхайма [Dopner von Richter. 1894. S. 21. Abb. 29–35. Taf. 4; Robinson. 1975. P. 129. Pl. 376–

377; Garbsch. 1978. O 53. Taf. 29] и Уэртинга [Toynbee, Clarke. 1948. P. 20–27. Pl. 2–4; Robinson. 1975. P. 130–131. Pl. 384–386; Garbsch. 1978. O 61. Taf. 30. 1–2, 4] не имеют на лицевой части следов каких-либо устройств для укрепления забрала.

200

200. Шлем (тип Хеддернхайм) из Франкфурта-Хеддернхайма (NIDA), Гессен, Германия. Посеребренная и позолоченная латунь, конец II — начало III в. Франкфурт, Музей древней и ранней истории. Инв. № X.

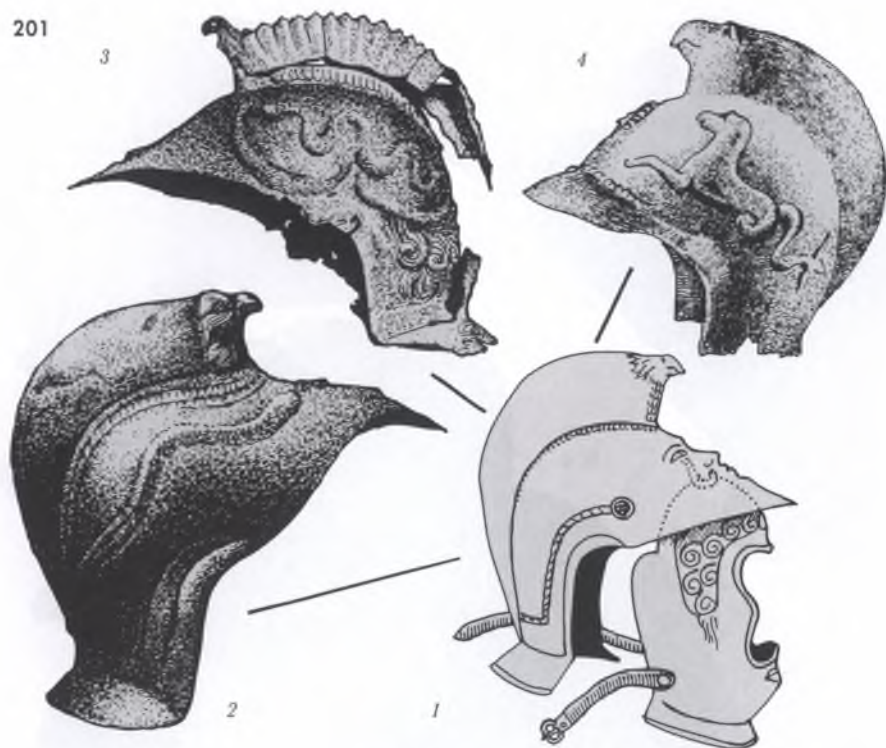
Шлем найден в 1884 г. Тулья шлема имитирует коринфский шлем с маскаронем на лобной части и высоким гребнем, заканчивающимся орлиной головой. Лицевая часть показывает мужское лицо с вырезом для маски-забрала, но никаких элементов для крепления последней не обнаруживается. Лицевая часть привешивалась к тулье шлема при помощи крючка, продеваемого в прямоугольный разрез. Дополнительное крепление, от которого сохранились кнопки под ушами, производилось при помощи ремня

201. Варианты шлемов (тип Хеддернхайм):

1 — Франкфурт-Хеддернхайм; 2 — Шони (Бригацион); 3 — Железные Ворота; 4 — из бывшей коллекции А. Гуттмана (AG 451)

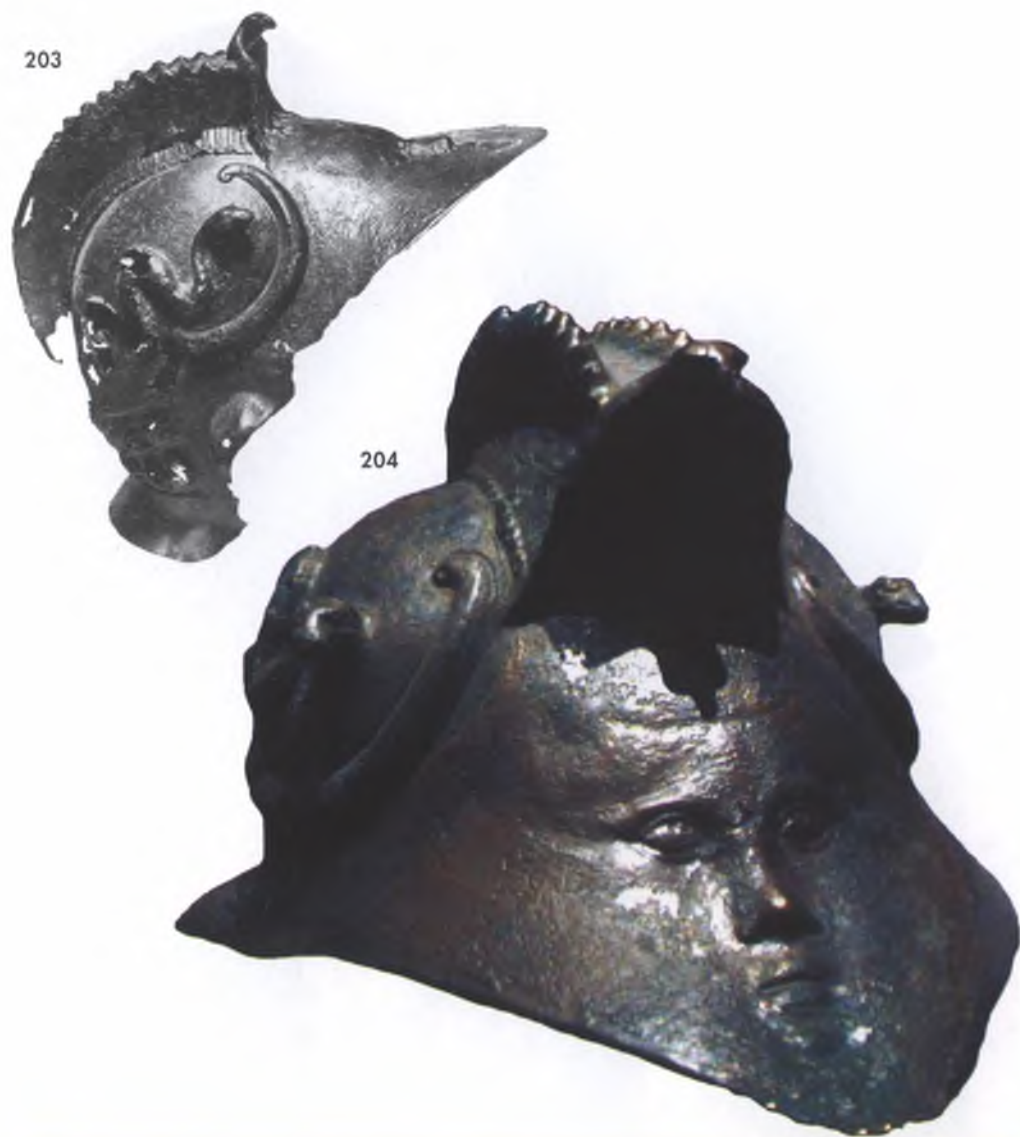
202. Шлем из Острова (DUROSTORUM), Румыния. Бронза, вторая половина II в. Констанца, Региональный археологический музей Доброджей. Инв. № 1 681 (по: Garbsch. 1978). Фрагменты шлема были найдены в 1960 г. в римском некрополе, неподалеку от крепости Силистры (Durostorum). Шлем был изготовлен в форме фригийского колпака. Гребень заканчивается головой орла. По бокам тульи изображены змеи, головы которых встречаются на лобной части, где показаны Марс и Виктория. На затылочной части размещается голова горгоны Медузы. На нашечниках изображены Диоскуры

201

202

203, 204. Шлем (тип Хеддернхайм), найденный предположительно в 1892 г. у Железных Ворот в Дунае. Луженая латунь (?), конец II — первая половина III в. Будапешт, Венгерский национальный музей. Инв. № 54. 5. 68. Тулья шлема имитирует коринфский шлем с маскаронем на лобной части и высоким гребнем, заканчивающимся орлиной головой

205

205. Шлем из Уэртинга, Норфолк, Англия. Бронза, первая половина III в. Норидж, Музей замка Норидж. Найден в 1947 г. в реке Венсум (по: Тоунбе, Clarke. 1948). Аттический шлем с ребристым широким гребнем, на котором показано штриховкой оперение и заканчивающийся изображением орлиной головы. Волюты оформлены в виде змей, а по бокам тульи видны озерные существа. На шитке назатыльника надпись (Turma) XII. Никакого крепления нашечников не прослеживается

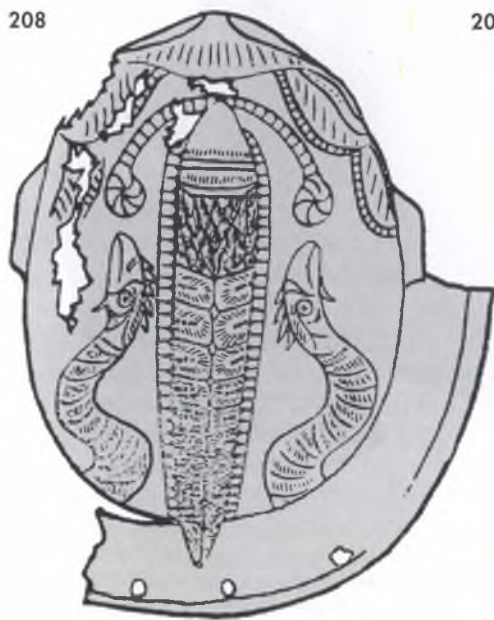
206

207

208

209

210

211

206. Лицевая рамка с изображением Марса и Виктории из Уэртинга, Норфолк, Англия. Бронза, первая половина III в. Норидж, Музей замка Норидж (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). Найдена в 1950 г. в реке Венсум

207. Шлем (тип Уэртинг/Гизборо) из Ветрена (TEGULICIUM), Болгария. Бронза, первая половина III в. Силистра, Краеведческий музей. Шлем был выловлен из р. Дунай в 1984 г.

208. Прорисовка шлема из Ветрена, Болгария

209. Деталь рельефа, изображающая шлемы типа Хеддернхайм, с саркофага Людовизи. Мрамор, первая половина III в. Рим, Музей Терм

210. Фрагменты шлема из Ашберга (по: Garbsch. 1978)

211. Лицевая часть шлема из Родеза (SEGODUNUM), Франция. Бронза, первая половина III в. Родез, Музей Фенэй (по: Feugère. 1994a). На правой щеке изображен Геркулес, а на левой Марс

В этих случаях речь не может идти о трехчастном шлеме, как это утверждает М. Колерт, объединяя в своей классификации все эти шлемы в тип III [Garbsch. 1978. S. 21–22]. Нельзя обозначать их и как антропоморфные шлемы, так как лицевая часть не изображает никаких антропоморфных элементов, кроме локонов волос. Подобные лицевые части с Т-образным вырезом имеются также на боевых шлемах типа Нидербибер [Junkelmann. 2001. S. 85–87], где наблюдается тенденция к увеличению нащечников и их видо-

изменению с целью более надежной защиты подбородка и уменьшения площади открытой части лица.

Тульи этих двухчастных шлемов могут быть псевдоаттической формы с гребнем (тип Уэртинг) или псевдокоринфской формы с гребнем (тип Хеддернхайм). В то же время тулья шлема типа Уэртинг похожа на синхронные кавалерийские шлемы типа Гизборо/Тайленхофен [Wogn, Junkelmann. 1997. S. 63–66], и последние отличаются только тем, что снабжены нащечниками, а не рамкой с лицевым вырезом.

212

213

212. Шлем из Тайленхофена (ICINIACUM), Вайсенбург-Гунценхаузен, Германия. Посеребренная бронза, вторая половина II в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. № 1978, 836

213. Фрагмент декора шлема из Тайленхофена (фото М. Greenhalgh)

Шлемы типа Хеддернхайм имитируют «псевдокоринфские» или так называемые апуло-коринфские шлемы, которые имели хождение в Италии в VI–V вв. до н. э. [Junkelmann. 2000. S. 90]. Наиболее поздним образцом «апуло-коринфского» шлема является великолепный, возможно, изготовленный для статуи, парадный шлем из Отена в Бургундии, который датируется серединой I в. [Robinson. 1975. P. 136–139. Pl. 413–416].

214

215

214. Фрагмент декора шлема из Тайленхофена (фото М. Greenhalgh)

215. Шлем (смешанный тип Вейлер / Тайленхофен) из Навы (Тель Ом Хауран), Сирия. Бронза, II в. Дамаск, Национальный музей. Инв. № С 7364ff (по: Waurick. 1988b). Шлем найден летом 1955 г. при грабительских раскопках римского некрополя. Он был преднамеренно разбит при помещении в могилу. На тулье изображена голова горгоны Медузы в обрамлении четырех змей. На лобной части показана сцена жертвоприношения с участием вооруженного воина и Виктории. Над алтарем изображен орел с распростертыми крыльями. На затылочной части показана сцена битвы между римлянами и парфянами (3 пехотинца и всадник против 6 пехотинцев и 2 всадников). На назатыльнике звериный фриз (лев, волк, козерог, собака). На правом нашечнике изображен Марс, а на левом Минерва. На лобной части слева, между Викторией и воином, видна надпись М. МАСТОРИУС БАРВАРУС Fecit

216

217

Несомненно, что здесь имела место стилизация под архаичные шлемы «героической эпохи», присутствующая на многих произведениях искусства того времени — настенной живописи, скульптурах и рельефах.

Шлемы типов Пфрондорф, Уэртинг и Хеддернхайм изготовляли из латуни или бронзы, уже не применяя двухслойную структуру материала (железная основа, покрытая латунным или бронзовым чех-

лом), характерную для раннеимператорских шлемов с масками и встречающуюся еще на масках типов Силистра, Реска и Херцогенбург [Born, Junkelmann. 1997. S. 62]. В большинстве случаев шлемы этих типов могли частично лудить, что придавало им вид украшенных драгоценными металлами. Эти шлемы были существенно легче и менее надежны, чем экземпляры раннеимператорского времени.

216. Шлем из Отена во Франции. Бронза, I в. Отен, Музей Ролен. Инв. № 71. 133. Вид сбоку (фото М. Greenhalgh)

217. Шлем из Отена во Франции. Бронза, I в. Отен, Музей Ролен. Инв. № 71. 133. Вид спереди (фото М. Greenhalgh)

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Доспех (cataphracts)

В разное время все азиатские народы: скифы, сарматы, ассирийцы, урарты, саки, парфяне, гунны, китайцы, индийцы, — использовавшие конных лучников или воевавшие против них, применяли защиту для лошадей [Горелик. 1982. С. 104–105; Горелик. 1995. С. 428–430].

Применение конского доспеха долгое время было спорадическим, и состоял он главным образом из налобника и нагрудника. Этого было достаточно, чтобы обеспечить необходимую фронтальную защиту от стрел, дротиков и другого метательного оружия. В ближнем же бою такая защита становилась малоэффективной, что со временем привело к созданию полного конского доспеха.

Конструкция полного конского доспеха известна из описаний Ксенофонта (Xen. Anab. I. 8. 7), Арриана (Tact. 34. 8) и Гелиодора (Helioid. IX. 15). Эти катафракты дополнялись различными отдельными бронированными частями, которые покрывали шею и грудь коня (prospregidia), а также морду (prometopidion). Изображения конского доспеха на колонне Траяна и на граффито из Дура-Европос, показывают полный конский доспех, состоящий из единого куска чешуйчатой попоны. В случае с колонной Траяна, на которой изображены сарматские воины — катафракты, конский доспех защищает даже ноги и хвост коня. Впрочем, бытование подобного доспеха не только у сарматов, у которых далеко не у каж-

дого катафракта лошадь имела броню, но даже у парфян вызывает сомнение [Negin. 1998. P. 74]. Данные изображения скорее всего не более чем вымысел художников, которые были мало знакомы с конструкцией реального конского снаряжения и воспроизводили его по описаниям или по собственным впечатлениям от когда-то увиденных, но детально не рассмотренных на триумфе трофеев. Таким образом, можно говорить о едином типе конского доспеха восточной катафрактарной кавалерии в первые века новой эры, который впоследствии был использован и римлянами.

О том, насколько массовым было применение конского защитного вооружения в римской армии, можно говорить лишь предположительно. Указания в литературных источниках на использование римской кавалерией конского доспеха относятся ко времени не ранее III в. (Nazar. Paneg. 22; Lib. Or. XVIII. 206). В то же время практически отсутствуют изображения римской катафракты, что говорит о сравнительно малой распространенности этого вида доспехов в римской армии. Но об обратном свидетельствуют четыре фабрики, специализировавшиеся на вооружении клибанариев, которые, впрочем, могли производить и турнирное снаряжение. Дислокация данных фабрик — три на востоке империи (в Никомедии, Антиохии, Цезарее) и только одна — на западе, в Каппадокии [Not. Dig. Or. Ix. 18–39; Oc. XI. 16–39; James. 1988. Fig. 4–6] — подтверждает мнение о том, что в основном части римских клибанариев были размещены на востоке, за исключением тех, которые были при-

писаны к *schola* и *palatini* и входили в состав императорской гвардии [Mielczarek. 1993. P. 85].

Конские доспехи имеют как достоинства, так и недостатки. Это снаряжение ограничивало подвижность лошади, но в то же время обеспечивало определенную защиту от рубящих и колющих ударов, а также почти полностью спасало от стрел. Однако очень мощные удары пробивали доспехи и даже могли загонять отдельные чешуи в тела животных. Стрелы, пущенные с ближней дистанции, тоже пробивали конский доспех. По свидетельству Диона Кассия (XXXVI. 5. 1–2), особенно опасными были парфянские луки. Стрелы парфян имели две зазубрины, которые причиняли серьезные раны. Один из комплектов конской катафракт из Дура-Европос имеет пробойну, по-видимому, вызванную стрелой, пущенной из баллисты.

По всей видимости, использование этих тяжелых защитных доспехов на парадах или кавалерийских турнирах было скорее исключением. Гораздо чаще коней украшали богато декорированными наглазниками, налобниками и нагрудниками. Так, Арриан при описании конского доспеха использует термин *frontalia*, что может трактоваться в пользу использования только элементов доспеха, защищавших коня лишь фронтально (Tact. 34. 8).

Конские наглазники, налобники и нагрудники

Защитные налобники для лошадей были известны с давних времен. О них упоминает Ксенофонт (Xen. Anab. 1. 8), и они имели хождение в Италии с V в. до

н. э. [Robinson. 1975. P. 190. Fig. 196–187; Connolly. 1981. P. 112–113]. В отличие от вышеописанных конских катафракт, которые были боевыми доспехами, только частично использовались на па-

радах и вообще не применялись на кавалерийских турнирах, конские наглазники (в виде защитных металлических шор) и налобники в императорское время употреблялись, по-видимому, только на турнирах — *hippika gymnasia*.

Наиболее ранними и массовыми модификациями в римской армии были обычные наглазники в виде бронзовых решеток округлой формы.

Очевидно, основной целью этих конструкций была защита глаз животного

КАРТА 4. Конские наглазники, налобники и нагрудники:

1 — Ньюстед; 2 — Честерс; 3 — Корбридж; 4 — Честерхольм (Виндоланда); 5 — Карлайл; 6 — Рибчестер; 7 — Неймеген; 8 — Вехтен; 9 — Нойс; 10 — Майнц; 11 — Пфюнци; 12 — Айнинг; 13 — Регенсбург; 14 — Штраубинг; 15 — Кюнцинг; 16 — Вайсенбург; 17 — Манхинг; 18 — Энс; 19 — Бад Дойч-Альтенбург (Карнунт); 20 — Шони (Бригацион); 21 — Ситтлинг; 22 — Даль; 23 — Триль; 24 — Помпеи; 25 — Партош; 26 — Герла; 27 — Инлэчени; 28 — Нава; 29 — Брешиа; 30 — Аоста

218. Фрагмент конского наглазника из Карнунта (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, литье, I в. Вена, частная коллекция (по: Garbsch. 1978)

219. Конский наглазник из Регенсбурга. Германия. Бронза, II в. Регенсбург, Городской музей. Инв. № А 1470 (по: Garbsch. 1978)

220

220. Конский налобник с изображением львиной головы из Нойса (NOVAESIUM), Северный Рейн-Вестфалия, Германия. Налобник найден при раскопках в 1887–1900 гг. в римском военном лагере. Бронза, I в. Бонн, Музей Рейнской земли. Инв. № 9 261 (фото M. Greenhalgh)

221. Кожанный конский налобник из Ньюстеда, I в. (по: Curle. 1911)

222. Реконструкция конского налобника из Ньюстеда. Эдинбург, Национальный музей древностей

от дротиков, но, кроме того, они же уменьшали поле зрения лошади, что способствовало уменьшению ее пугливости. Наглазники различались соединением глазных корзинок. Двухчастные наглазники могли быть связаны ремнем, а трехчастные соединялись шарнирами, расположенными по бокам бронзовой средней части. Оба эти варианта появляются уже в начале I в. [Garbsch. 1978. S. 13].

Конский налобник, изготовленный из одного бронзового листа, с изображением львиной головы в обрамлении молний и лучей был найден в Нойсе [Lehner. 1904. S. 372. Taf. 29; Garbsch. 1978. S. 1. Taf. 44].

Однако на этом экземпляре не сохранилось каких-либо следов наглазников, и он стилистически отличен от других типов, поэтому речь может идти об изготовлении данного образца исключительно для парадных целей.

221

Кожаные конские налобники с вмонтированными круглыми или овальными решетчатыми наглазниками были найдены в Ньюстедте [Curle. 1911. Pl. XXI], Виндоланде [Driel-Murray van, 1989. P. 283–292. Fig. 2–6] и Карлайле [Winterbottom. 1989. P. 330–334. Pl. 5–6]. Подобные решетчатые наглазники имеются среди находок из Нойса и Карнунта, что позволяет предполагать широкое распространение кожаных конских налобников.

Овальные наглазники с похожим орнаментом, однако дополненные прилегающими к ним щитками, являются де-

222

223

224

225

талью двухчастного бронзового конского налобника из Помпей [Garbsch. 1978. S. 11. Taf. 47. 1], а также трехчастного гарнитура из Даля [Garbsch. 1978. S. 10. Taf. 47. 2].

Все эти изделия относятся к I — началу II в.

Во II–III вв. были распространены налобники, состоящие из трех частей. Они различались по размеру. Большие экземпляры довольно эффективно защищали конскую голову, в то время как средние и маленькие прикрывали преимущественно глаза. На всех них срединные части, будь то большой или средней величины, снабжены боковыми щитками, прикрепленными к центральному щитку шарнирами.

Большие экземпляры имеют плоский, несколько суживающийся книзу центральный щиток, который наиболее широк в области глазных прорезей. Глазные корзинки, прикрывавшие их, пробивались маленькими треугольными отверстиями таким образом, что в большинстве случаев вокруг средней розетки получался венчик из шести аналогичных углов. В некоторых случаях наглазники выполнены не в виде обычных решетчатых выпуклостей, а в виде головы горгоны Медузы с треугольными отверстиями в волосах и каплевидными на лице. Наибольшая высота этих налобников достигает 40–45 см [Garbsch. 1978. S. 14].

223. Конский кожаный налобник из Виндоланды, I в. (по: Driel-Murray, van. 1989)

224. Конские наглазники из Помпей, Италия. Бронза, I в. Помпеи, Антиквариум. Инв. № 1342. 4

225. Конские наглазники из Даля, Хорватия. Бронза, I в. Загреб, Археологический музей. Инв. № Br. 9231 (по: Garbsch. 1978)

Маленькие и средней величины экземпляры имеют вдвое менее высокую восьмиугольную (реже прямоугольную) центральную пластину. Они отличаются боковыми пластинами, которые оформлены в виде декоративного кольца вокруг

круглых глазных корзинок. На маленьких экземплярах эти пластины напоминают треугольник, а на изделиях средней величины — капли, выгнутые тонкой верхней частью наружу. Как и на больших экземплярах, наглазники здесь со-

226

227

228

226. Трехчастный конский налобник из Герлы. Румыния. Бронза, вторая половина II — начало III в. Клуж-Напока, Национальный исторический музей Трансильвании. На центральной шитке изображен Марс в полной паноплии, попирающий Сциллу. В верхней части изображена Виктория с венком

227. Фрагмент декора конского налобника из Айнинга

228. Конский налобник № 1 из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция (по: Kellner. 1978)

держат преимущественно треугольные отверстия, но иногда можно встретить и круглые.

Крепление, при помощи которого налобник фиксировался на конской голове, сходно на всех типах. Большие экземпляры имеют по сторонам боковых пластин по две приклепанные петли и широ-

кое отверстие для ремня по верхнему краю центральной пластины. Более маленькие на боковых пластинах содержат по одной или две петли с кольцами, а также по одному кольцу или прорези для ремня по верхнему краю. Дополнительно в середине верхней кромки центральной пластины также помещалось кольцо.

229. Конский налобник № 2 из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

Наряду с этими богато украшенными экземплярами в употреблении, очевидно, были и простые двухчастные гарнитуры. Речь идет о круглых глазных корзинках с ромбовидным и треугольным оформлением прорезей. Такие наглазники крепились к голове лошади при помощи четырех тонких кожаных ремней, пропущенных в отверстия по краям наглазников. При этом можно предположить и наличие ремня, который проходил за ушами лошади.

Находки конских налобников концентрируются главным образом на северной границе империи, что объясняется,

по-видимому, сосредоточением поисков именно на этом участке римских границ. Именно там преобладают находки кладов. Только комплексы из Штраубинга и Айнинга в Баварии сохранили более 25% всего найденного материала, а в целом из Германии происходят почти две трети находок (более 61%). Однако похожая ситуация вероятна и для Среднего и Нижнего Подунавья, где также имеются находки богатых кладов [Künzl. 1999 b. S. 24].

Конские налобники (Prometopidia) уже в период эллинизма украшались декором, изображавшим чаще всего Эроса,

230. Конский наглазник из Айнинга, Германия. Бронза, начало III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция (фото А. Pangerl)

231

232

233

234

235

231. Центральный щиток конского налобника с изображением Марса из Кюнцинга, Германия. Бронза, II–III вв. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция

232. Центральный щиток конского налобника с изображением Луны, могильного алтаря, козерогов неизвестного происхождения. Бронза, II–III вв. Брюссель, Музей парка Cinquantenaire. Инв. № А 454 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz)

233. Деталь конского налобника в эллинистическом стиле из Неймегена, Нидерланды. Бронза, начало I в. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф (фото С. Mills)

234. Фрагмент центрального щитка конского налобника предположительно с Нижнего Дуная (Болгария(?)). Центральный римско-германский музей в Майнце. Инв. № О.41526 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz)

235. Конский налобник № 1 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (по: Garbsch. 1978)

236

237

238

236. Конский налобник № 2 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (по: Garbsch. 1978)

237. Фрагменты маленького трехчастного конского налобника с наглазниками из Гилау, Румыния. Бронза, середина III в. Музей замка Гилау

238. Конский наглазник № 1 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (по: Garbsch. 1978)

воина, Нику, Неоптолема и Пана [Künzl. 1999 b. S. 24–26]. Ни один из этих героев, за исключением Ники (Виктории), не был скопирован римлянами на парадное вооружение. В отличие от греческих конских налобников, которые изображали один сюжет, римские изделия демонстрируют удивительное разнообразие сюжетов и тем. Их украшают фигуры Марса, Ганимеда (как символ апофеоза), орел, военные значки, морские существа, отдельные головы и бюсты, змеи и Виктория. Сведение этих мотивов в единую композицию на отдельных конских налобниках скорее всего не случайная,

а продуманная иконографическая традиция.

Запоминается богатый сюжетами и героями декор конского налобника из Штраубинга [Garbsch. 1978. B15. Taf. 4. 1]. В центре композиции находится Марс, поддерживаемый титаном, что должно символизировать безграничную власть бога войны над землей. В верхней части налобника, по обе стороны от маленького круглого щита, изображены две маленькие головы — довольно частый мотив на римском парадном вооружении. Минерва и орел Юпитера связывают сцену с главными олимпийскими богами,

239. Конский наглазник № 2 из Штраубинга (SORVIODURUM), Германия. Бронза, первая половина III в. Гаубоден-музей (фото А. Pangerl)

240

в то время как маленькая голова, вероятно, принадлежит Ганимеду во фригийском колпаке. Дельфина следует ассоциировать с двумя китами, изображенными на боковых пластинах налобника. В контексте сюжета они скорее всего олицетворяют власть бога войны над морем. На боковых пластинах, которые почти идентичны, изображена Виктория, подлетающая к голове Марса. Наглазники оформлены в виде голов горгоны Медузы, которые также окружены маленькими изображениями оружия и головками во фригийских колпаках. В нижней части правой боковой пластины размещается фигура Минервы в панцире, а на левой пластине скорее всего — бюст Ромы или Виртуса. Как видим, налобник содержит перегруженную и слишком запутанную символическую систему, которая трудно поддается прочтению в наше время и которая своей сюжетной насыщенностью, видимо, обязана пожеланиям и вкусам конкретного заказчика.

241

240. Центральный щиток трехчастного конского налобника из Вайсенбурга (BIRICIANA), Вайсенбург-Гунценхаузен, Средняя Франкония, Германия. Бронза, II–III вв. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция, отделение музея в Вайсенбурге

241. Конский нагрудник (от конной статуи императора (?)). Бронза, середина I в. Аоста, Археологический музей

Конские нагрудники для *hippika gymnasia* в I–II вв., возможно, изготавливали из жесткой кожи, подобно налобникам. То, что они являлись частью турнирного снаряжения, подтверждает Арриан в своей «Тактике», отмечая, что нагрудники также защищали и ноги наездников. К сожалению, он не упоминает о материале, из которого они были изготовлены, или способе их производства. О. Гамбер предположил, что кожа обивалась и украшалась бронзовыми гвоздиками с большими шляпками [Gamber. 1968. S. 16–17. Abb. 15].

Бронзовые парадные конские нагрудники, состоящие из широкой пластины, по форме соответствующей груди лошади, известны по нескольким музейным коллекциям [Robinson. 1975. P. 190]. Пластины, имеющие массивный литой и чеканенный декор, были, вероятно, слишком тяжелы для активного использования и подходили только для лошади, идущей в спокойной процессии.

ШИТЫ

Согласно Арриану, на кавалерийских турнирах использовались богато украшенные росписью с декорированными умбонами щиты, более легкие, чем экземпляры военной модификации (Таст. 34. 5). К сожалению, нет никакой возможности сформулировать критерии отнесения тех или иных щитов к парадным,

за исключением разве что предположений об их богатой росписи. В связи с этим принято идентифицировать как парадные три овальных щита III в. из Дура-Европос, которые изготовлены из тополиных досок толщиной в 1 см. Они не были обтянуты кожей или каким-либо другим материалом, а роспись наносилась непосредственно на древесину. На одном щите изображена битва амазонок, на другом — сцена Троянской войны. На обеих росписях сохранились имена главных героев в греческом написании. На третьем щите — фигура огромного воина

242. Щит со сценой разграбления Трои из Дура-Европос, III в. Акварель Г. Гуте. Йельская галерея искусств. Инв. № 1936. 127. 26

243

244

со щитом и копьем, определяемая как изображение воина-бога Ярибола [James. 2004. P. 176–179].

Если парадные и турнирные щиты имели великолепную роспись, то, вероятно, должны были снабжаться и не менее красивыми чеканными и рельефными умбонами. Подобно умбонам боевых щитов, бронзовые или железные парадные умбоны изготавливались обычно плоскими по краям. Как правило, они содержали четыре отверстия под заклепки и выпуклое полушарие в середине для размещения руки при хвате щита. Имеются находки нескольких так называемых медальонов, которые интерпретируют либо

как умбоны щитов, либо как конские нагрудники.

Противники теории использования этих медальонов в качестве умбонов щитов утверждают, что если бы они действительно были частью щита, то речь могла бы идти лишь о парадном их применении, так как рельефно оформленные головы и бюсты обязательно повреждались бы в бою, а восстановить их гораздо сложнее, чем декор обычного умбона [см.: Born, Junkelmann. 1997. S. 76–79]. Но самый главный их аргумент состоит в том, что большинство таких умбонов не могут вместить кулак при хвате щита из-за недостаточной выпуклости. В це-

243. Щит со сценой амазономехии из Дура-Европос, III в. Акварель Г. Гуте. Йельская галерея искусств. Инв. № 1936. 127. 27

244. Щит с изображением бога-воина Ярибола из Дура-Европос, III в. Акварель Г. Гуте. Йельская галерея искусств. Инв. № 1936. 127. 28

лом эти исследователи согласны с тем, что группа больших медальонов из бронзовой жести с художественным оформлением стилистически принадлежит к парадным предметам вооружения, но относят их к конскому снаряжению, особенно те изделия, которые имеют овальную форму, нехарактерную для известных римских умбон боевых щитов. Однако

до сих пор нет однозначных аргументов, которые могли бы подтвердить данный вывод. Зато почти с полной уверенностью можно говорить, что если эти медальоны имеют прямоугольную пластину с пробитыми отверстиями по краям, то это умбон щита, аналогичный более массивным экземплярам II в. с выгравированным и чеканным декором.

КАРТА 5. Медальоны (умбон щитов или конские нагрудники):

1 — Ньюстед; 2 — Блерик; 3 — Кёльн; 4 — Бонн; 5 — Зальбург; 6 — Мильтенберг; 7 — Шварценакер; 8 — Бух; 9 — Вайсенбург; 10 — Айнинг; 11 — Штраубинг; 12 — Энс; 13 — Бад Дойч-Альтенбург (Карнунт); 14 — Шони (Бригецион); 15 — Герла; 16 — Бали Бунар; 17 — Махмуд Бунар; 18 — Тебриз

245

246

247

245. Медальон, изображающий Ганимеда и орла Зевса из Бад Дойч-Альтенбурга (CARNUNTUM), Нижняя Австрия. Бронза, II в. Бад Дойч-Альтенбург, Археологический музей Карнунта. Инв. № 16117 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz)

246. Медальон из Кёльна (COLONIA AGRIPPINENSIS), Германия. Бронза, II в. Кёльн, Римско-германский музей. Инв. № 78. 23 (по: Garbsch. 1978)

247. Медальон с изображением схватки Геркулеса с немейским львом. Серебряная бронза, III в. Частная английская коллекция (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz)

248

249

250

248. Большой медальон из Шварценакера, Германия. Бронза, II в. Шпайер, Исторический музей Пфальца. Инв. № В 120 (по: Garbsch. 1978). На медальоне изображен бюст Ганимеда с поднятой правой рукой, которого за плечи хватает орел Зевса

249. Большой медальон из окрестности Тебриза, Иран. Бронза, первая треть III в. Мюнхен, Доисторическая государственная коллекция. Инв. № В 1971, 1 209. На медальоне изображен бюст Минервы в коринфском шлеме с тремя гребнями, которые заканчиваются орлиными головами (по: Garbsch. 1978)

250. Большой медальон из Блерика, Нидерланды. Позолоченная бронза, II в. Неймеген, Национальный музей Г. М. Кама. Инв. № XXI. 0.1 (по: Garbsch. 1978). Найден в 1872 г. вместе с элементами конской сбруи. В центре медальона — изображение головы горгоны Медузы с крыльями и змеями в волосах

251. Медальон из Мильтенберга. Посеребренная бронза, первая треть III в. Копенгаген, Национальный музей. Инв. № 4 758 (фото Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz). На медальоне изображен бюст Минервы в коринфском шлеме с тройным гребнем; средний гребень оформлен в виде орла с расправленными крыльями. Поднятая правая рука держит копьё, у левого плеча виден щит. На нагрудной части панциря размещен Gorgoneion. На заднем плане слева — озерное существо, справа — лев. По левому краю процарапана надпись MAXIMI/IVSTINI

252. Медальон из Бонна (BONNA), Северный Рейн-Вестфалия. Серебряная бронза, II в. Бонн, Музей Рейнской земли. Инв. № А 879 (фото М. Greenhalgh). Медальон найден в 1873 г. На нем изображен бюст Цереры в окружении Эротов, несущих гирлянду из цветов

ШТАНДАРТЫ

В римской армии существовали самые разнообразные значки и штандарты: *vexillum, cantabra, aquila, dracones* и т. п. [Reinach. 1910. P. 1307–1325; Kubitschek. 1923. S. 2335–2345]. Особое отношение к ним, вероятно, связано с их важной оперативной-тактической ролью: в качестве незвуковых сигналов (*muta signa*) (Veget. III. 5; Liv. XXIII. 35. 6; Ios. V. Iud. III. 5. 7) они служили для управления войсковыми подразделениями и согласования их действий в бою и на марше. На военных парадах и смотрах эти же самые штандарты и значки выполняли уже совсем иные функции. Главной здесь была сакральная сущность, выражавшаяся в их культовом почитании как святынь (Ios. V. Iud. III. 6. 2). Скорее всего в представлении воинов знамена были наделены особым божественным содержанием и играли в торжественных военных мероприятиях важную ритуально-церемониальную роль [Махлаук. 2000. С. 199].

Начиная со II в. в римской армии появляются новые драконообразные штандарты (*dracones*). Впервые драконы в качестве военных значков скифов упоминаются у Валерия Флакка (Argon. VI. 57) во второй половине I в. Появление в римской армии нового вида штандартов впервые отмечено источниками в правление императора Адриана, именно для этого времени имеется упоминание их как значка, применяемого римскими кавалеристами на *hippika gymnasia* (Tact. 35. 1–5). Внедрение совершенно нового и чужеродного вида боевых значков стало непосредственным следствием широко-

масштабных столкновений с ираноязычным миром в начале II в. После тяжелейших Дакийских и Парфянской кампаний в состав римской армии были введены новые подразделения ираноязычных и дакийских ауксилариев в виде контингентов тяжеловооруженной кавалерии — катафрактариев, причем некоторые источники говорят даже о реформировании Адрианом римской кавалерии на сарматский манер (Tact. 4). Новые подразделения тяжеловооруженной конницы снаряжались по образцу сарматов, и вполне логично заключить, что они имели и сарматские штандарты. Такие сарматские или дакийские штандарты знакомы нам по изображениям на колонне Траяна, где они показаны среди трофейного вооружения и в руках пеших даков. Значки состоят из шеста, к которому прикреплена голова сказочного зверя с открытой оскаленной пастью. К этой голове, в свою очередь, крепится шитое из ткани туловище, которое при движении или дуновении ветра, проходящего сквозь открытую пасть, надувается воздухом, издавая свист (Tact. 35. 3–5).

В римской армии эти варварские штандарты окончательно трансформировались в змееподобных драконов, как это видно по иконографическим и археологическим источникам, хотя в ираноязычном мире образ драконоподобного военного значка был, несомненно, иным. Как показано на колонне Траяна, дакийские или сарматские «драконы» имели голову, напоминающую собачью. Пес (волк) как покровитель воинских сообществ, символ воинской доблести известен еще со скифского времени, когда он был связан

со скифскими воинскими культурами, выражавшимися в особом почитании волка (разъяренного пса) [Иванчик. 1988. С. 45–47]. Таким же почитанием этот символ был окружен и в сарматское время. Похожие значки были у парфянов, а затем у Сасанидов. Как убедительно доказала К. В. Тревер на примере головы сасанидского штандарта, найденного в районе г. Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийск), у последних драконообразным значкам передавался образ Сенмурва [Тревер. 1940. С. 177. Табл. I, II]. Сенмурв — сказочный зверь, соединяющий в себе образы птицы (крылья и хвост) и собаки (голова и лапы). Именно этот сенмурв был включен в царский герб Сасанидов, причем Арташир Папакан, возможно, придал ему некоторые черты тех «драконов», которые украшали парфянские военные штандарты, описанные во II в. Лукианом (Luc. Quom. hist. conscrib. 29).

Совсем иное прочтение образа драконообразного штандарта вырабатывается римлянами. Первоначальное распространение такого значка в римской армии следует связывать с этническими сарматами и парфянами. Однако уже в 136 г. Арриан указывает, что у драконообразных значков, использовавшихся на кавалерийских турнирах, «голова и все тело вплоть до хвоста делаются наподобие змеиных как можно страшнее» (Tact. 35. 3). Змееподобные черты имели и другие римские драконообразные значки,

представленные на саркофагах Портоначчи и Людовизи (конец II — начало III в.), где они изображены как штандарты римского войска, идущего в бой [Koch, Sichtermann. 1982. Taf. 76–78]. Похожа на змеиную и найденная в Нидербибере (Северный Рейнланд-Пфальц, Германия) бронзовая голова штандарта.

Она изготовлена из двух чеканных листов, покрытых рельефно изображенной чешуей. У самой шеи зверя листы формируют гребень, склепанный двумя заклепками. В открытой оскаленной пасти видны острые треугольные зубы, однако без выступающих клыков, которые можно видеть на изображениях дакийских (сарматских) волкоподобных штандартов. Два отверстия проходят через голову и горло позади гребня. Они были предназначены для насаживания значка

253. Голова сасанидского драконообразного штандарта из Остяко-Вогульска, Россия. V–VII вв. Государственный Эрмитаж (по: Тревер. 1940).

на шест [Garbsch. 1978. S. 88. Taf. 48]. Как мы видим, этот образ сильно отличен от сармато-парфяно-сасанидского прототипа. Все дело в том, что у римлян дракон ассоциировался со змееподобным чудовищем. Так, Вергилий, описывая смерть Лаокоона, изображает образ чудовищ, ставших его палачами. Они похожи на гигантских змей, но покрыты чешуей и имеют гребни на голове и спине. Вергилий называет их драконами (Verg. Aen. II. 206–211, 219, 225). Плиний Старший,

ссылаясь на труды Юбы, удивляется, почему тот приписывает драконам гребень, ведь сам лично видит в них самых обычных змей (Plin. N. h. VIII. 34–37) (греческое слово *drakon* означает «большой змей» [Ingersoll. 1928. P. 84]). Этот хтонический персонаж — достойный противник для римских легионов. Об их схватке с одной из таких рептилий поведал в исчезнувшей восемнадцатой книге своего труда Тит Ливий. Ту же историю пересказали и другие авторы, в том чис-

254. Посеребренная и позолоченная голова драконообразного штандарта из римского военного поселения в Нидербибере. Бронза, начало III в. Кобленц, Исторический музей

255

ле Силий Италик (Sil. Pup. VI. 289–293), Флор (Flor. Epit. Bell. I. 18), Валерий Максим (Val. Max. I. 8, 19) и Плиний Старший (N. h. VIII. 37). По их словам, монстр покусился на легионы, которые вел консул Аттилий Регул в Карфаген во время Первой Пунической войны. Тварь не реагировала на стрелы, которые в нее пускали, и понадобились тяжелые орудия, катапульты и баллисты, чтобы ее убить.

Относительно драконообразных значков можно отметить, с определенной долей гипотетичности, что, выполняя функции *muta signa* и устрашения, они должны были сохранить те сакральные свойства, благодаря которым на врага действовала вредоносная сила, порождаемая парящими в воздухе чудовищами.

Особо следует выделить уже упоминавшуюся практическую сигнальную функцию блиставших золотом и драго-

ценными камнями пурпурных драконоподобных штандартов. О ней говорят и Вегеций (II. 13), и Аммиан Марцеллин (XVI. 12. 39). Однако если первый указывает, что «дракон» являлся значком когорты, то второй отмечает императорский драконообразный штандарт. В этом качестве он появляется на саркофаге Людовизи уже в середине III в., а следовательно, можно говорить, что к этому времени «дракон» уже являлся общевоинским штандартом.

Таким образом, рассматриваемый нами штандарт у римлян выполнял сразу четыре функции древних боевых знамен:

256

255. Рельеф с арки Галерия с изображением сарматских телохранителей императора и их драконообразных штандартов (фото M. Greenhalgh)

256. Римский драконярий в экипировке для кавалерийского турнира. Вторая половина II в. Реконструкция основана на находках из Хрушицы (панцирь), Руфенхофена, Нижней Италии (поножь) и Нидербибера («дракон»). Шлем неизвестного происхождения из коллекции П. Гетти. Конская упряжь реконструирована по находкам из разных частей Римской империи. Реконструкция автора

религиозную (покровительство воинам в бою), сигнальную, функцию штандарта полководца, когда знамя показывало в бою место нахождения военачальника, и, по-видимому, функцию показа местоположения отряда в строю.

Как мы видим, прежде чем стать общевоинским штандартом римской армии, драконообразный значок прошел три этапа интеграции. На первом этапе это был значок вспомогательных сарматских и, возможно, фракийских подразделений, где он выполнял религиозную и устрашающую функции, а также, видимо, использовался в качестве указателя ветра в тех частях, где имелись конные лучники. На втором этапе, во второй половине II в., «дракон» становится основным значком подразделений римской кавалерии. На третьем этапе он превращается в общевоинской штандарт (в III — начале IV в.) [Негин. 2005 а. С. 45].

НАГРАДЫ (DONA MILITARIA)

Еще со времен Республики римляне награждали отличившихся в бою воинов. Существовали следующие виды поощрений: денежная премия, большой размер добычи, трофеи в виде оружия и украшений с поверженных противников, а также *dona militaria* — особые знаки воинского отличия [Steiner. 1905. S. 1–98; Lammert. 1938. S. 1660; Schuppe. 1937. S. 1880; Büttner. 1957. S. 127–180; Maxfield. 1981; Petrovic. 1991. P. 63–78; Колобов. 1998].

Роль всевозможных знаков отличия, вручаемых в качестве *dona militaria*, была

очень важна в процессе восхождения легионера по служебной лестнице. По оценке В. Максфилд, от 13 до 25 % легионеров, имевших эти награды, достигали звания центуриона. При этом из центурионов, отмеченных наградами, более половины добивались примипилата и более высоких чинов [Maxfield. 1981. P. 239, 243]. Сами по себе *dona militaria* не давали никаких преимуществ, кроме почета и престижа, но могли увеличить шансы на повышение и являлись важным элементом карьеры [Негин. 2005 б. С. 11].

Кроме венков (*coronae civicae, navalis, aurea, muralis, vallaris*) в качестве *dona militaria* использовались копья (*hasta pugnatae*), которые вручались только старшим центурионам, а также флажки (*vexilla*), ожерелья (*torques*), браслеты (*armillae*) и фалеры (*phalerae*) — своего рода медали, которые представляли собой большие и маленькие металлические диски, разнообразие по оформлению.

Ожерелья и браслеты были воинскими украшениями и символами знатности у некоторых индоевропейских народов — скифов, кельтов и т. д. Римляне ввели их в обиход скорее всего в результате войн с галлами, первоначально в качестве военного трофея. Однако, в отличие от своих противников, носивших ожерелья на шее, а браслеты — на запястьях рук, римские солдаты крепили их при помощи специальных кожаных петель на нагрудную часть панциря [Maxfield. 1981. P. 94]. Ожерелья и браслеты вручались отличившимся воинам — от рядового до центуриона — обычно парами и часто одновременно — и ожерелья,

и браслеты. Их изготавливали из разных металлов и покрывали серебром и золотом.

Известны гладкие и плоские медали (фалеры), а также с шишечкой в центре и с расходящимися от него концентрическими кругами. На медалях изображались также головы богов, духов подземелья, птиц, львов. Наиболее популярной была горгона Медуза. Реальные комплекты фалер, аналогичных изображенным на памятниках Марку Целию, Квинту Серторию Фесту, Ц. Аллию, обнаружены в Нойсе [Lehner. 1904. S. 367. Abb. XXX A], Лауэрсфорте [Jahn. 1860] и Ньюстедте [Curl. 1911. P. 174]. Обычно в эпоху

принципата фалеры выдавались в комбинации с другими наградами. Судя по иконографическим источникам, наборы фалер состояли обычно из девяти дисков, хотя на надгробии Квинта Сертория Феста изображено всего семь, а на надгробии Марка Целия — только пять фалер. Раз-

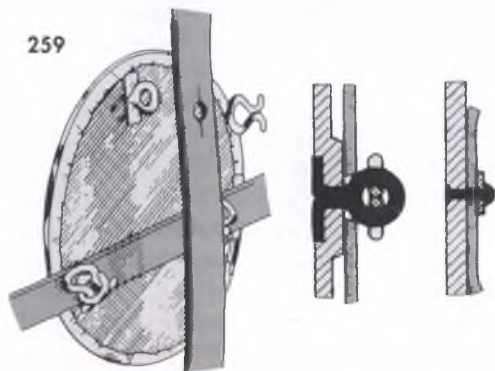
257

258

259

257. Набор фалер из Лауэрсфорта (фото М. Greenhalgh)

258. Фалера из Лауэрсфорта с изображением Амурс (фото М. Greenhalgh)

259. Схема крепления фалер к портуpee (по: Maxfield. 1981)

личными способами они, часто разные по величине и рисунку, крепились к кожаным ремням, которые, в свою очередь, соединенные вместе наподобие португепи, через голову надевались поверх доспехов. При надевании подобная конструкция перекидывалась через плечи и свободными ремнями закреплялась на спине застегками.

О том, как фалеры крепились к ремням, можно судить по набору из Лауэрсфорта. На внутренней стороне каждой из пластин были прикреплены по три маленьких металлических ушка, по-видимому, вставлявшихся в прорезь на ремне и закреплявшихся штырьками. Кроме этого, диски, возможно, пришивались к ремням.

В императорский период награды стали делиться на офицерские и солдатские. За редкими исключениями, венки, флажки, копья стали офицерскими наградами. Круг солдатских наград ограничился ожерельями, браслетами и медалями [Maxfield. 1981. P. 64].

Боевые награды вручались легионерам чаще всего от лица императоров, реже — от имени полководцев, принадлежащих к императорской фамилии, в единичных случаях — от лица военачальников, удостоенных триумфальных отличий [Maxfield. 1981. P. 117]. Обыкновенно награды выдавались по случаю победных кампаний, удостоенных триумфа.

Награды за доблесть римские солдаты надевали не только на парады, но также и в бой. Однако приоритетным было соблюдение древнего обычая носить полученные за доблесть награды во время торжественных процессий, триумфов и на играх [Maxfield. 1981. P. 141], а также на различных парадах (Tertul. De coron. 1. 1; Tac. Hist. II. 89).

Во II в. *dona militaria* постепенно начинает вытесняться чисто материальными методами стимулирования отличившихся воинов: выдачей денежных премий, увеличением продуктового пайка, дополнительным увольнением и т. д. В эпоху Северов *dona militaria* исчезает окончательно.

Глава III

ПРОИЗВОДСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПАРАДНОГО И ТУРНИРНОГО ВООРУЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Уже само определение «парадное вооружение» подразумевает то, что оно исключительно дорогостоящее и изготовлено с обильным использованием золота и серебра. Ранее мы говорили о многочисленных предметах парадного вооружения как о посеребрённых, однако металлографический анализ показал, что в большинстве случаев изделия были покрыты слоем белого металла, т. е. были просто лужёные. Это подтверждено, например, для шлема из Тайленхофена, состав покрытия которого включал 80 % олова, примерно 15 % свинца и менее 5 % серебра [Garbsch. 1978. S. 16]. В сочетании с первоначально блестящей латуной или бронзой они создавали впечатление серебрения и позолоты.

Были и немногочисленные исключения, когда шлемы изготавливались из настоящего серебра (маска из болота в Торсбьерге [Engelhardt. 1863. S. 24. Taf. 5. 3; Benndorf. 1878. S. 310. № 11. Taf. 15. 3 a; Lipperheide. 1896. S. 348. Abb. 376–377; Garbsch. 1978. O 57. Taf. 25. 4]) или обтягивались серебряной жёстью. Такие

шлемы изредка встречаются в погребениях, и этим они несколько выделяются из группы изделий парадного вооружения.

В старой литературе можно встретить утверждение о том, что почти все парадное вооружение изготовлено из бронзы, но к нему надо относиться с крайней осторожностью. Проведённые недавно металлографические анализы показывают, что в большинстве случаев предметы изготовлены из сплава меди, цинка и олова, который должен классифицироваться как «латунь с содержанием цинка». Эта латунь блестит, как золото, однако имеет зеленоватый оттенок.

Римляне называли высокоцинковую латунь термином «аурихалк» (*aurichalcum*), который восходит к слову *orichalcum*, употребленному Гесиодом (около 700 г. до н. э.) для описания материала, при изготовлении поножей (Hesiod. *Aspis*. 122). Это слово использовано для обозначения «блестящего, как золото» металла, что еще, однако, не значит, что Гесиод говорил именно о латуни.

Анализы вооружения из коллекции А. Гуттмана [Born. 1989; Born, Hansen. 1994; Born, Junkelmann. 1997. S. 166], а также опубликованные и доступные результаты металлографического анализа других коллекций [Craddock. 1984; Born, Junkelmann. 1997. S. 167] указывают на использование сплава меди, цинка и олова. Но часто это все же латунь с высоким содержанием цинка и олова. Только в двух случаях имеются указания на почти чистую медь (шлем AG 451), а также на

искусственную оловянную бронзу (поясок AG 712). Свинец не играет почти никакой роли и присутствует только в одном случае в количестве не более 1,6 % (шлем AG 471) [Born, Junkelmann. 1997. S. 165–168]. Очень похожая картина сложилась и при изучении предметов из других коллекций. Латунью как цветным металлом достигали эффекта сильного золотого блеска, а тонкий слой олова имитировал блеск серебра. Со временем, как видно, латунь в производстве парадных доспехов стала вытеснять бронзу. Это было обусловлено прежде всего гораздо большей доступностью в природе цинка, чем олова, а также тем, что латунь по многим свойствам не уступала бронзе. Латунь, таким образом, явилась дешевой заменой бронзы.

Маски и забрала на шлемах имели значительный вес — 500 г и больше. Толщина их колеблется от 1 мм до 3 мм, поэтому можно говорить о том, что их защитную функцию часто недооценивают, называя сугубо парадно-турнирными [Born, Junkelmann. 1997. S. 169–170; Hanel, Peltz, Willer. 2000. S. 244, 248, 252]. Некоторые двухслойные маски могли быть укреплены посредством органических клеев (смола, асфальт, битум), связывавших латунное или бронзовое покрытие и листовое железо [Born, Junkelmann. 1997. S. 169]. Однако такой способ соединения достоверно подтвержден только на примере частично обложенного серебряным листом кавалерийского железного шлема из Ксантена [Detten, Gechter. 1988. S. 63–64; Junkelmann. 1996. S. 29–30. Abb. 48]. Во всех прочих случаях совершенно непонятно, был ли

предназначен такой органический наполнитель для укрепления или же это просто остатки материала, использованного при кузнечной обработке изделия. Поиск органических клеев между латунным и железным листами на шлемах и масках из коллекции А. Гуттмана не привел ни к какому результату. Для надежной оценки технологии изготовления нужно выяснять, изготавливали ли тонкие латунные маски отдельно и потом крепили к железным маскам, или же обычный лист латуни наковывался на железную маску, как это неоднократно указывалось в специальной литературе. Во всяком случае, отдельное изготовление масок являлось часто практикуемым процессом, что подтверждается уже тонкостью кузнечного исполнения, а также наличием отчетливых следов инструмента [Hanel, Peltz, Willer. 2000. S. 259–261].

Реже находят отлитые в восковой модели латунные маски. Серебряный лист, как ценный благородный металл (именно не луженый или посеребренный лист латуни или бронзы), удалялся с масок, когда они утилизировались или просто-напросто выбрасывались. Об этом свидетельствуют сами находки с остатками серебряного листа. Железные маски с сохранившимся полностью серебряным покрытием до сих пор не обнаружены. Исключение представляет железный обтянутый позолоченным серебряным листом шлем с маской из Хомса, который был найден в могиле династа Сампсигерами в Абу Забуне [Abdul-Nak. 1951. P. 167]. Использование серебристо-серой поверхности металла на шлемах с масками следует исключить, исходя из

соображений о характере антикоррозийной защиты в античное время.

Римские железные шлемы красили или воронили, т. е. придавали им синеватый оттенок. Известно, что палитра цветов металла зависит и от степени нагрева, и от самой обработки, и от химических свойств. Железо имеет не сравнимую ни с каким другим металлом цветовую растяжку. В холодном состоянии оно может быть серым, черным, почти белым, голубым, синим, золотистым и красноватым. Более того, железо является единственным металлом, который может иметь естественный декоративный орнамент, проступающий на поверхность как бы изнутри. Варианты этого орнамента бесконечны, так как рисунок рождается самим металлом. Как показали исследования последних 15 лет, у римлян была особенно популярна черная окраска поверхности. Именно для I в. характерно полихромное контрастное сочетание железа черного цвета с серебристыми, медными и латунными вставками [Vogn, Junkelmann. 1997. S. 175]. Черное воронение получалось при обжиге изделия в горячей золе.

Кроме того, возможно, применялись грунтовка поверхности с помощью свинца или извести и раскрашивание, чтобы предотвратить быстрое потускнение и прежде всего образование ржавчины. В связи с этим интересно указание Плиния на использование свинцовых белил и гипса (Plin. N. h. XXXIV. 150), которые оставляют после себя беловатую поверхность на железе. В вилле к югу от Штраубинга в 1989 г. были найдены фрагменты глина-

ной театральной маски, которая очень похожа на маски от шлемов с женскими чертами лица, обнаруженные там же. Маска выполнена в виде белого лица с подведенными красной краской бровями, глазами и губами. Волосы раскрашены желтой краской. На лбу размещаются две выпуклости, окрашенные синей краской. Они напоминают стеклянную вкладку на лбу масок типа Штраубинг или чеканенную выпуклость в виде обращенного рогами вниз полумесяца на масках типа Реска [Junkelmann. 1996. S. 47. Abb. 93–94].

Самым очевидным признаком роскошного оформления римского оружия из бронзы, меди или латуни является частичная или полная отделка его поверхностей оловом, которое контрастирует с отполированными поверхностями цветного металла. Лужение поверхности придавало предмету торжественный блеск. Уже Гомер в VIII в. до н. э. упоминает о применении олова при изготовлении поножей Ахилла (Hom. II. XVIII. 613). Приблизительно с VI в. до н. э. sporadическое применение лужения в металлообработке отмечается у народов Средиземноморья. Однако только в I в. н. э. металлические изделия и предметы вооружения стали лудить в больших количествах, что может быть объяснено стремлением заменить дорогостоящее серебро, использовавшееся при отделке вооружения, менее дорогим, но очень практичным оловом. Плиний Старший в «Естественной истории» дает косвенное указание на почитание серебряной краски и смысл серебрения военного снаряжения. Он описывает серебряные значки легионов,

которые должны сверкать на поле боя, чтобы все могли их видеть (Plin. N. h. XXXIII. 58). Такое же свойство должны были иметь и доспехи военачальников; однако недостаток серебра хорошо известен: оно быстро окисляется на воздухе с образованием сульфида серебра, приобретая черный цвет, и поэтому его часто надо чистить. Тонкий серебряный слой при этом быстро стирается. Таким образом, отделка поверхностей оловом или оловянным сплавом достигала все большей популярности как хорошая альтернатива серебрению даже на предметах повседневного назначения, не говоря уже об оружии, которое имело сакральное значение и почиталось воинами. Блеск луженых поверхностей очень напоминал блеск серебра, но, в отличие от последнего, тускнел очень медленно. Олово практически не портится от воздуха и воды, оно устойчиво и к воздействию многих кислот [Born, Junkelmann. 1997. S. 192].

Для большей надежности отделки изделий дополнительно могла производиться их закалка, хотя в процессе изготовления дорогостоящих предметов снаряжения возникала большая опасность испортить результаты труда, так как при какой-либо оплошности или частичном перегреве могла произойти диффузия (т. е. сплав) материалов.

Украшение доспехов изображениями производилось при помощи таких технических приемов, как гравировка и чеканка, которые были весьма удобны при работе с бронзой и латунью, а также применялись при обработке железных изделий.

МАСТЕРСКИЕ И АРСЕНАЛЫ

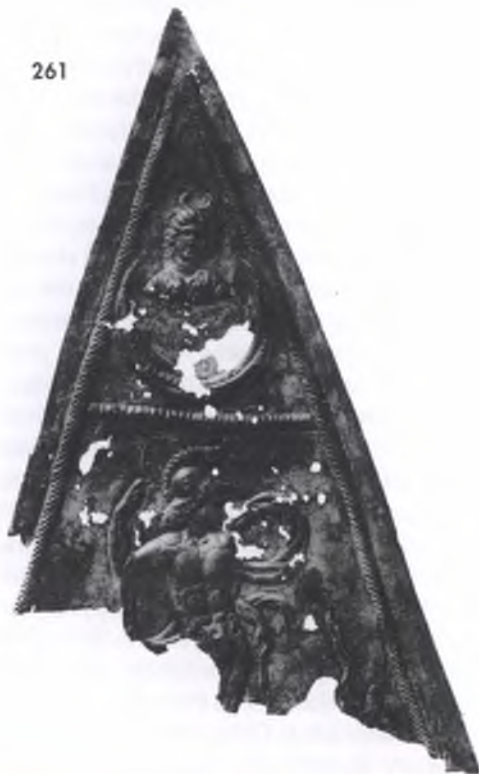
Широкое распространение унифицированных парадных предметов вооружения вдоль границ римского государства могло бы трактоваться как указание на их централизованное изготовление. Еще Ф. Дрексель предположил, что центр их производства находился на Нижнем Дунае во Фракии [Drexel. 1924]. Тем не менее предполагаемая концентрация находок в этой области отсутствует, а стилистические соответствия не столь велики, чтобы указывать на наличие места централизованного производства. Многочисленные шлемы изготавливались армейскими оружейниками в легионных мастерских. Так, например, при раскопках военного лагеря в Хальтерне, существование которого датировано периодом правления Августа, археологи нашли заготовку маски для шлема, размещавшуюся в наковальне [Kropatschek. 1911. S. 351. № 12. Taf. 39. 2]. Вместе с тем имеется довольно тесное стилистическое сходство изображений на треугольных votивных бляхах II–III вв., которые использовались в процессиях культа Юпитера Долихена и часто встречаются на Дунайском лимесе (например, в Трайсмаузере и Бригещионе).

Поэтому Г. Клумбах [Klumbach. 1977] относил находки обоих видов к произведениям кузнецов, которые снабжали, по меньшей мере, подразделения, размещавшиеся в крепостях Дунайского лимеса от Реции до Мёзии. Г. Клумбах видит в медальоне из Бригещиона, который был найден в святилище Долихена, votивное приношение такого ремесленника. Суще-

ствует предположение, что группы ремесленников перемещались из гарнизона в гарнизон, пополняя там арсеналы по мере необходимости, а затем переходили в следующую крепость. Возможно, они носили с собой образцы отдельных элементов декора и на местах компоновали эти элементы согласно пожеланиям заказчика. Цена вооружения зависела прежде всего от объема декора и вместе с тем от затрат времени на его изготовление [Garbsch. 1978. S. 17–18].

Имя руководителя одного такого бродячего цеха известно из надписей на конском налобнике из Штраубинга: PROCLI M(aterni) O(f)F(i)C(ina) и PR. MATERNI OFC., т. е. мастерская Прокла Матерна.

Можно говорить также и о производстве парадного вооружения в централизованных армейских мастерских. Тем более что независимо от места изготовления ремонт вооружения производился в мастерских конкретного подразделе-

260. Вотивная пластина из Трансмауэра № 1

261. Вотивная пластина из Трансмауэра № 2

ния, о чем свидетельствуют находки испорченного вооружения в легионных лагерях и крепостях в зданиях, где некогда размещались мастерские (*fabricae*) [Groller. 1901. S. 39–44; Manning. 1972. P. 246; Van Daele. 1999].

На предметах снаряжения римские солдаты часто писали (пунктирными или процарапанными надписями) свои имена и названия подразделений, где проходили службу. На некоторых изделиях имеется информация о нескольких владельцах, последовательно сменявших друг друга. Это удостоверяет то, что оружие служило довольно продолжительное время и не являлось сугубо личной собственностью, а могло передаваться от одного владельца другому. Форма шлемов и поножей, а также конские налобники свидетельствуют о том, что они принадлежали кавалеристам, а надписи позволяют идентифицировать подразделения, в которых служили владельцы найденного археологами оружия. Предметы вооружения были в употреблении примерно у 120 легионных кавалеристов (*equites legionis*), а также во вспомогательных смешанных подразделениях (*cohortes equitatae*) и в кавалерийских алах (*alae*). Это наблюдение объясняет, почему части парадного вооружения находят и на местах дислокации легионов, ал и когорт. В качестве примера можно указать на шлем из Тайленхофена [Klumbach, Wamser. 1976–1977; Garbsch. 1978. F 1. Taf. 10], где располагалась *Cohors III Bracaraugustanorum*. Надписи на шлеме называют не только эту когорту, но и поочередно трех владельцев из разных подразделений: *T(urma) PATERCLIANA ATTONIS*;

ALIQANDI COHOR III BRACARAV. T(urma) NONI; *T(urma) ATAVLVANI FL. FLAVIANI*, т. е. шлем был изготовлен для некоего Аттона из турмы Патеркла, а затем использовался Аликвандом из турмы Нона и Флавием Флавианом из турмы Атавулана.

Другие надписи имеют похожую схему. Почти всегда имя владельца (в родительном падеже) следует после имени командира подразделения (*decurio*), хотя последовательность иногда чередуется. Только на нагрудных пластинах из Манхинга [Garbsch. 1978. D 2. S. 53–54], конском налобнике из Айнинга [Garbsch. 1978. A 5. S. 46] и шлеме из Навы [Abdul-Nak. 1954–1955. P. 30; Garbsch. 1978. N 2. Taf. 16. 2–4] имя владельца написано в именительном падеже.

Как указание на использование вооружения разными владельцами могут служить надписи на двух поножах из Штраубинга: *T. MOD. LVCAN* и *T. MORONI*. Ими по очереди пользовались Лукан из турмы Модеста и неизвестный кавалерист из турмы Морона. Три подразделения *Cohors I Flavia Canathenorum* из Штраубинга упомянуты на коленной секции одной из поножей, а также на тулье шлема из Штраубинга [Garbsch. 1978. B 12. S. 49]; два эскадрона отмечены на маске из Рески [Garbsch. 1978. O 40. S. 69–70. Taf. 24. 2]. Ярким примером длительного срока службы и частой смены владельца является конский налобник из Айнинга, который, согласно надписям, использовался поочередно шестью кавалеристами разных подразделений (*T(urma) BASSIRVFSV*, *T(urma) MVTI TRIVISTI*, *T(urma) RVDENDi PAT-*

RVINI, T(urma) VICtoris MODesti, T(urma) TERTi PERONI, T(urma) SENTI IVLI [Garbsch. 1978. A 6. S. 46].

Как объяснить частую смену владельцев некоторых найденных археологами предметов экипировки? Для этого необходимо рассмотреть систему распределения вооружения среди легионеров. Можно предположить, что оружие хранилось в централизованных складах и выдавалось оттуда только по необходимости. Причем запасное казенное оружие хранилось вместе с личным оружием военнослужащих в арсенале и могло быть использовано в случае потери солдатами своего собственного, а также при иных экстраординарных обстоятельствах. Таким образом, получается, что оружие должно было находиться в ведении специального должностного лица, заведовавшего арсеналом (*custos armorum*) [Domaszewski. 1967. S. 44; Speidel, Dimitrova-Milceva. 1978; Bishop, Coulston. 1993. P. 199, 201]. Следовательно, указание на подразделение и владельца было необходимым условием хранения. При длительном же использовании, например, казенного вооружения, которое выдавалось новобранцам «в прокат» до приобретения ими своего собственного оружия, как раз и могли появляться на одном и том же предмете все новые и новые записи.

Однако данная теория объясняет появление ряда надписей на обычном боевом, а не на парадном вооружении. Что касается дорогой парадной экипировки, то можно предположить иное. Возможно, ветераны перепродавали ненужное им более вооружение новичкам, которые, в

свою очередь, помечали свое приобретенное. Тем более что смысл продавать после выхода в отставку свое парадное вооружение, полученное, например, в качестве *donna militaria*, несомненно, был. Об этом красноречивее всего свидетельствует его дороговизна, о которой иногда говорится в источниках (SHA. Vita Claud. 14. 5) Одно письмо упоминает «нагрудник из прекрасной желтой меди, великолепно изготовленный и очень легкий на вес, чтобы не обременять владельца, стоящий всего 360 драхм, хотя реальная цена такого изделия намного больше» [MacMullen. 1960. P. 25]. Только офицерам было по карману приобретать такое дорогое оружие. С другой стороны, есть упоминания о том, что даже им дорогостоящая экипировка иногда выдавалась в пользование с возвратом (SHA. Vita Claud. 14. 5–6). В свете всего вышесказанного клад из Штраубинга, содержащий массу парадно-турнирного вооружения, может быть интерпретирован как спрятанная до лучших времен часть арсенала. А в этом случае напрашивается вывод, что парадное вооружение частично было казенным и выдавалось в пользование с возвратом.

В данном контексте встает вопрос о соотношении индивидуального вкуса (если предмет изготавливался на заказ конкретному лицу) и официальной пропаганды в содержании декора при художественном оформлении доспехов. Как указывалось выше, производилось парадное вооружение как индивидуальными мастерами, так и в армейских кузницах, и сложно предположить, что при недостаточно развитой инфраструктуре оно

доставлялось на границы из каких-то централизованных фабрик. Снаряжение эпохи Принципата, по всей видимости, было подвержено моде и вкусам в пределах отдельной провинциальной армейской группы, воинской части или даже подразделения. Следовательно, когда воинское формирование из одной части империи встречалось с подразделением из другого региона, они должны были отличаться друг от друга во многих отноше-

ниях. Движение армий или переброска в экстренных случаях целых формирований приводили к взаимному обмену идеями и вкусами. Такая гипотеза объясняет, почему круг тем и сюжетов, изображаемых на парадном оружии, был довольно широк и почему в сами модификации вносились различные усовершенствования, более свойственные свободной имитации, чем строгому копированию учрежденного образца.

Глава IV

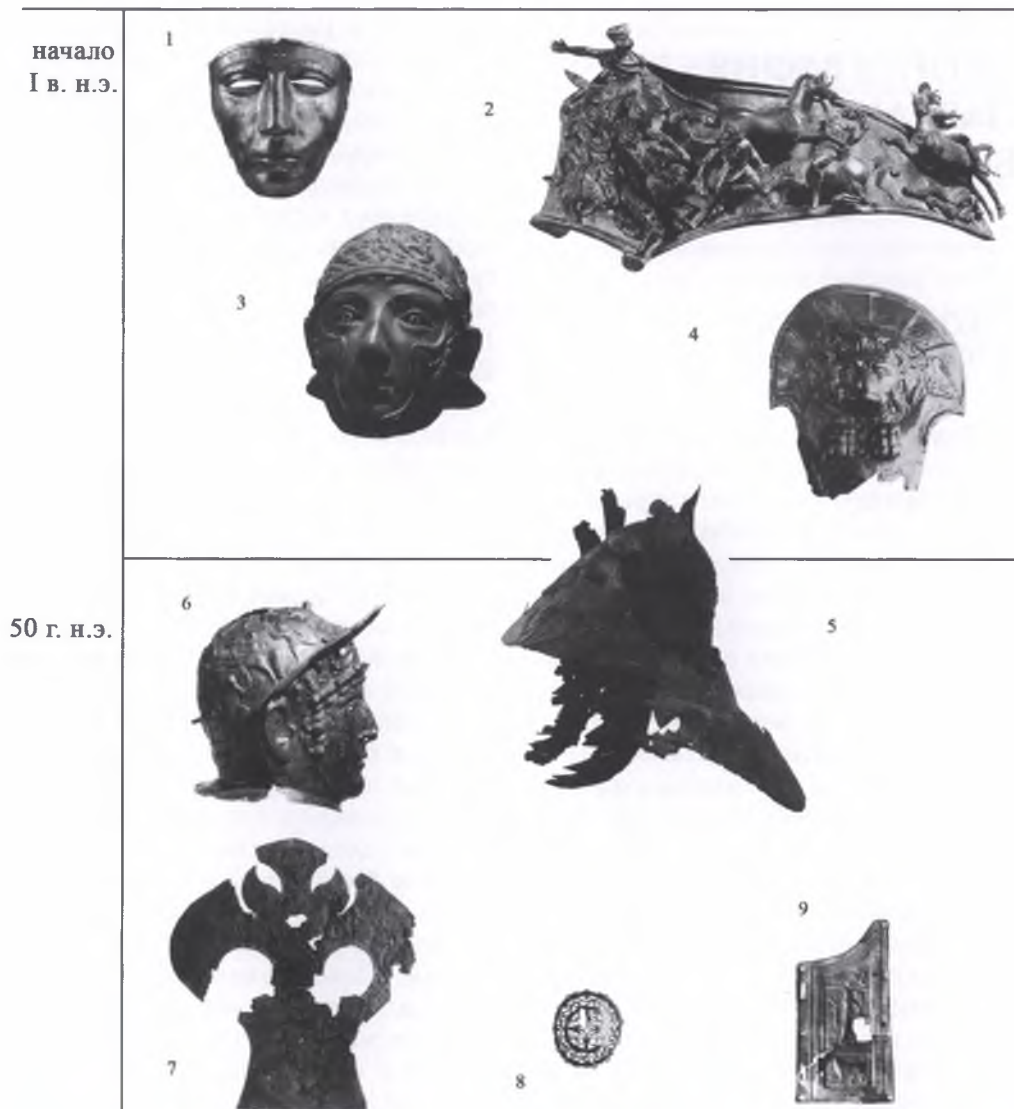
ИКОНОГРАФИЯ ПАРАДНОГО ВООРУЖЕНИЯ

ДЕКОР ПАРАДНОГО ВООРУЖЕНИЯ

Декор парадного вооружения включал в себя как популярные религиозные мотивы, так и другие элементы украшения, среди которых наиболее часто можно видеть уже упоминавшуюся имитацию прически на парадных шлемах, а также растительный орнамент, обычно присутствовавший на тульях шлемов (как правило, на назатыльниках), хотя его можно обнаружить и на некоторых парадных умбонах щитов (Блерик [Garbsch. 1978. R 9. S. 84. Taf. 43. 3], бывшая коллекция А. Гуттмана (AG 808) [Junkelmann. 2000. S. 202–203. Abb. 112. Taf. XXIV]). Анатомические кирасы тоже часто украшены изображением побегов и листьев растений, в том числе аканта. Акант — обычный сорняк, растущий в Средиземноморье, и греки были первыми, кто использовал его как декоративный элемент уже в архаический период (VIII–VI вв. до н. э.). Листья этого растения украшали архитектурные сооружения, глиняную посуду и, конечно, военное снаряжение. Римляне позаимствовали этот элемент декора и стали его широко использовать, причем еще в I в. н. э. растительный ор-

намент с листьями аканта был — в подражание греческому прототипу — исключительно изящным, но со временем, ко II в., наблюдается тенденция к упрощению детализации.

Другим популярным элементом декора парадных и турнирных, а отчасти и боевых шлемов было изображение наградных венков. *Corona civica* рельефно показана на тулье шлема из Визе [Mansel. 1938; Klumbach. 1949–1950. S. 30. Abb. 3; Robinson. 1975. P. 118–119. Pl. 341–344; Garbsch. 1978. O 3. S. 62], где на короткие волнистые волосы возложен натуралистически выполненный венок из листьев дуба и желудей. Причины использования дубовых листьев для гражданской короны неясны. Плутарх выдвигает три версии (Plut. Quaest. Rom. 92). Согласно первой, листья дуба легко было найти в ходе военных действий из-за распространенности этого дерева в данный период в Западной Европе. Другие две версии Плутарх берет из области мифологии. Дуб был посвящен Юпитеру и Юноне, которые являлись покровителями города Рима, и, следовательно, его частичку уместно было вручить тому, кто спас жизнь римского гражданина. Наконец, эту практику Плутарх связывает с тем фактом, что ранние колонисты Рима унаследовали этот обычай от аркадян, которые, как считалось, были тесно связаны с дубом и которых называли «желудеедами» (Hdt. I. 66). Как бы то ни было на самом деле, несомненно одно: развитие военного декора имело строго прагматический характер; поэтому вполне логично, что тип листы, выбранной первоначально для удобства, позже стал

262. Основные типы римского парадно-турнирного вооружения I в. по археологическим данным: 1 — Калькризе; 2 — Аоста; 3 — Визе; 4 — Нойс; 5 — Отен; 6 — Рибчестер; 7 — Ньюстед; 8 — Карнунт; 9 — Орговани

100 г.н.э.

2

3

4

5

150 г.н.э.

6

7

10

12

8

9

11

13

263. Основные типы римского парадно-турнирного вооружения II в. по археологическим данным: 1 — Силистра; 2 — Италия; 3 — Аквинк; 4 — Кёльн; 5 — Герцогенбург; 6 — Реска; 7 — Пфрондорф; 8 — Тайленхофен; 9 — Шпайер; 10 — Адана; 11 — Вайсенбург; 12 — Блерик; 13 — Аквинк

200 г. н.э.

250 г. н.э.

264. Основные типы римского парадно-турнирного вооружения III в. по археологическим данным:
1 — Франкфурт-Хеддернхайм; 2 — Уэртинг; 3 — Штраубинг; 4 — Тебриз; 5 — Нидербибер; 6, 7, 9 — Штраубинг; 8 — Гизборо

традицией, которую наполнили магическо-религиозным значением.

На шлемах с масками венки изображаются двояко. Одни венчают макушку или затылок тульи шлема, а другие, подобно диадемам, украшают лоб. Первая разновидность характерна для шлемов с масками типа Герцогенбург / Александр [Junkelmann. 1996. S. 50]. Неизвестно, были ли изображения венков связаны напрямую с реальными награждениями владельцев шлемов. Если речь идет о согопа *aurea*, то им награждали довольно редко и в звании не ниже центуриона или декуриона [Maxfield. 1981. P. 81]. Таким образом, владельцами таких шлемов могли быть далеко не все кавалеристы, а только командиры и выдающиеся воины. В то же время более логично трактовать как изображения наградных венков такие налобные диадемы, как согопа *mutalis* на шлеме из Рибчестера или фалеры на диадеме маски из Хелланжа. В обоих случаях данное оформление можно интерпретировать и как культовое. М. Юнкельманн считает, что согопа *mutalis* шлема из Рибчестера могла символизировать военный гений, а фалеры маски из Хелланжа указывать на вакхические мотивы [Junkelmann. 1996. S. 50]. Конечно, не следует ассоциировать маски шлемов с конкретными религиозными церемониями. Речь идет главным образом о декоративном использовании культовых мотивов, которые могли быть связаны в том или ином случае со специфическими религиозными пристрастиями владельца и (или) его подразделения (в зависимости от того, кто был собственником предмета). По-видимому, в большинстве случа-

ев изображение гражданской короны на парадном вооружении не имеет отношения к человеку, носившему шлем, являясь лишь элементом декора, и совсем не значит, что владелец шлема был награжден таким венком [Maxfield. 1981. P. 74]. То же самое относится к согопа *mutalis*, а также к венкам других типов, рельефно изображенным на шлемах из Раполано [Garbsch. 1978. M 1–2. S. 59–60. Taf. 1–3], Ньюстеда [Robinson. 1975. P. 114. Pl. 318–319], Штраубинга [Robinson. 1975. P. 114. Pl. 320] и др. [Robinson. 1975. P. 115. Pl. 321–322].

VI–II вв. шлемы, анатомически оформленные кирасы и другие предметы защитного снаряжения украшались изображением сцен сражений. Подобные сюжеты присутствуют на шлемах из Рибчестера и Навы [Abdul-Hak. 1954–1955], а также на кирасе бронзовой статуи императора Адриана из Тель Шалема [Gergel. 1991. S. 232–235. Abb. 1, 2, 4, 5].

К элементу декора можно отнести и сами маски, выполнявшие роль анатомически оформленного забрала шлема. При этом нужно помнить, что маски не могут рассматриваться как портреты. Будучи особым видом римского портретного искусства, они обладают своеобразием [Garbsch, 1978. S. 26–27]. Формальные элементы, конечно, заимствованы из портретного искусства и идеальной пластики, но маски оформлены по-новому, как самостоятельные типы. Последние бытовали в течение длительного времени, претерпевая лишь незначительные изменения и очень медленно реагируя на новые влияния. Локальные варианты типов заслуживают особенного внимания.

Фиксацией в местных традициях можно объяснить их смесь с конкретными формами и также то, что в некоторых местностях они распространялись особенно быстро и бытовали на протяжении довольно долгого времени. Находки показывают, что, чем более удаленными от центров римского портретного искусства были локальные мастерские, тем сильнее местные традиционные представления влияли на производимую ими продукцию [Garbsch. 1978. S. 27].

РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И МАГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ДЕКОРА

В понятие «римская мифология» включены большей частью «новые» и общественно-исторические мифы, рожденные в условиях цивилизации, а не реликты первобытного сознания. Динамичность перемен в социальном устройстве, системе управления, религиозной сфере Древнего Рима способствовала складыванию множества мифов этиологического характера, которые объясняли ставшие непонятными рудименты давнего и недавнего прошлого [Grant. 1978. P. 249, 259, 263]. Эти мифы в значительной степени касались общественно-политической сферы. Такая параисторическая мифология римлян получила название «римский миф». Его специфика заключается в том, что он создавался не массовым сознанием, а творческими личностями по заказу правящей элиты.

В имперской интерпретации «римский миф» обрел новые акценты. Утвер-

ждалось представление о принцепсе как гаранте «золотого века» [Чернышов. 1994. С. 7]. Харизматический принцепс Август стал одной из центральных фигур и идеалом для подражания последующих властителей. В конце Принципата Августа акцент с личной гарантии вечности «золотого века» империи переносится с правителя на его династию. Для новых властителей мировой державы было жизненно важно, чтобы в «римский миф» верили не только обитатели Италии, но и провинциалы, а также, конечно, армия. Получила развитие невиданная по своим масштабам и многообразию приемов система государственной пропаганды. Август позаимствовал для этого распространенную в эллинистическом мире практику использования произведений глиптики. Вывезенные им из Александрии мастера стали изготавливать камни и геммы, прославлявшие принцепса и членов его семьи. И Августова, и Тибериева геммы могут рассматриваться как особый разряд фалер — воинских наград. На gemma Augustea, изготовленной в последние годы жизни Августа, принцепс изображен как Юпитер [Scherer. 1988. S. 115].

Как полагает П. Шерер, Тиберий был изображен вместе с Друзом-старшим, чья фигура была впоследствии сколото. Они, как братья Диоскуры, через рукопожатие символизировали «братское согласие» [Scherer. 1988. S. 122]. Изображенный там же Германик, вероятно, тоже заключал в себе некую аллегория. Германик вместе с Агриппиной и маленьким сыном Гаем — будущим принцепсом Калигулой — показан и на gemma Tiberiana.

На gemma Augustea фигурируют также богини Рома (Рим) и Виктория, окружающие принцепса, Земля (Tellus) и Океан. Рома и Виктория также присутствуют на gemma Tiberiana.

Иконографические сюжеты обеих гемм играли роль династических манифестов.

Они демонстрировали преемственность власти, необходимую для продолжения «золотого века». Вероятно, при Августе складывается практика изображения на военном снаряжении портретов наследных принцев и самого Августа, о чем свидетельствуют медальоны с его порт-

265. Торжество Августа-победителя. Так называемая gemma Augustea. Сардоникс, первая четверть I в. Вена. Художественно-исторический музей. Торжественная сцена прославления Августа. Он сидит на троне рядом с богиней Ромой. Август уподоблен Юпитеру: он полуобнажен, левой рукой опирается на скипетр, у его ног орел — знак божественного происхождения. Нижний фриз показывает водружение военного трофея

ретом, используемые легионерами в качестве украшений на ножнах мечей [Um, Deschler-Erb. 1997. S. 62. № 2401, 2402].

Династическая пропаганда с помощью монет, фалер и воинского снаряжения получила дальнейшее развитие при Тиберии. Для бездетного Тиберия было очень важно показать, что «золотой век» Рима продолжится благодаря многочисленным потомкам Августа. Надо сказать, что Тиберий среди последовавших за Августом императоров был наиболее популярен в размещенных на рейнском лимесе и в Альпах гарнизонах. Портреты Тиберия встречаются на стеклянных фалерах. В окружении Марса и богини победы Виктории Тиберий фигурирует на медальонах, украшавших ножны легионерских мечей [Bishop, Coulston. 1993.

266. Камея Тиберия (gemma Tiberiana). Сардоникс, 37 г. Оксфорд, музей Ашмола

P. 73; Um, Deschler-Erb. 1997. S. 62. № 2397, 2403].

Защитное вооружение, к которому относится и парадная экипировка, имеет двоякую функцию: защищать владельца и устрашать противника. Обе эти функции обычно не сочетались в одном изделии, но на предметах защитного вооружения можно увидеть и антропоморфную маску горгоны Медузы, и орла Юпитера и Геракла с его дубиной, которые были призваны как защищать, так и устрашать.

Определенное различие в изображениях на шлемах, с одной стороны, и на остальных частях парадного вооружения — с другой, свидетельствует о том, что в основной своей массе парадное вооружение принадлежит к концу II — началу III в., в то время как многие из декорированных шлемов могут быть причислены к началу II в.

К такому относятся, например, боевые сцены и сцены жертвоприношения, встречающиеся на шлемах раннего периода. В более позднее время на шлемах их гораздо меньше, чем, например, на поножах или нагрудных пластинах.

Набор элементов декора отдельных видов оружия довольно ограничен и однороден. Так, на более поздних нагрудных пластинах появляются бюсты Марса и Минервы (или Виртус), которые часто комбинировались с изображением орла. Фигуры Юпитера, Марса или Виктории на более старых изделиях объединяются с быком, козерогом или капито-

лийской волчицей, а в верхнем углу обязательно присутствовало изображение орла [Garbsch. 1978. S. 29].

На медальонах и умбонах щитов преобладает изображение Ганимеда, которого похищает орел Юпитера; на втором месте следует бюст Минервы. Марс, Виктория и Геракл, а также лев, дельфин и другие морские существа представлены здесь как периферийные фигуры.

Второстепенные образы медальонов на поножах предстают как центральные фигуры: Марс, Виктория и Геракл, а в одном случае даже Эней, который выносит на себе своего отца Анхиса и сына

Юла из горячей Трои (поножь из Фор-Луи). Тритон, дельфин и другие подводные существа соседствуют с орлом и змеей [Garbsch. 1978. S. 29].

На коленной части поножей появляются бюсты Минервы, Виртуса и Беллоны (?), Марса и Виктории, иногда изображаемой в коринфском шлеме или в шлеме с тремя гребнями [Garbsch. 1978. S. 29].

Все упомянутые изображения и мотивы присутствуют и на конских налобниках. Как правило, на центральных пластинах располагаются фигуры Марса, Минервы, Виктории и Геракла, а на боко-

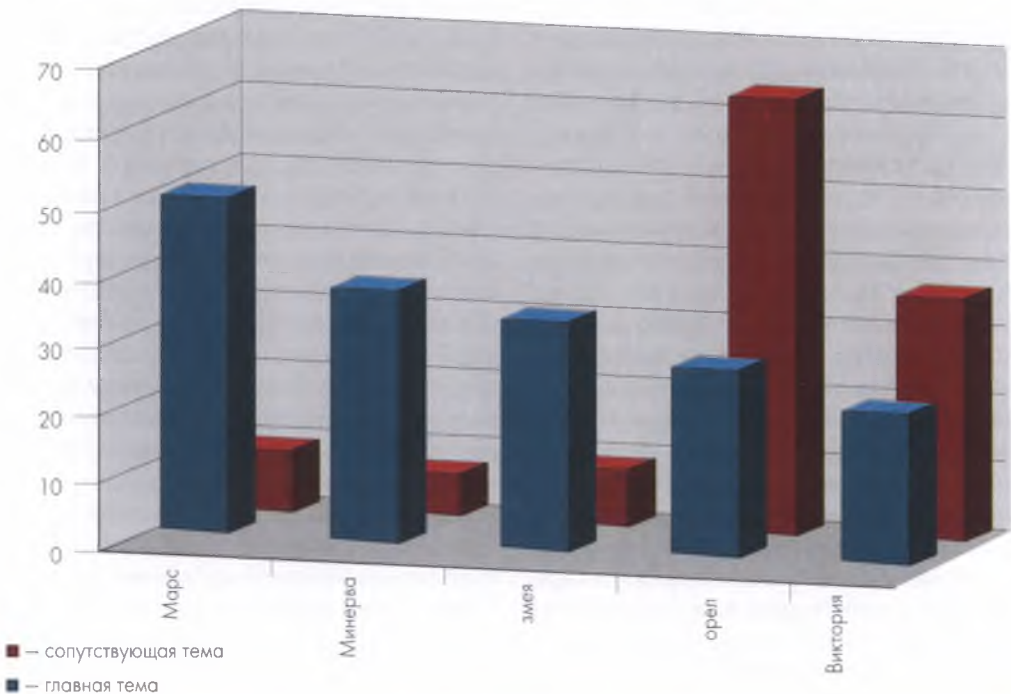

Диаграмма 1. Пять основных сюжетов декора римского парадного вооружения (по Künzl, 2004)

вых пластинах — изображения Виктории и Диоскуров, несколько позднее — бюсты Марса, Минервы и Ганимеда, голова горгоны Медузы и маленькие головки неопределенной принадлежности. Орлы, лев и змея встречаются вместе с тритоном, дельфином, морским львом и неизвестным морским существом. Все они сочетаются с изображениями могильных алтарей, рогов и луночек (маленьких серпов) [Garbsch. 1978. S. 29].

Неудивительно, что на оружии появляются военные божества (Юпитер и Минерва, Марс и Виктория, Виртус и Беллона), к которым также можно причислить Диоскуров и Геракла. Юпитер, его супруга Юнона и Минерва образуют капитолийскую триаду высших богов Рима. Юпитер, верховный бог, громовец, стал защитником Римского государства, олицетворением римской мощи и войска. Культ же капитолийской триады носил наиболее официальный характер и был обязателен для всех римских граждан, где бы они ни проживали. Также и в культовой практике римской армии эта триада играла первенствующую роль, о чем свидетельствуют многочисленные посвящения. Юпитер, Минерва, Марс и Виктория являются *dii militaes*, т. е. воинскими божествами. Так, например, преторианские когорты, сопровождавшие императора в походе, выступали под знаменами с изображениями Юпитера, Минервы и Виктории, как это видно на колонне Траяна [Rankov. 1994. P. 24].

Следуя примеру императора, командиры расположенных в провинции подразделений также помещали этих богов на военных значках. Если подразделение

находилось в лагере, эти штандарты помещались в нишах святилища знамен (*aedes signorum*), вместе с изображениями богов и императора. В подвале святилища хранилась касса подразделений, поэтому здание постоянно охранялось.

Юпитер как покровитель государства и армии был наиболее почитаем. Он изображался со связкой молний. Очень часто его атрибутом был орел. Комбинацию орла, Минервы и бюста Марса также можно понимать как изображение *dii militaes*. Минерва (первоначально сабинская богиня) являлась в армии императорского времени богиней — защитницей трубачей, офицеров-управленцев, эвокатов, начальников и мастеров оружейных мастерских и учрежденных Адрианом экзерцмейстеров, к обязанностям которых относилась организация представлений *hippika gymnasia* [ILS. 2584]. На изображениях богиня носит коринфский шлем с высоким плюмажем, панцирь (*aegis*) с треугольными отворотами на груди или длинную одежду без рукавов; иногда на ее руке уложен конец плаща. Копье и круглый щит дополняют вооружение. Эта богиня как нельзя лучше подходит для изображения на защитном вооружении, так как в отличие от Марса, который любил кровавую стихию, войну и насилие в любом их проявлении, Минерва олицетворяла священную оборонительную войну и была богиней защиты. Своим присутствием на этом элементе доспеха богиня символизировала защиту и покровительство, оказываемые воину.

Марс также относится к числу наиболее почитаемых божеств в армии императорского времени. Вслед за Юпите-

ром он был самым аристократическим богом старой италийской религии. Он был хозяином оружия, руководил военной службой (*militiae potens*) и надзирал за учебным плащом, именуясь тогда *Campester* [CIL. II. 4083]. Но для всех он оставался *Gradivus* («Шествующий в бой») — этот древнейший эпитет подчеркивал его воинственный характер. Император Август именовал его не иначе, как *Ultor* («Мститель»), посвятив ему в центре форума роскошный храм в благодарность за победу над убийцами Цезаря и, кроме того, наделив его привилегиями Юпитера Капитолийского. Впрочем, культ Марса был особенно широко распространен во вспомогательных войсках. Изображения показывают его иногда божественно нагим, в коринфском шлеме, со свисающим с руки плащом, копьем и круглым щитом; порой также с висящим на перевязи мечом. Иногда Марс изображался в полном вооружении, облаченный в анатомический панцирь, поножи и сапоги. Гусь, который сопровождает его на конском налобнике из Герлы [Garbsch. 1978. K 1. S. 58–59. Taf. 13. 1], по мнению Й. Вернера [Werner. 1941], показан как священное животное германского бога Тиу.

Культ Виктории распространился уже примерно в 300 г. до н. э. В армии императорского времени как Виктория Августа она воплощает силу победы императора и полководца. Часто она предстает как крылатая или даже парящая в воздухе в длинной развевающейся одежде, держа в правой руке венок победы, а в левой пальмовую ветвь. Таким образом, изображения Марса и Виктории можно рассматривать в контексте «идеологии

победы», культивировавшейся в римской армии и опиравшейся на «римский миф» и идею «золотого века».

Геракл в иерархии римских армейских богов находится непосредственно за *dii militares*. По образцу греческих героев Геракл, прославившийся своими подвигами, являлся идеальным покровителем солдат. На изображениях он носит дубину и одет в львиную шкуру как напоминание о схватках с немейским львом и лернейской гидрой [Колобов. 2000].

Божественные близнецы Кастор и Поллукс (Диоскуры), культ которых тоже имеет древнеиталийское происхождение, также принадлежат к богам, помогающим в бою. Как всадники, они, несомненно, связаны с кавалерией и неоднократно вмешиваются в битвы римской армии. Как неразлучная пара, они олицетворяют собой братскую дружбу. На нащечниках шлемов и боковых пластинах конских налобников они представлены как зеркальное отражение друг друга, ведущими под уздцы коней. Типичным является их головной убор — островерхая войлочная шапка.

С иной тематикой связано изображение Ганимеда. Согласно сказанию, он был сыном троянского царя Троса и из-за своей неземной красоты был похищен Зевсом (в римской мифологии Юпитером), пославшим за ним своего орла. Последний унес Ганимеда на небеса, где тот стал виночерпием богов и наслаждался вечной молодостью. Ганимед появляется на парадном вооружении как гарант вознесения души на небо и продолжения жизни после смерти [Klumbach. 1960].

Труднее интерпретировать появление на парадном и турнирном вооружениях изображений морских существ и других животных. Едва ли не единственным персонажем, непосредственно связанным с «римским мифом», является волчица, вскармливающая близнецов Ромула и Рема. Она изображалась на пряжках парадной амуниции и нагрудных пластинах панцирей [Beck, Chew. 1991. N 27, 29. P. 63; Bishop, Coulston. 1993. P. 97; Um, Deschler-Erb. 1997. № 2415–2421. S. 63]. Изображение кормящей волчицы нередко дополнялось сценой борющихся животных, что, по всей видимости, должно было символизировать враждебное римлянам окружение.

Можно с уверенностью причислить к апотропеям дельфина, гиппокампа, морского льва и других неопределенных подводных чудовищ. Все они принадлежат к свите морского бога Нептуна и символизируют путешествие в потусторонний мир океана, который омывает мир живых [Klumbach. 1960]. Тритоны как боги моря и спутники Нептуна тоже принадлежат к этой группе [Неверов. 1996. С. 119], однако устрашающий аспект играет у них, пожалуй, главенствующую роль.

Однозначно апотропеем является изображение головы горгоны Медузы со змеями и крыльями на лице и в волосах [Boschung. 1987. S. 255–258]. В своей пугающей гримасе она является олицетворением «злого глаза» (сглаза). Уже у греков горгона появляется в этой функ-

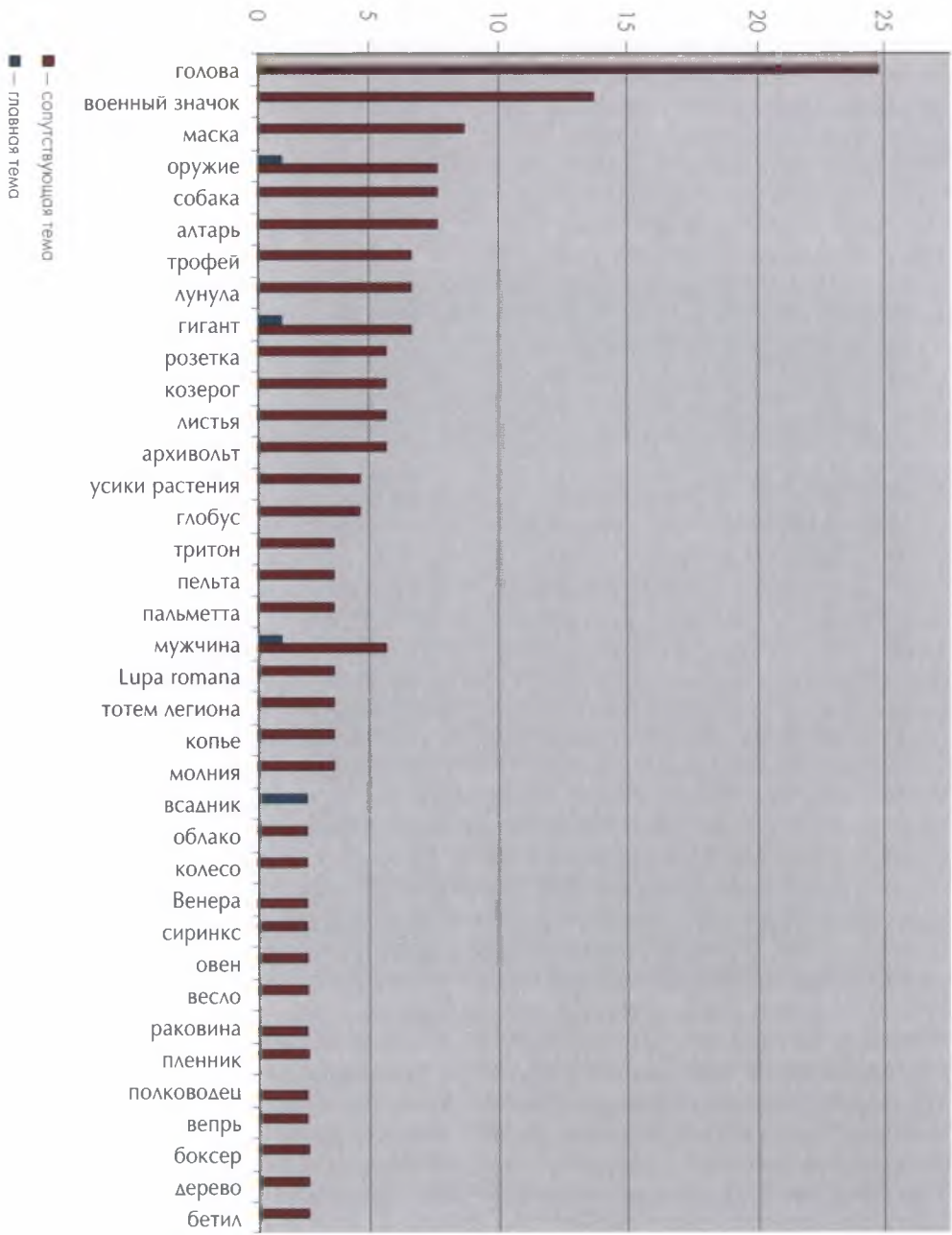
ции на щитах и панцирях (например, на панцире Афины). С течением времени ее лицо теряет пугающий вид, и только змеи и крылья напоминают о том, что это чудовище. В таком виде она появляется на масках шлемов, медальонах и конских налобниках.

Своим происхождением от богов моря горгона Медуза связана с многочисленными морскими чудовищами, которые изображаются на предметах вооружения и имеют здесь такое же значение апотропея. Змеи ассоциируются с хтоническим миром — преисподней.

Наконец, апотропическим символом является и сказочная птица гриф — существо с орлиной головой и львиным телом, как оно показано на шлеме из Шейк-Ибады [Schröder. 1905. S. 21. Abb. 8 (1022); Waurick. 1988 b. S. 362. K 118. S. 537].

Сценические композиции находятся только на шлемах из Тель Ом Хаурана (Нава) [Abdul-Hak. 1954–1955], Ньюстеда [Curler. 1911. P. 166. Pl. XXVII, XXVIII], Рибчестера [Robinson. 1975. P. 112–113] и Никюпа [Benndorf. 1878. S. 328. № 23. Taf. 12, 3; Robinson. 1975. P. 113. Pl. 317; Garbsch. 1978. O 16. S. 65. Taf. 19, 4]. Большинство сцен разворачивается вокруг войны и культа (сражения между римлянами и парфянами или между пехотинцами и всадниками с участием квадриг, пленников; коронация римского воина Викторией, а также жертвоприношения). Сцены с Эротами на шлеме из Ньюстеда

Диаграмма 2. Сюжеты парадной иконографии вооружения: основные темы, представленные более одного раза (по: Künzl. 2004)

выходят за рамки всех описанных выше сюжетов. Возможно, что в батальных сюжетах и сценах жертвоприношений отражались какие-либо реальные исторические события, однако интерпретировать их крайне сложно.

В другую сферу ведут представленные на нескольких нагрудных пластинах такие животные, как телец или козерог (*Capricornus*). Здесь мы имеем дело с символами определенных воинских подразделений, в основном легионов [Renel. 1903. P. 212; Ле Бозк. 2001. С. 376–377]. Например, телец встречается в III в. как символ легионов: III Галльского (*Gallica*), IV Македонского (*Macedonica*), V Македонского (*Macedonica*), VII Клавдиева (*Claudia*), VIII Августова (*Augusta*), X Образованного за проливом (*Fretensis*) и X Сдвоенного (*Gemina*). В I в. это животное было священным знаком Венеры, божественной прародительницы династии Юлиев-Клавдиев.

Лев являлся символом IV Флавиева (*Flavia*) и XIII Сдвоенного (*Gemina*) легионов. Козерог был символом I Вспомогательного (*Adiutrix*), II Августова (*Augusta*), IV Македонского (*Macedonica*), XIV Сдвоенного (*Gemina*), XXII Первородного (*Primigenia*) и XXX Ульпиева (*Ulpia*) легионов. Козерог был знаком императора Августа.

Знаком I Итальянского (*Italica*) и XX Валериева Победоносного (*Valeria Victrix*) легионов служил вепрь, а у II Итальянского (*Italica*) легиона в этом качестве выступает капитолийская волчица [Renel. 1903].

Таким образом, владелец одной из найденных в Карнунте нагрудных пла-

стин мог быть приписан к одному из двух италийских легионов, так как на пластине изображена капитолийская волчица. Владельцем другой нагрудной пластины из Карнунта был воин из XIV Сдвоенного (*Gemina*) легиона [Garbsch. 1978. S. 31]. Найденная в Орговани нагрудная пластина с изображением вепря и надписью *legio X Gemina* позволяет более или менее точно датировать эту находку: легион покинул Бригацион или Аквинк около 107 г. По всей видимости, нагрудная пластина тогда и была утеряна [Garbsch. 1978. P 7. S. 31, 77. Taf. 34. 2].

Римское парадное вооружение обильно украшено и на первый взгляд имеет поразительно разнообразную иконографию. Действительно, выделяется ряд тем, которые среди всего количества найденных предметов можно встретить только однажды, дважды или несколько раз. Это можно объяснить, по-видимому, индивидуальным вкусом заказчиков.

Согласно Э. Кюнцлю, иконография римского парадного вооружения дает следующую набор представленных персонажей и сюжетов [Künzl. 2004. S. 398–402]. Наиболее часто можно встретить изображения Марса, Минервы, орла, Виктории и змеи. Это основные персонажи декора римского парадного вооружения. Здесь прослеживается явное сходство с иконографией накладок на ножнах гладиусов типа Помпеи, несмотря на то, что на них нет изображений змей. Многочисленные изображения змеи не могут быть объяснены как митраистский элемент. Единственный намек на митраистскую иконографию можно видеть на поножи из Регенсбурга [Garbsch. 1978. G 1.

S. 56. Taf. 11. 1], где две змеи изображены обращенными к кратеру. Однако эта митраистская гипотеза совсем нереальна, так как изображение змеи не типично для митраистской иконографии. В змеях, которые встречаются в большинстве слу-

чаев парами, можно видеть скорее апотропей, поскольку змеи в этой роли, причем всегда парами, появляются на фресках помпейских ларариев.

Вообще сюжеты мистерий на парадном вооружении не играли никакой роли.

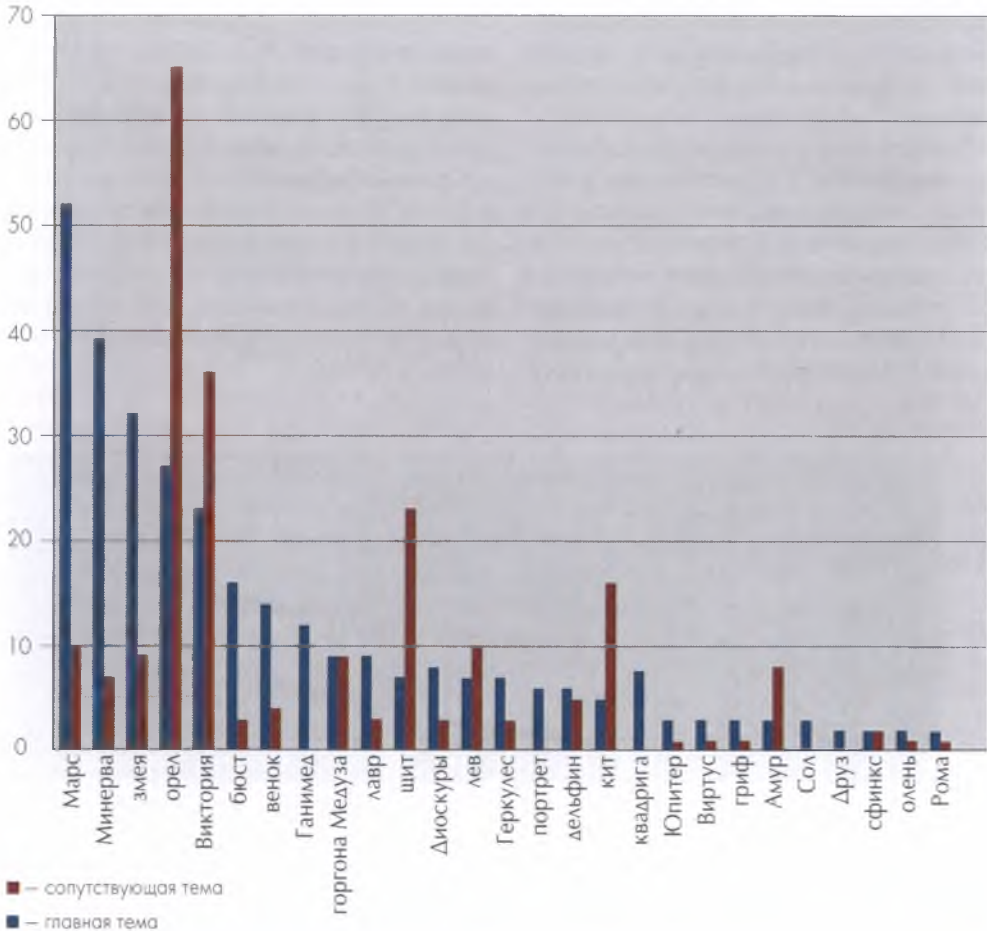

Диаграмма 3. Сюжеты парадной иконографии вооружения: сопровождающие темы, представленные более одного раза (по: Künzl. 2004).

Изида и Серапис отсутствуют совершенно, а Вакх и его мир изображаются только косвенно. Орел появляется и на памятниках, связанных с культом Юпитера Долихена, где он присутствует как животное небесного бога и бога погоды Долихена. Напротив, на парадном оружии не прослеживается никакой связи с культом Долихена; здесь нужно понимать орлов как животных Юпитера, как мотив апофеоза.

Для статистического результата этот факт не имеет большого значения, но он важен с точки зрения методологии, так как отсутствие тесной связи с актуальной религией мистерий как раз и характеризует мотивы декора парадного вооружения. Последнему свойственен консервативный художественный мир с образами

греческого классического искусства V–IV вв. до н. э.

Иллюстрированный ряд на вооружении, использовавшемся в *hippika gymnasium*, был частью закрытого воинского сообщества. Посторонние видели эти вещи редко, как правило, только на кавалерийских турнирах. Поэтому иконография предметов была обращена внутрь этого посвященного сообщества, и ее символизм был хорошо понятен в среде военных, служивших на протяжении периода от Октавиана Августа до Галлиена. В этот отрезок времени парадное и турнирное вооружение стало последним консервативным пристанищем античной иконографии, в которой олимпийские боги и их мир доминировали без ограничений.

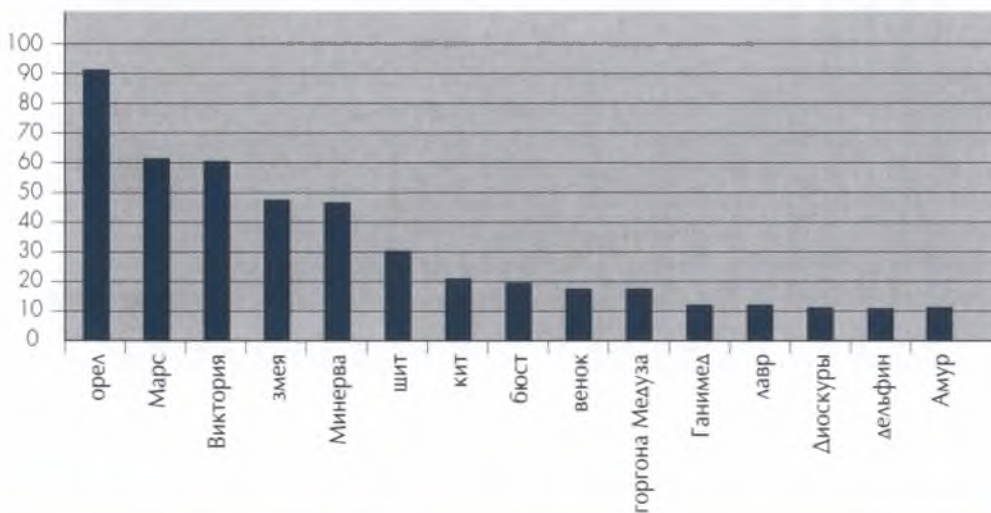

Диаграмма 4. Иконография парадного вооружения: 15 тем, представленных более десяти раз (по: Künzl. 2004)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели развитие римского парадного вооружения в период с начала I до конца III в., когда оно наиболее репрезентативно представлено археологическими находками. Какие же выводы можно сделать из наблюдений за эволюцией, распространением различных видов парадного оружия, их соотношением с боевым снаряжением и доспехом и их взаимным влиянием?

Как видим, в современном историческом оружьеведении произошло смешение римского парадного вооружения и защитного снаряжения, предназначенного для показов *hippika gymnasia*. И то и другое богато украшено, а также мало пригодно для реальной защиты сражающегося воина. На самом деле *hippika gymnasia* являлись своего рода праздничными, парадными действиями, а поэтому специально выделять предметы, предназначенные для кавалерийских турниров, нецелесообразно, так как появляется опасность неверной интерпретации некоторых артефактов. Скажем, выделять все шлемы с масками в качестве атрибута кавалерийских турниров (и, следовательно, называть их в духе Г. Р. Робинсона, «*Cavalry Sport helmets*») — значит совершенно игнорировать сообщения античных авторов об их использовании в парадных церемониях. Более логично именовать их парадно-турнирными. Хотя и это определение не совсем корректно для тех случаев, когда речь заходит о ранних шлемах с масками, которые имели очевидные за-

щитные свойства и почти наверняка применялись в бою. Вместе с тем от других видов снаряжения следует отделять исключительно парадное, использовавшееся в различных ритуальных процессиях римской армии, таких как триумфы и различные парады. К этому комплексу предметов относятся церемониальные доспехи военачальников (*logica musculata*) и всевозможные детали воинского снаряжения как составной части *ornamenta triumphalia* (*phalerae, torques, coronae*).

Наблюдая историю развития описанного комплекса снаряжения, можно уловить некоторые любопытные закономерности. Так, исключительно парадное вооружение, судя по изобразительным источникам, было в высшей степени консервативным. Это может быть объяснено именно консервативностью самой иконографии, часто подражавшей образцам более старой эллинистической традиции. К сожалению, наиболее дорогие парадные доспехи до нас не дошли и остались запечатленными только на изобразительных памятниках. Совершенно очевидно, что великолепные анатомически оформленные кирасы римских императоров и полководцев не могли сохраниться, в отличие от более дешевых и массовых предметов, которые дошли до нашего времени в составе кладов или фрагментарном виде. Поэтому судить о таких парадных доспехах можно лишь на основании иконографической традиции, которая не всегда отражала существующие реалии. Отсюда следует, что изучать парадное вооружение следует с большим привлечением изобразительных источников, нежели это было принято ранее, хотя

относиться ко многим источникам этого ряда нужно очень критически.

Парадно-турнирное вооружение наиболее репрезентативно представлено на рейнской и дунайской границах, а также в Нижней Германии и Паннонии. Несколько меньше открытий было сделано в Британии и Фракии. Лишь отдельными находками представлены собственно Италия и другие провинции. Наибольшее количество такого вооружения найдено в провинции Реция, что связывается с вторжениями аламанов в первой половине III в., от которых это дорогостоящее вооружение и прятали.

Географическое размещение находок парадно-турнирного снаряжения (как показатель практикования в той или иной воинской части кавалерийских турниров *hippika gymnasia*) вполне может указывать, на каких секторах границы дислоцировались наиболее элитные с точки зрения боевой выучки воинов-конников кавалерийские подразделения [Feugère. 1994. P. 7]. Практически нет сомнений, что подобное превосходство было характерно для отборных отрядов, размещавшихся на тех секторах границы, где были необходимы наиболее сильные кавалерийские подразделения. Но и «обычные» алы в других областях тоже были способны выполнять ежедневные задачи, обходясь без таких специальных навыков и быстроты. Вместе с тем такое расположение находок может указывать на те народы, которые служили в римских вспомогательных частях, будучи расквартированы на данных территориях, и приняли самое деятельное участие в формировании вышеописанного комплекса

снаряжения. Именно их влиянию следует приписывать наличие на некоторых образцах нехарактерных для основной массы римского вооружения особенностей.

Многие сюжеты, мотивы и персонажи, декорирования римского парадного вооружения, адаптированные под римские вкусы, как мы показали, были заимствованы из классической греческой иконографии военного снаряжения. На нем изображены Марс, Минерва, Виктория (Победа) со своими атрибутами — орлом и щитом, Юпитер. Последний является на некоторых изделиях в соседстве с тельцом, овном или волчицей, вскормившей Ромула и Рема. Парадное снаряжение, таким образом, использовалось, подобно умбонам щитов и ножнам мечей, как часть римской официальной пропаганды. Некоторые рельефные сцены (на шлемах из Ньюстеда, Никюпа и Навы) показывают римлян, сражающихся с парфянами, конницей и пехотой, а также участвующими в триумфах. Их образы дополнены фигурами реальных и мифических животных, чтобы отобразить в символической форме качества, требуемые от настоящего воина, или вызвать магические ассоциации (телец, вепрь, козерог). Кроме того, не следует забывать, что римские военные традиции были в значительной степени пронизаны религиозными представлениями, что римляне почитали божественную силу, приписывая предметам и лицам, и с этой целью украшали свое оружие религиозными символами. Таким образом, попытки отдельных исследователей найти галльские корни турнирного вооружения пока

ни к чему не приводят. Мы предполагаем, что воины вспомогательных частей заимствовали римское богато украшенное снаряжение и адаптировали его к местным условиям.

Поток находок парадно-турнирного вооружения обрывается с уничтожением лимеса, примерно в середине III в. И хотя, согласно письменным и иконографическим источникам, многие элементы прежней парадной паноплии, включая шлемы с масками, продолжали использоваться

также в IV и V вв., археологические подтверждения этому отсутствуют. Реформа вооружения была частью обширной реорганизации римской армии, проводившейся последними солдатскими императорами и тетрархами. Вспомогательная кавалерия старого стиля с ее специфическими традициями, по-видимому, пала жертвой этих переворотов, а с нею исчезли кавалерийские турниры и вооружение в эллинистическом стиле.

ДОПОЛНЕНИЕ

С момента написания и до момента своего выхода в свет эта книга прошла долгий путь до читателя. За это время появились новые интересные находки и не менее интересные гипотезы, без которых данная книга была бы неполной, а представленный в ней материал — устаревшим. По этой причине то, что не нашло отражения на страницах книги, читатель найдет в нескольких коротких очерках, ее дополняющих.

Реконструируя римские парадно-турнирные шлемы

Отличительной особенностью новых изданий, посвященных изучению римского вооружения, является наличие практически во всех из них глав, подробно рассматривающих технологию изготовления¹ на основе методов естествен-

¹ Наиболее информативны главы о технологиях римских оружейников в следующих изданиях: *Born H., Junkelmann M.* Römische Kampf- und Turnierrüstungen. Mainz, 1997; *Hanel N., Peltz U., Willer F.* Untersuchungen zu römischen Reiterhelmmasken aus der Germania inferior // *Bonner Jahrbücher*. 2000. 200. S. 243–274; *Sim D., Ridge I.* Iron for the Eagles: the Iron Industry in Roman Britain. Stroud, 2002; *Meijers R., Willer F.* Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme). Museum het Valkhof-Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 2007.

ных наук². Применение этих методов и специальных высокоточных приборов позволяет исследовать не только металлы, но и органику, благодаря чему появляется возможность узнать, как и с применением каких материалов изготавлилось оружие.

Это, в свою очередь, помогает выполнить точные реконструкции изучаемых предметов. Ранее в оружиеведческой литературе преобладали гипотетические реконструкции, выполненные в основном графически. В новых исследованиях зачастую проводится кропотливая работа по натурной реконструкции с применением аутентичных технологических приемов и материалов. Такое объединение высоких технологий и экспериментальной археологии открывает широкие возможности и горизонты познания античных технологий (металлургии и кузнечного ремесла).

Обращение к вопросам производства вооружения в названных ракурсах является актуальной задачей современного антиковедения и оружиеведения, поскольку позволяет последовательно раскрыть целую цепочку взаимосвязанных проблем, проанализировать не только сугубо технические моменты, но и общественно-экономические аспекты взаимоотношений армии и социума.

Исследования, проведенные совместными усилиями специалистов Музея древностей капеллы дворца Валкхоф в

² *Fulford M., Sim D., Doig A., Painter J.* In defence of Rome: a metallographic investigation of Roman ferrous armour from Northern Britain // *Journal of archaeological science*. 2005. 32. 2. P. 241–250.

Неймегене и Музея Рейнской земли в Бонне, показали, каким глубоким было знание особенностей материалов, использовавшихся для производства оружия, и какой высокой квалификацией обладали римские оружейники, изготавлившие богато украшенное вооружение.

Под микроскопом была исследована структура металла одной из масок, найденных в Неймегене. При этом было выявлено восемь слоев, образовавшихся из-за трехкратного складывания и сварки железа во время кузнечнойковки. Данная технология была необходима вследствие того, что римское железо было слишком мягким (низкоуглеродистое). Поэтому оружейники добивались оптимальной прочности путем правильного расположения слоев металлического изделия и его последующей проковки. Исследования показали, что изучаемые маски проковывались изнутри уже в остывшем состоянии, на последнем этапе кузнечных работ.

Для проверки защитных свойств такого железа был выкован аналогичный по своим характеристикам железный лист толщиной 1,5 мм, который затем был подвергнут экспериментальному испытанию. Вместе с современным листом железа такой же толщины он был обстрелян с расстояния семи метров из реконструкции римской ручной металлической оковки от которой обнаружили в Ксантене. Кроме того, та же процедура была проделана и с бронзовым листом толщиной 2,5 мм (состав 94% меди и 6% олова), похожим на тот, из которого была

изготовлена маска, найденная при раскопках в Дормагене (см. рис. 109 на стр. 101). В результате эксперимента стрела оставила глубокую вмятину на современном листовом железе и лишь поцарапала железо и бронзу, близкие по своим характеристикам к римским образцам. Это как нельзя лучше подтверждает пригодность римских шлемов с масками не только для кавалерийских турниров, где сражались дротиками с затупленными наконечниками, но и для защиты в условиях боя.

Изученные образцы были покрыты серебром, придававшим шлемам изумительный блеск и к тому же защищавшим железо от коррозии. Дополнительную защиту от сырости давали надетые на тульи парики из конского волоса с элементами текстильного покрытия (рис. 267). Их структуру удалось проследить по остаткам на трех шлемах из Неймегена и на одном из Ксантен-Вардта. Укреплялись такие парики посредством дополнительных широких лент, а также, видимо, пришивались сквозь отверстия на тулье шлема, либо приклеивались к ней клеем³ (рис. 268). В ходе натурной реконструкции на изготовление париков с их дополнительным украшением в виде ленточек и зигзагообразного плетения потребовалось не менее 150 часов упорного труда: совершенно очевидно, что украшение па-

³ Подробнее см.: *Meijers R., Willer F. Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Museum het Valkhof-Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 2007.

267

радно-турнирных шлемов было занятием отнюдь не легким и требовало определенных навыков. Для монтажа парика к тулье шлема понадобилось еще по меньшей мере 50 часов. Все говорит о том, что подобные изделия выделялись из общей массы продукции оружейников и стоили по сравнению с ней гораздо дороже.

Lorica musculata: от изображений к находкам

Как уже отмечалось на страницах этой книги, существует множество изображений римских императоров, полководцев и офицеров, облаченных в так называемую лорику мускулату – анатомически оформленный панцирь, изготов-

268

ленный в форме мужского торса с ярко выраженной или условно показанной мускулатурой. До недавнего времени изображения были единственным источником наших представлений о римских изделиях. Более ранние анатомически оформленные кирасы, созданные под греческим и эллинистическим влиянием, довольно часто находят в погребениях на территории Великой Греции и Этрурии. Собственно римские образцы, в силу отсутствия традиции помещения паноплий в могилы римлян периода поздней Республики и Империи, а также вследствие их дороговизны (особенно тех, что имели богатый декор и принадлежали высшему командному составу), могут сохраниться до наших дней лишь

267. Реконструкция шлема с волосяным париком по находкам из Неймегена. Неймеген, Музей древностей. Капелла двора Валкхоф (фото Museum het Valkhof, Nijmegen)

268. Реконструкция волосяного парика шлема на основе находок в Неймегене и Ксантен-Вардте (фото F. Willer)

случайно. Именно случайные находки становятся достоянием частных собраний. Хотя зачастую датировка подобных фрагментов вызывает определенные сомнения, тем не менее эти находки заслуживают внимания исследователей. Один фрагмент бронзового панциря с маскарон хранится в частной коллекции Дэвида Ксавье Кенни (рис. 269). Датировка данного предмета остается открытой, так как стиль, в котором выполнен приклепанный к бронзовому листу маскарон, более напоминает эллинистическую традицию. В бывшей коллекции А. Гуттмана также имелась нагрудная часть анатомически оформленного панциря, на которой совершенно отсутствовал какой-либо дополнительный декор (рис. 270). Этот экземпляр был датиро-

ван в аукционных каталогах довольно широко: I в. до н. э. — I в. н. э. Однако поскольку это случайная находка, то датировка проводилась по аналогии с римскими изображениями, вследствие чего в ее точной атрибуции нет полной уверенности.

Единственной находкой римской кирасы из золоченой бронзы являются богато декорированные фрагменты из погребения германского вождя в Кемнице, земля Бранденбург, округ Потсдам (Германия). В могилу были положены шесть фрагментов от трофейного римского панциря, на которых изобра-

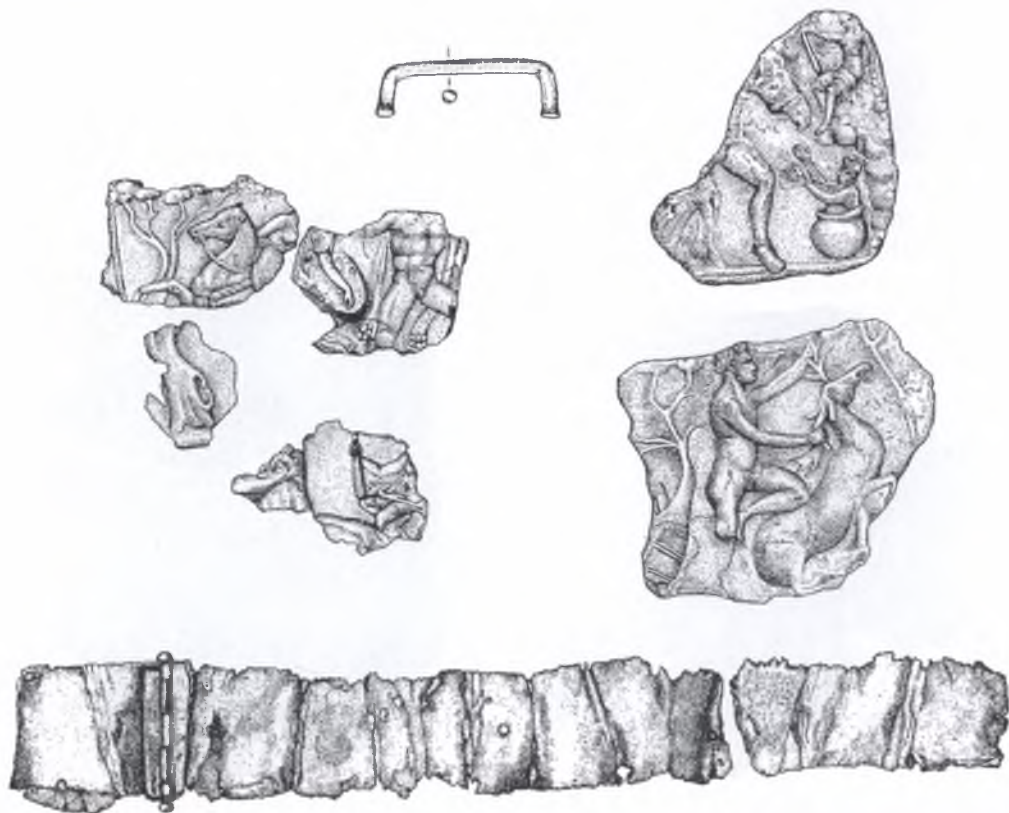
269. Фрагмент лорики мускулаты из частной коллекции Дэвида Ксавье Кенни. Происходит из старого английского частного собрания. Приобретен в Северной Африке в 1930-х гг. Бронза. Начало II в. (?)

270. Римский (?) бронзовый панцирь из бывшей коллекции А. Гуттмана (фото по Christies. L. 163)

жены подвиги Геракла (сцены с поимкой Керинейской лани, укрощением Эриманфского вепря и схваткой с царицей амазонок)⁴ (рис. 271). Контекст данной

находки подтверждает, что такие богато декорированные кирасы были очень дорогими предметами снаряжения высших офицеров римской армии и являлись желанным трофеем врагов Рима, которым было чем похвалиться, когда в их руки попадало это символическое воплощение силы и могущества Рима, а также символ высших римских воинских рангов.

⁴ Fischer Th. Bemerkungen zu Grab 622 von Kemnitz, Kreis Potsdam in Brandenburg. In: H. Friesinger / A. Stuppner (Hrsg.), Zentrum und Peripherie - Gesellschaftliche Phänomene der Frühgeschichte. Wien, 2004. S.131-141.

271. Фрагменты римского анатомического панциря из погребения германского вождя в Кемнице, земля Бранденбург, округ Потсдам (Германия)

Новые находки парадного вооружения

272

273

274

275

272. Фрагмент декорированной поножи из легионного лагеря в Новах. Бронза, II–III вв. Археологически резерват «Нове» (фото С. Димитрова)

273. Нагрудная пластина из Хеерлена (CORIOVALLVM), провинция Лимбург (Нидерланды). Бронза, II–III вв. Музей «Римские термы», Хеерлен (фото Р. Garland)

274. Фрагменты шлема с имитацией кудрей на тулье из Штраубинга, первая половина III в. н. э. Гаубоден-музей (фото D. Bullard)

275. Маска (тип Калькризе), проданная с торгов аукционным домом «Royal Athena» в 2007 г. Бронза, середина I в. Частная коллекция

276

277

278

279

280

281

282

276. Фрагменты шлема с имитацией кудрей на тулье из Штраубинга, первая половина III в. н.э. Гаубоден-музей (фото D. Bullard)

277. Маска (тип Герцогенбург) из Урспринга. Реконструкция А. Е. Негина на основе фрагментарно сохранившегося экземпляра. Середина — конец II в.

278. Маска (тип Силистра / Реска) из Штраубинга, первая половина III в. н. э. Гаубоден-музей

279. Маска (тип Реска). Бронза, вторая половина II в. Частная коллекция

280. Фрагмент (налобная пластина) парадного римского шлема из Лейдхе Рейн, провинция Утрехт. Нидерланды. Бронза, конец II — начало III в. Музей Утрехта

281. Маска (тип Неймеген) из раскопок 2006 г. в Неймегене, середина I в. н. э. Неймеген, Музей древностей. Капелла дворца Валкхоф (фото Museum het Valkhof, Nijmegen)

282. Шлем из Вурдена (Лаврий) (тип Хеддернхайм), позолоченная латунь, конец II — начало III в. Частная коллекция (рис. по: Nicolay J. A. W., van Rooijen A., Vos W. K. Een paradehelm uit Romeins Woerden // Archeobrief. 2008. 12. P. 2–8)

283

284

283. Туля шлема с маской из Крефельд-Геллепа (Гельдуба). Погр. 6059. Железо, середина II в. Крефельд, Музей замка Линн

284. Шлем из Мадары, конец II в. н. э. Шумен, Исторический музей (фото С. Димитрова)

АВТОРСТВО И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. V. Spinazzola. 1953. Т. 17.
2. M. Greenhalgh.
3. H. Kähler.
4. F. Tronchin.
5. А. Ежов.
6. G. Sumner.
7. А. Негин.
8. Deutsches Archäologische Institut Rome.
9. А. Негин.
10. R. Embleton.
11. А. Pangerl.
12. P. Connolly. Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz (RGZM).
13. Lawson. 1980. Abb. 2–3.
- 14–15. Nyland. 1993.
16. N. Grohmann (Junkelmann. 1996. Abb. 114).
17. М. Сур.
18. Corinium Museum.
19. Trustees of the British Museum.
20. Trustees of the British Museum.
21. RGZM.
22. Garbsch. 1978. Taf. 31, 3–4.
23. А. Негин.
24. Национален исторически музей, София.
25. Thomas. 1971. Taf. LII.
26. M. Bishop.
27. Private collection.
28. C. Mills.
29. А. Pangerl.
30. Vindonissa Museum.
31. P. Garland.
32. Rijksmuseum van Oudheden, Leiden.
33. Rheinisches Landesmuseum, Bonn.
34. А. Негин.
35. Garbsch. 1978. Abb. 1–3.
36. Garbsch. 1978. Taf. 35, 2.
37. E. Künzl.
38. Niederösterreichische Landesregierung — Lichtbildstelle.
39. Aquinnum museum.
40. E. Künzl.
41. Garbsch. 1978.
42. R. Münsterberg.
43. Niederösterreichische Landesregierung — Lichtbildstelle.
44. Feugère. 1994b.
45. С. Димитров.
46. Garbsch. 1978. Taf. 8, 1–2.
47. Robinson. 1975. Fig. 163–168.
48. Künzl. 1999b.
49. Garbsch. 1978. Taf. 34, 2.
50. J. Geranio.
51. Musée du Louvre.
53. Arheoloski muzej, Split.
54. A. Kuchling.
55. E. Moshkovich.
56. D. Teslam.
- 57–59. R. Seindal.
60. M. Greenhalgh.
61. M. Reuveni.
62. Musei Vaticani.
63. M. Greenhalgh.
64. А. Негин.
65. Scharf.
66. J. Denkinger.
67. Aquincumi Múzeum.
68. Robinson 1975. Pl. 505–507.
69. Niederösterreichische Landesregierung — Lichtbildstelle.
70. Garbsch. 1978. Taf. 38, 5.
71. Garbsch. 1978. Taf. 38, 1.
72. Garbsch. 1978. Taf. 11, 1.
73. А. Негин.
74. Kellner. 1978.
75. Garbsch. 1978. Taf. 39, 5.
76. Scharf.
77. Landesmuseum, Mainz.

78. Museum of Antiquities of the University of Antiquaries of Newcastle upon Tyne.
79. RGZM.
80. P. Connolly.
81. Turnure. 1965. Pl. 2.
82. Kropatscheck. 1911. Taf. 39. 2.
83. Kulturgeschichtliches Museum, Osna-brück.
- 84–91. А. Негин.
- 92–93. Private collection.
94. А. Негин.
95. А. Pangerl.
96. Rijksmuseum van Oudheden, Leiden.
97. Museum het Valkhof, Nijmegen.
98. R. Bongers.
99. Археологически музей, Пловдив.
100. Deutsches Archäologische Institut, Da-mascus.
101. M. Greenhalgh.
102. Saint-Germain-en-Laye, Musée des Anti-quités nationales.
103. К. Göken.
- 104–105. Saint-Germain-en-Laye, Musée des Antiquités nationales.
106. Antikensammlung — Staatliche Museen zu Berlin.
107. Private collection.
108. А. Негин.
109. Hanel, Peltz, Willer. 2000.
110. Antike Helme. 1988. Abb. K117a-c.
111. С. Mills.
112. Kunsthistorisches Museum, Wien.
113. Abdul-Hak. 1954–1955. P. 164.
114. А. Негин.
115. Antike Helme. 1988. Abb. K117d.
116. Robinson. 1975. Pl. 349–351.
117. Europäischer Kulturpark Bliesbruck-Rein-heim.
118. А. Лемешко.
119. А. Негин.
120. Trustees of the British Museum.
121. M. Greenhalgh.
122. Espérandieu. 1913. Nr. 4421.
123. С. Mills.
124. Kunsthistorisches Museum, Wien.
125. А. Негин.
126. Robinson. 1975. Pl. 329.
127. S. Collins.
128. Private collection.
129. Регионален исторически музей, Силистра.
130. Регионален исторически музей, Стара Загора.
131. M. Greenhalgh.
132. RGZM.
133. А. Негин.
134. J. Paul Getty Museum.
135. Museo Teramo.
136. А. Негин.
137. Trustees of the British Museum.
138. Н. Born, К. Göken.
139. А. Негин.
140. Варненски археологически музей.
- 141–142. С. Mills.
143. RGZM.
144. Württembergisches Landesmuseum, Stut-tgart.
145. Niederösterreichische Landesregierung — Lichtbildstelle.
146. А. Pangerl.
147. Württembergisches Landesmuseum, Stut-tgart.
148. RGZM.
149. А. Негин.
150. А. Pangerl.
151. Prähistorische Staatssammlung, München
152. RGZM.
153. Scharf.
- 154–155. Gäubodenmuseum, Straubing
- 156–157. Scharf.
158. RGZM.

- 159.** E. Cormany.
160. A. Pangerl.
161. Prähistorische Staatssammlung, München.
162. Garbsch. 1978. Taf. 21, 2.
163. Garbsch. 1978. Taf. 20, 3.
164. A. Pangerl.
165. Garbsch. 1978. Taf. 21, 4.
166–167. M. Greenhalgh.
168. C. Mills.
169. Garbsch. 1978. Taf. 24, 4.
170. Garbsch. 1978. Taf. 25, 1–2.
171–172. А. Негин.
173. Н. Born, К. Göken.
174–175. Niederösterreichische Landesregierung — Lichtbildstelle.
176. Kunsthistorisches Museum, Wien.
177–178. Gäubodenmuseum, Straubing.
179. А. Негин.
180. К. Göken.
181. М. Rind. 1991. S. 91.
182–183. А. Негин.
184. Исторически музей Ловеч.
185. Prähistorische Staatssammlung, München.
186. Benndorf. 1878. Taf. I, 1.
187–188. А. Pangerl.
189. Robinson. 1975. Pl. 370–372.
190. А. Негин.
191. Garbsch. 1978. Taf. 1, 3.
192–193. С. Mills.
194. Garbsch. 1978. Taf. 26, 4.
195. М. Greenhalgh.
196. Г. Пинтерович.
197. Garbsch. 1978. Taf. 26, 3.
198. C. von Carnap-Bornheim.
199. А. Негин.
200. Robinson. 1975. Pl. IV–V.
201. А. Негин.
202. Garbsch. 1978. Taf. 32.
203. Thomas. 1971. Taf. 5.
204. А. Козленко.
205. Toynbee, Clarke. 1948.
206. RGZM.
207. Регионален исторически музей, Силистра.
208. А. Негин.
209. М. Harrsch.
210. Garbsch. 1978. Taf. 30, 3.
211. RGZM.
212. Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg.
213–214. М. Greenhalgh.
215. Waurick. 1988b.
216–217. М. Greenhalgh.
218. Garbsch. 1978. Taf. 46, 4.
219. Garbsch. 1978. Taf. 11, 2.
220. М. Greenhalgh.
221. Curle. 1911. Pl. XXI.
222. C. Mills.
223. Driel-Murray, van. 1989. Fig. 5.
224. Garbsch. 1978. Taf. 47, 1.
225. Garbsch. 1978. Taf. 47, 2.
226. Garbsch. 1978. Taf. 13, 1.
227. Prähistorische Staatssammlung, München.
228. Kellner. 1978.
229. Prähistorische Staatssammlung, München.
230. А. Pangerl.
231. Prähistorische Staatssammlung, München.
232. RGZM.
233. C. Mills.
234. RGZM.
235. Garbsch. 1978. Taf. 5, 1.
236. Garbsch. 1978. Taf. 5, 2.
237. А. Негин.
238. Garbsch. 1978. Taf. 6, 2.
239. А. Pangerl.

- 240.** Prähistorische Staatssammlung, München.
- 241.** Museo Archeologico Regionale di Aosta.
- 242–244.** Yale University Art Gallery.
- 245–247.** RGZM.
- 248.** Garbsch. 1978. Taf. 40.
- 249.** Garbsch. 1978. Taf. 42, 2.
- 250.** Garbsch. 1978. Taf. 43, 3.
- 251.** RGZM.
- 252.** M. Greenhalgh.
- 253.** Тревер. 1940. Табл. I.
- 254.** Generaldirektion Kulturelles Erbe Rheinland-Pfalz, Direktion Landesarchäologie, Außenstelle Koblenz.
- 255.** M. Greenhalgh.
- 256.** А. Негин.
- 257–258.** M. Greenhalgh.
- 259.** Maxfield. 1981. Fig. 12.
- 262–264.** А. Негин.
- 265–266.** Archivio IGDA.
- 267.** Museum het Valkhof, Nijmegen.
- 268.** F. Willer.
- 269.** D. Kenney.
- 270.** Christies. L. 163.
- 271.** Fischer Th. 2004. Abb. 1–3.
- 272.** С. Димитров.
- 273.** P. Garland.
- 274.** D. Bullard.
- 275.** Cat. «Royal Athena». 2007.
- 276.** D. Bullard.
- 277.** А. Негин.
- 278.** D. Bullard.
- 279.** Kunsthandel. Galerie Puhze. Kat. 12. 1997. No. 79.
- 280.** Archeologie museum, Leidsche Rijn.
- 281.** Museum het Valkhof, Nijmegen.
- 282–283.** А. Негин.
- 284.** С. Димитров.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

- Аmm. — *Аmmиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского, А. Сони. СПб., 1994.
- App. Lib. — *Аппиан*. Римская история / Пер. С. П. Кондратьева; комментарии С. П. Кондратьева, Е. М. Штаерман, Т. Д. Златковской // ВДИ. 1950. № 2–4.
- App. Rup. — *Аппиан*. Римская история / Пер. С. П. Кондратьева; комментарии С. П. Кондратьева, Е. М. Штаерман, Т. Д. Златковской // ВДИ. 1950. № 2–4.
- Astronomica — *Манилий*. Астрономика, или Наука о гороскопах / Пер. с лат. Е. М. Штаерман. М., 1995.
- В. Н. — *Caesar*. С. Iulii Caesaris Commentarii rerum gestarum / Ed. O. Seel. Vol. III. P. II: De bello Hispanico, fragmenta. Lipsiae, 1896.
- Cic. Pro Flacco. — *Цицерон, Туллий М.* Речь в защиту Л. Валерия Флакка / Пер. с лат. В. О. Горенштейна // Вестник древней истории. 1986. № 4. С. 188–215.
- Cic. Tusc. disp. — *Цицерон*. Тускуланские беседы // Цицерон. Избранные произведения. М., 2000.
- CIL. — *Corpus inscriptionum Latinarum*. Vol. I–XVI. Berolini, 1863 — ...
- Dio Cass. — *Cassii Dionis Cocceiani Historiarum romanarum quae supersunt* / Ed. U. Ph. Boissevain. Vol. I–V. Berolini, 1898–1931.
- Dion. Hal. Ant. Rom. — *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности: В 3 т., 20 кн. // Историческая библиотека: Античная история. М., 2005.
- Flac. Argon. — *C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo* / Recognovit A. Baehrens. Lipsiae, 1875.
- Flor. — *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.
- Hdt. — *Геродот*. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Heliod. — *Гелиодор*. Эфиопика, или Теаген и Хариклея / Пер. под ред. А. Егунова // Греческий роман. М., 1988.
- Herod. — *Геродиан*. История императорской власти после Марка / Пер. под ред. А. И. Доватура. М., 1996.
- Hesiod. Aspis — *Гесиод*. Щит Геракла / Пер. О. П. Цыбенко // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. М., 1999.
- Hom. Il. — *Гомер*. Илиада / Пер. Н. Гнедича. М., 1978.
- Horat. Serm. — *Гораций Флакк, Кв.* Оды / Пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского // Собрание сочинений. М., 1993.
- ILS. — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. Vol. I–III. Berolini, 1954–1955.
- Ios. B. Jud. — *Флавий Иосиф*. Иудейская война / Пер. Я. Л. Чертка. Минск, 1991.
- Iuv. — *Ювенал*. Сатиры. М.; Л., 1937.
- Lib. Or. — *Либаний*. Речь / Пер. С. Шестакова. Казань, 1914–1916. Т. 1–2.
- Liv. — *Ливий Тит*. История Рима от основания города / Пер. Н. В. Брагинской // Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе. Т. 1. М., 1989.
- Luc. Quom. hist. conscrib. — *Лукиан*. Как следует писать историю / Пер. С. В. Толстой // Лукиан. Собрание сочинений / Пер. под ред. Б. Л. Богаевского. Т. II. М.; Л., 1935.
- Nazar. Paneg. — *Nixon C. E. V., Rodgers B. S.* In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Introduction, Translation and Historical Commentary. Transformation of the Classical Heritage vol. 21. Berkeley, 1994.

- Not. Dig. — Notitia dignitatum / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876
- Plin. N. h. — C. Plini Secundi Naturalis historia / Rec. D. Detlifsen. Vol. IV–V. Berolini, 1871–1873.
- Plut. Caesar. — *Плутарх*. Гай Цезарь // Плутарх. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1994.
- Plut. Brut. — *Плутарх*. Брут // Плутарх. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1994.
- Plut. Quaest. Rom. — *Плутарх*. Моралии: Сочинения / Пер. М. Л. Гаспаров, Н. В. Брагинская. М.; Харьков, 1999.
- Plut. Rom. — *Плутарх*. Ромул / Пер. В. Алексеева // Плутарх. Избранные жизнеописания / Изд. подгот. М. Томашевская. Т. I. М., 1987.
- Serv. In Aen. — *Вергилий*. Энеида. С комментариями Сервия / Пер. Н. А. Федорова. М., 2001.
- SHA — Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1992.
- Sil. Pun. — Silius Italicus. La guerre punique / Texte etabli et traduit par M. Martin, G. Devallet. T. IV. Paris, 1992.
- Suet. Tib. — *Светоний*. Тиберий // Светоний Транквилл, Г. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1993.
- Tac. An. — *Тацит*. Анналы / Пер. А. С. Бобовича // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Т. I. М., 1993.
- Tac. Hist. — *Тацит*. История / Пер. Г. С. Кнабе // Там же. Т. II. М., 1993.
- Tact. — Arriani Tactica // Arrian. Tactical Handbook and the Expedition Against the Alans / Transl. and ed. by J. G. DeVoto. Chicago, 1993.
- Tertul. Apol. — *Тертуллиан*. Апология // Творения Тертуллиана, христианского писателя, в конце I и начале II в. СПб., 1847.
- Tertul. De sobop. — *Тертуллиан*. О венце // Творения Тертуллиана, христианского писателя, в конце I и начале II в. СПб., 1847.
- Varro. L. L. — M. Terentii Varronis de lingua latina librorum quae supersunt. Leipzig, 1833.
- Veget. — *Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркетники. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.
- Vell. Pat. — «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. Воронеж, 1985.
- Virg. Aen. — *Вергилий*. Энеида / Пер. С. Ошерова // Вергилий. Собрание сочинений / Под ред. Ф. Петровского. СПб., 1994.
- Xen. Anab. — *Ксенофонт*. Анабасис / Пер. М. И. Максимовой. М., 1951.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования на русском языке

- Абрамзон. 1994 — *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994.
- Дякович. 1906–1907 — *Дякович Б.* Тракийската гробница при Пловдив и некрополът на дrevния град // Сборник за народни умотворения. 1906–1907. Вып. XXII–XXIII. С. 1–55.
- Горелик. 1982 — *Горелик М. В.* Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 90–105.

- Горелик. 1995 — *Горелик М. В.* Вооружение народов Восточного Туркестана в древности и раннем Средневековье // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Хозяйство, материальная культура. М., 1995. С. 359–429.
- Иванчик. 1988 — *Иванчик А. И.* Воины-псы: Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. М., 1988. № 5. С. 45–47.
- Колобов. 1998 — *Колобов А. В.* Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата // Вестник Пермского университета. Сер. История. 1998. Вып. 2. С. 27–34.
- Колобов. 1999 — *Колобов А. В.* Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.
- Колобов. 2000 — *Колобов А. В.* Геркулес и римская армия ранней Империи (на материале западной части Балкано-Дунайского региона) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. 9. С. 40–46.
- Ле Бозк. 2001 — *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи ранней Империи. М., 2001.
- Махлаюк. 2000 — *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи: Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.
- Махлаюк. 2006 — *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. СПб., 2006.
- Неверов. 1996 — *Неверов О. Я.* Римские наградные знаки — фалеры из коллекции Эрмитажа // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1996. Вып. 3. С. 116–120.
- Негин. 2004 — *Негин А. Е.* К вопросу о защитном вооружении римских катафрактариев и клибанариев // Материалы IX чтений памяти проф. Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Н. Новгород, 29–30 октября 2004 г. Н. Новгород, 2004. С. 45–49.
- Негин. 2005 — *Негин А. Е.* Клады римского парадного вооружения в провинции Реция // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР С. И. Архангельского, 25–26 февраля 2005 г. Ч. 1. Н. Новгород, 2005а. С. 60–63.
- Негин. 2005а — *Негин А. Е.* О заимствовании римлянами драконообразных штандартов // Наш «Анабасис». Вып. 3. Н. Новгород, 2005б. С. 40–46.
- Негин. 2005б — *Негин А. Е.* Снаряжение центуриона в эпоху Юлиев-Клавдиев // Воин. 2005. № 2. С. 10–13.
- Негин. 2006 — *Негин А. Е.* Гладияторские шлемы // *Para Bellum*. 2006. № 26. С. 21–40.
- Парфенов. 1994 — *Парфенов В. Н.* Принципат Августа: Армия и внешняя политика. Саратов, 1994.
- Парфенов. 2001 — *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
- Пятышева. 1966 — *Пятышева Н. В.* Железная маска из Херсонеса. М., 1966.
- Тревер. 1940. — *Тревер К. В.* Серебряное навершие сасанидского штандарта // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л., 1940. С. 167–179.
- Филов. 1923 — *Филов Б.* Шлемът маска в музея при Пловдиската Народна Библиотека // Годишник Народна библиотека в Пловдив. 1923. С. 123–139.
- Чернышов. 1994 — *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке». Ч. 2. Новосибирск, 1994.

Исследования на европейских языках

- Abdul-Hak. 1951 — *Abdul-Hak S.* Catalogue illustre du Departement des Antiquites Greco-Romaines au Musee de Damas. Damaskus, 1951.
- Abdul-Hak. 1954–1955 — *Abdul-Hak S.* Rapport préliminaire sur des objets provenant de la nécropole romaine située a proximité de Nawa (Hauran) // *Les Annales Archéologiques de Syrie*, 1954–1955. Т. 4–5. Р. 163–188.

- Antika. 1954 — Antika u Narodnom muzeju u Beogradu. Beograd, 1954.
- Beck, Chew. 1991 — *Beck F., Chew H.* Masques de fer. Un officier romain du temps de Caligula. Musée des Antiquités Nationales, St. Germain en Laye. Paris, 6 nov. 1991 — 4 fév. 1992. Paris, 1991.
- Benndorf. 1878 — *Benndorf O.* Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken // Denkschrift der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. 1878. Bd. 28. Hf. 187.
- Berger, Franzius, Schlüter. 1991 — *Berger F., Franzius G., Schlüter W., Wilbers-Rost S.* Archäologische Quellen zur Varusschlacht? Die Untersuchungen in Kalkriese, Stadt Bremische, sowie Venne und Schwagstorf, Gemeinde Ostercappeln, Landkreis Osnabrück // Antike Welt. 1991. № 22/4. S. 221–234.
- Bishop, Coulston. 1993 — *Bishop M. C., Coulston J. C. N.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome, London 1993.
- Bohry. 1990 — *Borhy L.* Zwei neue Parade-Brustplatten im Ungarischen Nationalmuseum // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1990. Bd. 55. S. 299–307.
- Born. 1989 — *Born H.* Antike Herstellungstechniken: Gegossene Brustpanzer und Helme aus Italien // Acta praehistorica et archaeologica. 1989. Bd. 21. S. 99–115.
- Born. 1993 — *Born H.* Restaurierung antiker Bronzewaffen. Mainz, 1993.
- Born, Hansen. 1994 — *Born H., Hansen S.* Frühgriechische Bronzehelme. Mainz, 1994.
- Born, Junkelmann. 1997 — *Born H., Junkelmann M.* Römische Kampf- und Turnierrüstungen. Mainz, 1997.
- Boschung. 1987 — *Boschung D.* Roemische Glasphalerae mit Portraetbusten // Bonner Jahrbücher. 1987. Bd. 187. S. 255–258.
- Boyce. 1942 — *Boyce A. A.* The origin of ornamenta triumphalia // Classical Philology. 1942. Vol. 37. N 2. P. 130–141.
- Braat. 1939 — *Braat W. C.* Romeinsche helmen in het Rijksmuseum van Oudheden // Oudheidkundige Mededelingen. 1939. Bd. 20. S. 29–46.
- Braccesi. 1987 — *Braccesi L.* Germanico e l'imitatio Alexandri in occidente // Germanico. La persona, la personalita, il personaggio nel bimillenario dalla nascita. Atti del convegno Macerata-Perugia 9–11 Maggio 1986. Università degli Studi di Macerata: Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. (Roma, 1987). 39. P. 53–65.
- Bujukliev. 1986 — *Bujukliev H.* La Necropole Tumulaire Thrace pres de Catalka, Region de Stara Zagora. Sofia, 1986.
- Büttner. 1957 — *Büttner A.* Untersuchungen über Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen in roemischen Heer // Bonner Jahrbücher. 1957. Bd. 157. S. 127–180.
- Casson, Venedikov. 1977 — *Casson L., Venedikov I.* Thracian Treasures. Katalog. N. Y., 1977.
- Connolly. 1975 — *Connolly P.* The Roman Army. London, 1975.
- Connolly. 1981 — *Connolly P.* Greece and Rome at War. London, 1981.
- Connolly. 1988 — *Connolly P.* Tiberius Claudius Maximus — The Cavalryman. Oxford, 1988.
- Craddock. 1984 — *Craddock P. T.* The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze // Studi Etrusci. 1984. Vol. 52.
- Cresci Marrone. 1987 — *Cresci Marrone G.* Germanico e l'imitatio Alexandri // Germanico. La persona, la personalita, il personaggio nel bimillenario dalla nascita. Atti del convegno Macerata-Perugia 9–11 Maggio 1986. Università degli Studi di Macerata. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. (Roma, 1987). 39. P. 67–77.
- Curle. 1911 — *Curle J.* A Roman Frontier Post and its People. The Fort at Newstead. Glasgow, 1911.
- Curle. 1915 — *Curle J.* On a Roman visor helmet recently discovered near Nijmegen, Holland // Journal of Roman Studies. 1915. Vol. 5. P. 81–86.

- Déchelette. 1903 — *Déchelette J.* La sépulture de Chassenard et les coins monétaires de Paray-le-Monial // *Revue Archéologique*. Ser. 4. 1903. Vol. 1. P. 235–258.
- Detten, Gechter. 1988 — *Detten D., von, Gechter M.* Ein römischer Reiterhelm aus Xanten // *Ausgrabungen im Rheinland 1987*. Köln, 1988. S. 63–64.
- Domaszewski, von. 1967 — *Domaszewski A., von.* Die Rangordnung des römischen Heers. Köln, 1967.
- Donner, von Richter. 1894 — *Donner R. O., von.* Die Hedderheimer Helme // *Mittheilungen über römische Funde in Heddernheim*. Hf. 1. 1894. S. 21–50.
- Drexel. 1924 — *Drexel F.* Römische Paraderüstung // *Strena Buliciana*. Zagreb; Split, 1924. S. 55–72.
- Driel-Murray, van. 1989 — *Driel-Murray C., van.* The Vindolanda chamfrons and miscellaneous items of leather horse gear // *Roman Military Equipment: the Sources of Evidence. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference, British Archaeological Reports, International*. Ser. 476. Oxford, 1989. P. 281–318.
- Enkevort, Willems. 1994 — *Enkevort H. L. H., van, Willems W. J. H.* Roman cavalry helmets in ritual hoards from the Kops Plateau at Nijmegen, The Netherlands // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 1994. Vol. 5. P. 125–137.
- Engelhardt. 1863 — *Engelhardt C.* Thorsbjerg Fundet. Copenhagen, 1863.
- Espérandieu. 1913 — *Espérandieu E.* Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule Romaine. T. 5. Paris, 1913.
- Fabricius. 1906 — *Fabricius E.* Das Kastell Weißenburg // *Der obergermanisch-raetische Limes des Römerreiches*. 1906. Bd. 72.
- Fairon, Moreau-Maréchal. 1983 — *Fairon G., Moreau-Maréchal J.* La tombe au casque de Weiler, commune d'Autelbas, près d'Arlon // *Germania*. 1983. Bd. 61. P. 551–564.
- Feugère. 1993 — *Feugère M.* Les armes des romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris, 1993.
- Feugère. 1994 — *Feugère M.* Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain. Paris, 1994a.
- Feugère. 1994 — *Feugère M.* Cavalry sports equipment in southern Gaul // *Arma*. 1994b. Vol. 6. N 4. P. 4–10.
- Franzius. 1993 — *Franzius G.* Die römischen Funde aus Kalkriese // *Kalkriese — Römer im Osnabrücker Land. Archäologische Forschungen zur Varusschlacht*. Bramsche, 1993. S. 107–182.
- Fuchs. 1855 — *Fuchs J. M.* Bemerkungen über eine zu Weißenburg aufgefundenene römische Maske. Programm Ansbach. Ansbach, 1855.
- Gall, von. 1970 — *Gall H., von.* Zur figurativen Architekturplastik des Großen Tempels von Hatra // *Bagdader Mitteilungen*. 1970. Vol. 5. S. 7–32.
- Gamber. 1968 — *Gamber O.* Kataphrakten, Clibanarii, Normannenreiter // *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlung in Wien*. 1968. Bd. 64. S. 7–44.
- Garbsch. 1978 — *Garbsch J.* Römische Paraderüstungen. München, 1978.
- Gergel. 1991 — *Gergel R. A.* The Tel Shalem Hadrian Reconsidered // *American Journal of Archaeology*. 1991. Vol. 95. N 2. P. 231–251.
- Grant. 1978 — *Grant M.* Mity rzymskie. Warszawa, 1978. S. 263.
- Grollier. 1901 — *Grollier M., von.* Römische Waffen // *Die Römische Limes in Österreich*. Wien, 1901. Bd. II. 1901.
- Hanel, Peltz, Willer. 2000 — *Hanel N., Peltz U., Willer F.* Untersuchungen zu römischen Reiterhelmmasken aus der Germania inferior // *Bonner Jahrbücher*. 2000. Bd. 200. S. 243–274.
- Hoffiller. 1910–1911 — *Hoffiller V.* Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva // *Vjestnik Hrvatskoga Arheoloskoga Drustva*. Zagreb, 1910–1911. Bd. 11. S. 145–240.
- Hyland. 1993 — *Hyland A.* Training the Roman Cavalry from Arrian's *Ars Tactica*. Stroud, 1993.

- Ingersoll. 1928 — *Ingersoll E.* Dragons and Dragon Lore. N. Y., 1928.
- Jaeckel. 1965 — *Jaeckel P.* Pergamenische Waffenreliefs // Waffen und Kostümkunde, siebenter Band. 1965. Bd. 2. S. 94–122.
- Jahn. 1860 — *Jahn O.* Die Lauersforter Phalerae. Fest-Programm zu Winckelmanns Geburtstage. Bonn, 1860.
- James. 1988 — *James S.* The fabricae: state arms factories of the Late Roman Empire // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference. British Archaeology Reports International. Ser. 394. Oxford, 1988. P. 257–331.
- James. 2004 — *James S.* The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment. London, 2004.
- Jucker. 1977 — *Jucker H.* Dokumentationen zur Augustusstatue von Primaporta // Heft des Archäologisches Seminars der Universität Bern. 1977. Bd. 3. S. 16–37.
- Junkelmann. 1991 — *Junkelmann M.* Die Reiter Roms. T. 2: Der militärische Einsatz. Mainz, 1991.
- Junkelmann. 1996 — *Junkelmann M.* Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz a/R., 1996.
- Junkelmann. 2001 — *Junkelmann M.* Römische helme. Mainz, 2001.
- Kalee. 1981 — *Kalee C. A.* Een fragmentje van een Romeinse gezichtshelm uit De Meern (Utr.) // Westerheem. 1981. Bd. 30. S. 66–69.
- Kam. 1915 — *Kam G. M.* Antieke helmen in het museum «Kam» // Bulletin van den Nederlandschen Oudheidkundigen Bond. Ser. 2. 1915. Bd. 8. S. 258–266.
- Keim, Klumbach. 1951 — *Keim J., Klumbach H.* Der römische Schatzfund von Straubing. München, 1951.
- Kellner. 1978 — *Kellner H. J.* Der römische Verwahrung von Eining // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1978. Bd. 29.
- Kern. 1982 — *Kern G., von.* Die Stilentwicklung des Riefelharnisches. München, 1982.
- Kiechle. 1965 — *Kiechle F.* Die «Taktik» des Flavius Arrianus // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1965. Bd. 45. S. 87–129.
- Klengel. 1971 — *Klengel H.* Syria Antiqua. Leipzig, 1971.
- Klumbach. 1949–1950 — *Klumbach H.* Römische Gesichtshelme aus Mainz // Mainzer Zeitschrift. 1949–1950. S. 44–45.
- Klumbach. 1960 — *Klumbach H.* Ein Paradeschildbuckel aus Miltenberg // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1960. Bd. 25. S. 125–132.
- Klumbach. 1971 — *Klumbach H.* Ein neuer römischer Paradeschildbuckel // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1971. Bd. 36. S. 283–289
- Klumbach. 1977 — *Klumbach H.* Ein Paradeschildbuckel aus Brigetio // Studien zu den Militärgrenzen Roms II. Köln, 1977. S. 199–206.
- Klumbach, Wamser. 1976–1977 — *Klumbach H., Wamser L.* Ein Neufund zweier außergewöhnlicher Helme der römischen Kaiserzeit aus Theilenhofen, Landkreis Weißenburg-Gunzenhausen. Ein Vorbericht // Jahresbericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege. 1976–1977. Bd. 17–18. S. 41–61.
- Koch, Sichtermann. 1982 — *Koch G., Sichtermann H.* Römische Sarkophage. München, 1982.
- Kohlert. 1976 — *Kohlert M.* Zur Entwicklung, Funktion und Genesis römischer Gesichtsmasken in Thrakien und Niedermösien // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1976. Bd. 25. S. 509–516.
- Krier, Reinert. 1993 — *Krier J., Reinert F.* Das Reitergrab von Hellingen. Die Treverer und das römische Militär in der frühen Kaiserzeit. Luxemburg, 1993.
- Kropatscheck. 1909 — *Kropatscheck G.* Ausgrabungen bei Haltern: Die Fundstücke der Jahre 1905–1907 // Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen. 1909. Bd. 5. S. 323–358.
- Kubitschek. 1923 — *Kubitschek W.* Signa (militaria) // RE Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrg. von G. Wissowa. 1923. Bd. II. A. 2. Sp. 2335–2345.

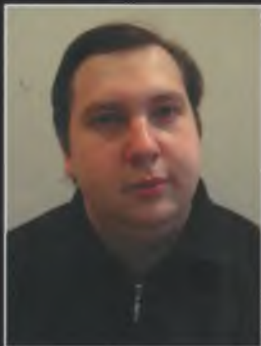
- Künzl. 1988 — *Künzl E.* Der römische Triumph: Siegesfeiern im antiken Rom. München, 1988.
- Künzl. 1996 — *Künzl E.* Gladiusdekorationen der frühen römischen Kaiserzeit: Dynastische Legitimation, Victoria und Aurea Aetas // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1996. Bd. 43. S. 383–474.
- Künzl. 1997 — *Künzl E.* Waffendekor im Hellenismus // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 1997. Vol. 8. S. 61–89.
- Künzl. 1999 — *Künzl E.* Fellhelme. Zu den mit organischem Material dekorierten römischen Helmen der frühen Kaiserzeit und zur imitatio Alexandri des Germanicus // Rom, Germanien und die Ausgrabungen von Kalkriese: Internationaler Kongress der Universität Osnabrück und des Landschaftsverbandes Osnabrücker Land e. V. vom 2. bis 5. September 1996. Osnabrücker Forschungen zu Altertum und Antike-Rezeption. (Bramsche, 1999a). Bd. 1. S. 149–168.
- Künzl. 1999b — *Künzl E.* Zur Ikonographie römischer Pferdestirnpanzer // *M. Kemkes u. J. Scheuerbrandt* (Hrsg.), Fragen zur römischen Reiterei. Kolloquium anlässlich der Ausstellung «Reiter wie Statuen aus Erz. Die römische Reiterei am Limes zwischen Patrouille und Parade» im Limesmuseum Aalen am 25–26.02.1998. Stuttgart, 1999b. S. 23–30.
- Künzl. 2001 — *Künzl E.* Die Ikonographie der römischen Panzerplatte von Ritopek, Serbien / YU // *Belgian Archaeology in a European Setting. Album Amicorum Joseph Remi Mertens / Acta Archaeologica Lovaniensia Monographiae*. 2001. Bd. 12. P. 71–83.
- Künzl. 2004 — *Künzl E.* Sol, Lupa, Zwillingsgottheiten und Hercules: Neue Funde und Bemerkungen zur Ikonographie römischer Paradewaffen // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2004. Bd. 34. S. 389–406.
- Kuttner. 1995 — *Kuttner A.* Dynasty and Empire in the Age of Augustus: The Case of the Boscoreale Cups. Berkeley, 1995.
- Lammert. 1938 — *Lammert F.* Phalerae // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1938. Bd. XIX. Sp. 1660.
- Lawson. 1980 — *Lawson A. K.* Zu den römischen Reiterspielen // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1980. Bd. 10. S. 173–184.
- Lehner. 1904. — *Lehner H.* Die Einzelfunde von Novaesium // *Bonner Jahrbücher*. 1904. Bd. 111–112. S. 243–418.
- Lindenschmit. 1881 — *Lindenschmit L.* Masken und Visirhelme aus Erz und Eisen // *Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit*. Bd. 1. 1881. Beilage zu Heft 11, 1–10.
- Lindenschmit. 1889 — *Lindenschmit L.* Das Römisch-Germanische Centralmuseum in bildlichen Darstellungen aus seinen Sammlungen. Mainz, 1889.
- Lipperheide. 1896 — *Lipperheide F. F., von.* Antike helme. München, 1896.
- MacMullen. 1960 — *MacMullen R.* Inscriptions on armor and the supply of arms in the Roman Empire // *American Journal of Archaeology*. 1960. Vol. 64. P. 23–40.
- Manning. 1972 — *Manning W. H.* Ironwork hoards in Iron Age and Roman Britain // *Britannia*. 1972. Vol. 3. P. 224–250.
- Mansel. 1938 — *Mansel A. M.* Grabhügelforschung in Ostthrakien // *Bulletin de l'Institute d'Archéologie Bulgare*. 1938. T. 12. S. 154–89.
- Maxfield. 1981 — *Maxfield V. A.* The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981.
- Mielczarek. 1993 — *Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź, 1993.
- Namur. 1854 — *Namur A.* Une sepulture druidique du commencement de l'ère gallo-romaine, découverte entre Heilange et Souftgen en 1853 // *Publications de la Société pour la recherche et la conservation des monuments historiques dans le Grand-Duché de Luxembourg*. T. 9. Luxembourg, 1854.
- Negin. 1998 — *Negin A. E.* Sarmatian cataphracts as prototypes for Roman equites cataphractarii // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 1998. Vol. 9. P. 65–76.

- Nicolle. 1995 — *Nicolle D.* Medieval Warfare Source Book. Warfare in Western Christendom. L., 1995.
- Niemeyer. 1968 — *Niemeyer H. G.* Studien zur statuarischen Darstellung der römischen Kaiser. Berlin, 1968.
- Nikolov. 1976 — *Nikolov D.* The Roman Villa Catalka, Bulgaria // British Archaeology Reports. Ser. 17. Oxford, 1976.
- Petrikovits. 1952 — *Petrikovits H., von.* Troiaritt und Geranostanz // Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte (Festschrift R. Egger). 1952. Bd. I. S. 126–143.
- Petrikovits. 1951 — *Petrikovits H., von.* Besprechung Keim-Klumbach // Bonner Jahrbücher. 1951. Bd. 151. S. 143–150.
- Petrovic. 1991 — *Petrovic P.* Dona Militaria // Starinar. 1991. Bd. 42. S. 63–78.
- Petru. 1974 — *Petru P.* Rimski paradni oklep s Hrusice (Römischer Paradepanzerbeschlag aus Hrusice) // Situla. 1974. Bd. 14/15. S. 225–237.
- Pitts. 1987 — *Pitts L.* Musov — a Roman military station // Archaeology Today. 1987. April. P. 22–26.
- Popović, Mano-Zisi, Veličkovic, Jeličić. 1969 — *Popović B., Mano-Zisi D., Veličkovic M., Jeličić B.* Anticka bronza u Jugoslaviji. 1844–1969. Beograd, 1969.
- Radulescu. 1963 — *Radulescu A.* Elmi bronzee di Ostrov // Dacia. 1963. Vol. 7. P. 543–551.
- Rankov. 1994 — *Rankov B.* The Praetorian Guard. Oxford, 1994.
- Reinach. 1910 — *Reinach A. J.* Signa militaria // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1877–1919. Vol. IV.2. 1910. P. 1307–1325.
- Renel. 1903 — *Renel Ch.* Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon, 1903.
- Richardson. 1996 — *Richardson E. H.* The Muscle Cuirass in Etruria and Southern Italy: Votive Bronzes // American Journal of Archaeology. 1996. Vol. 100. N 1. P. 91–120.
- Robinson. 1975 — *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
- Robinson. 1976 — *Robinson H. R.* What the Soldiers Wore on Hadrian's Wall. Newcastle upon Tyne, 1976.
- Rose. 2005 — *Rose Ch. B.* The Parthians in Augustan Rome // American Journal of Archaeology. 2005. Vol. 109. N 1. P. 21–76.
- Rostovtseff. 1935 — *Rostovtseff M. I.* Dura and the Problem of the Parthian Art // Yale Classical Studies. 1935. Vol. 5.
- Ruprechtsberger. 1981 — *Ruprechtsberger E. M.* Zum Dolichenusfund von Mauer an der Url // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereins. 1981. Bd. 106. S. 45–54.
- Scherer. 1988 — *Scherer P.* Saeculum Augustum — Concordia Fratrum // Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien. 1988. Bd. 58. S. 115–127.
- Schröder. 1905 — *Schröder B.* Die Freiherrlich von Lipperheidesche Helmsammlung in den Kgl. Museen zu Berlin // Archäologischer Anzeiger. 1905. Bd. 20. S. 15–30.
- Schuppe. 1937 — *Schuppe E.* Torques // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1937. Bd. XVI. Sp. 1880.
- Speidel, Dimitrova-Milceva. 1978 — *Speidel M. P., Dimitrova-Milceva A.* The cult of the Genii in the Roman army and a new military deity // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1978. T. II. Bd. 16. Hf. 2. P. 1542–1555.
- Stadter. 1978 — *Stadter Ph.* The Ars Tactica of Arrian: Tradition and Originality // Classical Philology. 1978. Vol. 73. N 2. P. 117–128.
- Stark. 1876 — *Stark B.* Drei Metallmedaillons rheinischen Fundorts // Bonner Jahrbücher. 1876. Bd. 58. S. 1–56.
- Steiner. 1905 — *Steiner P.* Die Dona Militaria // Bonner Jahrbücher. 1905. Bd. 114/115. S. 1–98.
- Thomas. 1971 — *Thomas E. B.* Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenkunde. Budapest, 1971.

- Towneley. 1800 — *Towneley Ch.* Account of Antiquities discovered at Ribchester // *Vetusta Monumenta* 4.
- Toynbee, Clarke. 1948 — *Toynbee J. M. C., Clarke R. R.* A Roman decorated helmet and other objects from Norfolk // *Journal of Roman Studies*. 1948. Vol. 38. P. 20–27.
- Turnure. 1965 — *Turnure J. H.* Etruscan Ritual Armor: Two Examples in Bronze // *American Journal of Archaeology*. 1965. Vol. 69. P. 39–48.
- Um, Deschler-Erb. 1997 — *Um K., Deschler-Erb E.* Katalog der Militaria aus Vindonissa. Brugg, 1997.
- Van Daele. 1999 — *Van Daele B.* The Military Fabricae in Germania Inferior from Augustus to A. D. 260/270 // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 1999. Vol. 10. P. 125–136.
- Van Keuren. 1985 — *Van Keuren F.* Cosmic Symbolism of the Pantheon on the Cuirass of the Prima Porta Augustus // *The Age of Augustus* / Ed. R. Winkes. Providence, 1985. P. 177–187.
- Velkov. 1928 — *Velkov I.* Neue Grabhügel aus Bulgarien // *Bulletin de l'Institut d'Archéologie Bulgare*. 1928. T. 5. P. 13–55.
- Venedikov. 1960 — *Venedikov I.* Der Gesichtsmaskenhelm in Thrakien // *Eirene*. 1960. Vol. 1. S. 143–151.
- Vermeule. 1959 — *Vermeule C. C.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // *Berytus*. 1959. Vol. 13. P. 1–82.
- Vermeule. 1964 — *Vermeule C. C.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues: A Supplement // *Berytus*. 1964. Vol. 15. P. 95–110.
- Vermeule. 1966 — *Vermeule C. C.* Hellenistic and Roman Cuirassed Statues: 2 Suppl // *Berytus*. 1966. Vol. 17. P. 49–59.
- Vermeule. 1974 — *Vermeule C. C.* Cuirassed Statues — 1974 Supplement // *Berytus*. 1974. Vol. 23. P. 5–26.
- Vermeule. 1978 — *Vermeule C. C.* Cuirassed Statues — 1978 Supplement // *Berytus*. 1978. Vol. 26. P. 85–123.
- Vermeule, Neuerburg. 1973 — *Vermeule C., Neuerburg N.* Catalogue of the Ancient Art in the J. Paul Getty Museum. Malibu, 1973.
- Waurick. 1988 — *Waurick G.* Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // *Antike Helme. Handbuch mit Katalog. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Bd. 14. Mainz, 1988. S. 151–180.
- Waurick. 1988 — *Waurick G.* Römische Helme // *Antike Helme. Handbuch mit Katalog. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Bd. 14. Mainz, 1988. S. 327–364.
- Waurick. 1994 — *Waurick G.* Römischer Eisenhelm aus Windisch, Kt. Aargau/Schweiz (1. Jahrhundert n. Chr.) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 1994. Bd. 41. S. 645.
- Werner. 1941 — *Werner J.* Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. Ein Beitrag zur frühgermanischen Kunst- und Religionsgeschichte // *Römisch-germanische Forschungen*. Bd. 16. Berlin, 1941.
- Willems. 1992 — *Willems W. J. H.* Roman Face Masks from the Kops Plateau, Nijmegen, The Netherlands // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 1992. Vol. 3. P. 57–66.
- Winterbottom. 1989 — *Winterbottom S.* Saddle covers, chamfrons and possible horse armour from Carlisle // *Roman Military Equipment: the Sources of Evidence: Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference. British Archaeological Reports, International Ser. 476*. Oxford, 1989. P. 319–336.
- Ypey. 1966 — *Ypey J.* Twee viziermaskerhelmen uit Nijmegen // *Numaga* 1966. Bd. 13. S. 187–199.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	12
Г л а в а I. Римская армия на триумфах, парадах и кавалерийских турнирах	17
Триумфы и парады	17
Происхождение кавалерийских турниров	27
Hippika gymnasia по Арриану	31
Современная реконструкция кавалерийских турниров	35
Г л а в а II. Церемониальное парадное и турнирное вооружение	39
Проблемы идентификации парадного вооружения	39
Панцири	51
Нагрудные и наспинные пластины	51
Лорика мускулата (logica musculata)	59
Поножи	69
Шлемы	77
Тип Калькризе	88
Тип Неймеген	95
Тип Рибчестер	105
Тип Силистра	112
Тип Герцогенбург	119
Тип Реска и Штраубинг	128
Тип Костол	138
Типы Пфрондорф, Хеддернхайм, Уэртинг и Гизборо/Тайленхофен	138
Конское снаряжение	155
Доспех (cataphracta)	155
Конские наглазники, налобники и нагрудники	156
Щиты	169
Штандарты	176
Награды (dona militaria)	180
Г л а в а III. Производство и эксплуатация парадного и турнирного вооружения	183
Материал и техника изготовления	183
Мастерские и арсеналы	186
Г л а в а IV. Иконография парадного вооружения	191
Декор парадного вооружения	191
Религиозно-идеологическое и магические значения элементов декора	196
Заключение	208
Дополнения	210
Литература	223

РИМСКОЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ И ТУРНИРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Андрей Евгеньевич Негин

родился в городе Горьком (ныне Нижний Новгород) в 1975 г. С 2002 г. обучался на историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского на кафедре истории Древнего мира и Средних веков. Приоритетным направлением научной деятельности А. Е. Негина является изучение вооружения римской армии. Сфера его научных интересов охватывает также другие народы и хронологические периоды, включая вооружение и военное дело средневековых кочевников и Древней Руси. Все эти темы отражены в публикациях на страницах российских и зарубежных археологических изданий, в числе основных – «Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы» (Саров, 2001), «Позднеримские шлемы: проблемы генезиса» (Antiquitas Aeterna. Вып. «Война, армия и военное дело в античном мире». 2007).

ISBN 978-5-8465-0788-3

9 785846 507883